

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

СОБРАННЫЯ

А Ф А Н А С Ъ Е В Ы М Ъ .

Издание Полное.

Л О Н Д О Н Ъ .

1859.

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *легенды*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія. и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятая юными новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріаль для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ

VI

народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обратилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противуположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ несостоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія; такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угольниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейской оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давнопрошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣщеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двое-вѣрнымъ*.

Если они и уцѣляли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ возрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ миѳовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлать ихъ умомъ и волею, и касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

VIII

б) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окайная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотрятъ. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и щедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжаился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Былъ-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашель житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали взыскать такого челоуѣка изъ старыхъ людей, которой могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходитъ о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ: та-

¹⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у мѣщевъ: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kognährer»). Г.: Терещенко сообщаетъ еще два преданія о ичель (ч. V, стр. 46—47).

кого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой поинтъ. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говоритъ: «я не сѣвалъ и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началъ его царь спрашивать: «къмъ это жито сѣяно»? — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владѣлъ, чужимъ не корыстовался». (Записано въ архангельской губерніи.)

с) Ивановской свѣтащійся жукъ *керспица* (*keršpica*) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. ¹⁾

д) Когда архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искупитель, — она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами ²⁾; между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряютъ, будто кам-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

²⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

Х

бала потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походить на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ¹⁾: знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подъ вліяніемъ христіанства и другой смыслъ, и другую обстановку.

е) Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая лошадь всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а волъ не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ. ²⁾

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ трески, произошли отъ того, что апостолъ Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. ³⁾

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?» — Свинья съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

¹⁾ Сынъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

²⁾ Записано въ харьковской губерніи.

³⁾ Московск. Вѣдомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины. ¹⁾

h) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы ривили отныни и до вика!» Съ той самой поры и стали они медвѣдями.

Такой разсказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губерніи; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблею и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегіи существуетъ разсказъ о превращеніи одной женщины въ *дятла* (Norweg. *Volksmärchen*, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготовляла хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ

¹⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

XII

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромный хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестоко-сердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется *Gertrudsvogel*. ¹⁾

Русскіе поселяне также рассказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-пить! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надобдая людямъ, жалобно проситъ пить, пить!» ²⁾

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегіи разумѣется *rothhaubichte Schwarzsprecht*.

²⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр 47.

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ пискливымъ чириканьемъ; жида увидали Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ разсказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ предали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умерь, умерь! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробьѣ разсказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вѣтъ въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. ¹⁾

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидала жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Дая, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвини стараются топить печи до вари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскій посяванъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

XIV

этотъ жареный каплуцъ полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *пѣтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! ¹⁾

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ произшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гуманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ человѣка уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братія,
Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
«Ужь ты истинный Христосъ, царь небесный!»

¹⁾ Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. поэзи, стр. 85

Чѣмъ мы будемъ бѣдные питаться?
 Чѣмъ мы будемъ бѣдные одѣваться, обуваться?»
 — Не плачте вы, бѣдные, убогіе!
 Дамъ я вамъ гору да золотую,
 Дамъ я вамъ рѣку да медвяную. .
 Тутъ возговорилъ Иванъ да Богословецъ:
 «Вѣдь ты, истинный Христосъ да царь небесный!
 Не давай ты имъ горы золотыя,
 Не давай ты имъ рѣки медвяныя;
 Сильные-богатые отнимутъ:
 Много тутъ будетъ убійства,
 Тутъ много будетъ кровопролитья.
 Ты дай имъ свое святое имя;
 Тебя будутъ поминати,
 Тебя будутъ величати:
 Будутъ они сыты да и пьяны ¹⁾,
 Будутъ и обуты, и одѣты».
 Тутъ возговорилъ Христосъ да царь небесный:
 «Ты Иванъ да Богословецъ,
 Ты Иванъ да Злотоустой!
 Ты умѣлъ слово сказати,
 Умѣлъ слово разсудити»... ²⁾

По народнымъ сказаніямъ, Спаситель вмѣстѣ съ апо-
 столами и теперь, какъ нѣкогда — во время земной
 своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя
 страннической видъ убогаго; испытывая людское милосер-
 діе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и ску-

¹⁾ Т. е. будутъ напоены, не будутъ мучиться жаждою, а вовсе не
 въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

²⁾ За сообщеніе этого прекраснаго стиха приносятся благодарности
 П. А. Безсонову.

пыхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. ¹⁾ Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ, какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: «Речеть Царь сущимъ одесную его: прїидите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоисте мя, странень бѣхъ — и введосте мене, нагъ — и одѣясте мя, боленъ — и посѣтисте мене, въ темницѣ бѣхъ — и прїидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща — и напитахомъ, или жаждуща — и напоихомъ, когда же ты видѣхомъ странна — и введохомъ, или нага — и одѣяхомъ, когда же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ — и прїидохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речеть имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ — мнѣ сотвористе». (Еванг. отъ Матвѣя, гл. XXV, ст. 34 — 40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христосъ является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представляемъ здѣсь нѣкоторые, наиболее интересные, въ переводѣ:

¹⁾ Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ странствованій Спасителя. (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1, статья Максимовича, стр. 78.)

1. КТО МЕНЬШЕ ЖЕЛАЕТЪ, ТОМУ БОЛЬШЕ ДАЕТСЯ.

Было три брата; ничего больше не имѣли они на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного грушеваго дерева, и стерегли то дерево по очереди: одинъ оставался подлѣ груши, а двое другихъ уходили на поденщину. Однажды Богъ послалъ ангела посмотри́ть, какъ живутъ братья, и если плохо — то надѣлать ихъ лучшимъ пропитаніемъ. Ангелъ Божій сошелъ на землю, обратился въ нищаго, и подойдя къ тому, который оберегалъ дерево, попросилъ у него одну грушу. Этотъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ его и удалился. На слѣдующій день остался другой братъ стеречь дерево; опять пришелъ ангелъ и попросилъ одну грушу. И этотъ сорвалъ ему изъ своей доли, подалъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ и ушелъ. Когда настала чередъ третьему брату оберегать дерево, опять подошелъ ангелъ и попросилъ удѣлать ему одну грушу. И третій братъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Когда настала четвертый день, ангелъ сдѣлаясь монахомъ, пришелъ рано поутру и засталъ исѣхъ троихъ братьевъ подлѣ избы. «Идите за мною, сказалъ имъ ангелъ; я надѣлю васъ лучшимъ пропитаніемъ». Они пошли за нимъ, не говоря ни слова. Приходятъ къ большому, бурливому потоку; «чего бы ты желалъ?» спросилъ ангелъ старшаго брата. А онъ въ отвѣтъ: «чтобы изъ этой воды сдѣлалось вино, и досталось бы мяѣ». Ангелъ перекрестилъ посохомъ ручей — и вмѣсто воды потекло вино: тутъ приготавливаютъ бочки, тутъ вино наляваютъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ старшему брату, и

XVIII

оставилъ его на томъ мѣстѣ, а съ двумя другими пошелъ дальше. Вышли они на поляну — всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросилъ ангелъ средняго брата: «чего ты желаешь?» — Чтобы всё это были овцы, и принадлежали бы мнѣ. — Ангелъ Божій перекрестилъ поле своимъ посохомъ — и намѣсто голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, однѣ бабы доятъ, другія молоко разливаютъ, третьи снимаютъ сливки, иныя сыръ дѣлаютъ, иныя масло топятъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ; взялъ съ собой младшаго брата, пошелъ съ нимъ по полю, и спросилъ: «а тебѣ чего-бъ хотѣлось?» — Мнѣ ничего другаго не надо, только бы далъ мнѣ Господь жену отъ праведной христіанской крови. Тогда сказалъ ангелъ: «о, это не легко достать; во всемъ свѣтѣ только и есть три такія: двѣ замужемъ, а одна дѣвица, и за ту двое сватаются». Идучи долго, пришли они въ одинъ городъ, въ которомъ былъ царь, а у него дочь отъ праведной христіанской крови. Какъ пришли въ городъ — сейчасъ къ царю просить у него невѣсту, а тамъ уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидѣлъ ихъ царь, сказалъ своимъ приближеннымъ: «какъ-же быть теперь: эти — цари, а эти — словно нищіе перель ними?» — «А знаете-ли что?» сказалъ ангелъ. Сдѣлаемъ-ка такъ: пускай невѣста возметъ три лозы и посадить ихъ въ саду, назначивъ каждому изъ жениховъ какую хочетъ; на чьей лозѣ будетъ поутру гроздь, за того пускай и выйдетъ замужъ.» Всѣ на то согласились; царица посадила въ саду три лозы, и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозѣ бѣдняка гроздь. Тогда царь, нечего дѣлать, отдалъ дочь свою младшему брату, и обвѣнчали ихъ въ церкви. Послѣ вѣнца отвелъ ихъ ангелъ въ лѣсъ и оставилъ тамъ; здѣсь жили они цѣлой годъ. А когда исполнился годъ, сказалъ Господь ангелу опять: «пойди, посмотри, какъ живутъ тѣ сироты; если въ нуждѣ, надѣли

ихъ больше». Ангелъ спустился на землю, обратился опять въ нищаго; пришелъ къ тому брату, у котораго потокъ лился виномъ, и попросилъ у него чашу вина. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по чашѣ, такъ и вина не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ — и поился потокъ, какъ прежде, водою. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ старшему брату, ступай подь свою грушу, стереги ее!» Затѣмъ удалился оттуда ангелъ; пришелъ къ другому брату, у котораго все поле овцы прикрыли, и попросилъ у него кусокъ сыра. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по куску, такъ и сыра не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ поле — и вмѣсто овецъ вспорхнули голуби. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ среднему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Послѣ того пошелъ ангелъ къ младшему брату посмотрѣть, какъ онъ живетъ; приходитъ — а онъ съ своей женою живутъ въ лѣсу бѣдно, въ хижинѣ. Ангелъ попросился къ нимъ переночевать; они охотно, отъ всего сердца, его приняли, и стали упрашивать не поставить имъ того въ вину, что не могутъ угостить его такъ, какъ бы желали: «мы люди бѣдные!» говорили они. «Ничего, отвѣчалъ ангелъ; я доволенъ и тѣмъ, что есть.» Что будешь дѣлать? муки у нихъ не было, чтобы замѣсить настоящій хлѣбъ; такъ они толкли древесную кору и изъ той приготавливали хлѣбъ. Такой-то хлѣбъ замѣсила теперь хозяйка для своего гостя и посадила въ печь. Стали они разговаривать; послѣ глядь — готово ли⁹ а передъ ними настоящій хлѣбъ, и такой славной, такъ поднялся высоко... Увидя то, мужъ съ женой возблагодарили Бога: «слава тебѣ, Господи! что можемъ угостить странника». Подали хлѣбъ гостю, принесли кувшинъ съ водою, и только стали пить — а въ кувшинѣ вино. Въ то время ангелъ перекрестилъ своимъ посохомъ хижину, и ня

XX

томъ самомъ мѣстѣ сталъ царской дворецъ, а въ немъ всего много. Ангелъ благословилъ ихъ и оставилъ тамъ, и прожилъ они счастливо весь свой вѣкъ. ¹⁾

2. ХРИСТОСЪ - СТРАННИКЪ.

а) Однажды Христосъ и апостоль Петръ пришли поздно вечеромъ въ деревню. Господь хотѣлъ искать ночлега въ бѣдной избушкѣ, но св. Петръ настаивалъ, что они могутъ пойти въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, гдѣ во всемъ достатокъ. Господь не удерживалъ его; позволилъ ему идти, а самъ присѣлъ подлѣ бѣдной избушки. Петръ отправился въ самой что ни есть богатой домъ. «Здѣсь во всемъ изобиліе, здѣсь дадутъ намъ добрый ужинъ и хорошій ночлегъ!» думалъ онъ; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: нѣтъ у меня для бродягъ ни ужина, ни ночлега! Разсердился Петръ, однако не потерялъ надежды и пошелъ въ другой домъ. И здѣсь, и въ третьемъ домѣ получилъ онъ точно такой же отказъ. Съ досадою вернулся онъ наконецъ къ Спасителю. «Пойдемъ, поищемъ въ этой избушкѣ» сказалъ Господь, и оба вошли въ хижины. Они застали хозяйку съ дѣтьми за столомъ. Повсюду замѣтна была нищета. «Ну, хорошо мы будемъ приняты, подумалъ Петръ; у бабы у самой нѣтъ ничего!» Но онъ ошибся. Когда Господь попросилъ ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвѣчала: «если вы не побрезгаете тѣмъ, что есть у меня, — я очень рада васъ угостить». Господь былъ всѣмъ доволенъ. Вдова тотчасъ встала и вышла; немного погодя воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что супъ не довольно-жиренъ; она охотно бы приготовила его

¹⁾ Српске народне приповѣтке, стр. 99—103.

жирнѣе, да масла нѣтъ. «Петръ, снзаяь Спаситель, считай *глазки* ¹⁾, что въ супѣ плавають!» Апостоль сосчиталъ глазки; ихъ было болѣе шестидесяти, и то считая непристально. Когда они поѣли и стали собираться на чердакъ, гдѣ приготовила вдова имъ постели. — Спаситель отсчиталъ столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ *глазковъ*, и подарилъ ихъ вдовѣ. Бѣдная женщина не знала, что дѣлать отъ радости.

Рано утромъ пошла она въ сосѣдній богатой домъ за молокомъ, чтобы изготовить странникамъ хорошій завтракъ, и разсказала тамошней хозяйкѣ, какъ щедро наградили ее странники за плохой супъ: они дали столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ *глазковъ*. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдовѣ, чтобы та ничего не варила для странниковъ, что она сама желаетъ ихъ пригласить, что у ней всего много и супъ можетъ быть изготовленъ лучше. Когда передала о томъ вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказалъ: «пойдемъ, Петръ!» Они пошли въ домъ той крестьянки, сопровождаемые благословеніями вдовы. Богатая крестьянка приготовила имъ жирной-жирной супъ. «Если они такъ щедро заплатили за худой супъ, думала она; то какъ-же заплатятъ за хорошій!» — «Петръ, сказалъ Господь, считай *глазий*, что въ супѣ плавають». — «О Господи!» воскликнулъ Петръ, которому супъ показался очень вкуснымъ, «супъ такъ хорошъ, что весь жиръ на немъ слился въ одинъ глазъ. Хозяйка заслуживаетъ, чтобъ ты вознаграждалъ ее вдвое больше». Уходя, Господь подарилъ крестьянкѣ только одинъ золотой. Она была недовольна этимъ, однако Господь не далъ ей ничего болѣе. «сколько *глазковъ*, столько и золотыхъ!»

¹⁾ Плавающие поверхъ кружки растопленнаго масла.

Дорогою осуждалъ Петръ Господа, но Господь сазалъ: «Петръ, не въ величинѣ достоинство дара, а въ той внутренней цѣли, съ какою онъ дается. Истинно говорю тебѣ, что худой супъ бѣдной вдовы въ шестьдесятъ разъ болѣе стѣитъ, чѣмъ вкусной супъ богатой крестьянки».

—

в) Разъ пришелъ Спаситель въ деревню и увидѣлъ убогаго старика, который со слезами вышелъ изъ богатаго дома. «О чемъ ты плачешь, старикъ?» спросилъ Господь. — «О Господи! жаловался нищій, я голоденъ и не могу выпросить ни кусочка хлѣба. Вездѣ бабы трудятся надъ коноплею; всѣ мнѣ отпазываютъ, говорятъ: некогда, и ни одна не хочетъ удѣлять на столько времени, чтобы отрѣзать мнѣ ломоть хлѣба!»

Господь велѣлъ ему обождать, и пошелъ въ тотъ домъ, изъ котораго нищій былъ прогнанъ. Хозяйка и работницы были заняты дѣломъ: онѣ вязали коноплю, чтобы потомъ ее намочить. Спаситель попросилъ кусочекъ хлѣба. «Ишь таскаются толпами, одинъ за другимъ! заворчала на него крестьянка. Проваливай! Мнѣ некогда вамъ прислуживать!» И когда Господь все-таки продолжалъ просить, говоря, что Богъ заплатитъ ей за то, что сдѣлаетъ она для бѣднаго, — раздраженная крестьянка закричала: «мнѣ не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствія и не кину работы!» Господь удалился, и пошелъ въ другой домъ, гдѣ не лучше ему посчастливилось. Вездѣ ему отказывали. Тогда Господь сказалъ крестьянкѣ, въ которой обратился онъ съ просьбою послѣ всѣхъ: «попомни меня — на будущее время васъ ожидаетъ двойная работа за коноплей!» Съ этими словами онъ удалился и взялъ съ собой нишаго. Съ того времени приходится бзбамъ дважды дергать коноплю: сначала посконь

(*der männliche Hanf*), а послѣ ту, что семена приносить (*Saathanf*). ¹⁾

3. НАГРАДА И НАКАЗАНИЕ.

Въ одной деревнѣ жили два сосѣда; у одного было сто овецъ, у другаго только три. Бѣдный сказалъ богатому: «позволь моимъ овцамъ пастись вмѣстѣ съ твоими, тебѣ вѣдь это все равно!» Самъ-же онъ не имѣлъ никакого пастбища. Богатый не хотѣлъ было, но послѣ позволилъ; мальчикъ бѣдняка погналъ свои три овцы на поле къ сосѣднему стаду, и остался тамъ замѣсто пастуха.

Спустя нѣкоторое время случилось, что король прислалъ къ богатому мужику и потребовалъ отъ него одной жирной овцы. Мужикъ не могъ отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну изъ сотни собственныхъ своихъ овецъ; поэтому онъ приказалъ своимъ работникамъ поймать одну изъ трехъ овецъ бѣдняка и отдать ее королевскимъ слугамъ. Работники такъ и сдѣлали. Сынъ бѣдняка горько плакалъ, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскорѣ послѣ того потребовалъ король у богатаго мужика другой овцы; этотъ опять приказалъ своимъ работникамъ отдать одну изъ тѣхъ, что принадлежали бѣдному. Такъ и было, и мальчикъ еще болѣе плакалъ, когда увели у него другую овцу. «Король, подумалъ онъ про себя, скоро потребуетъ еще одну овцу, а работники богатаго сосѣда возьмутъ у меня и эту послѣднюю; лучше убраться мнѣ, пока есть

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mährer und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, 1857, Leipzig, стр. 90—92.

время!» Онъ такъ и сдѣлалъ и ушелъ далеко, далеко на высокую тору; тамъ нашлось довольно корму и свѣжей воды, и овцѣ его было привольно.

Спустя нѣсколько дней сказалъ бѣдной самъ себѣ: «пойду— посмотрю, что дѣлаютъ мои овцы и мальчикъ!» Когда пришелъ онъ къ стаду и спросилъ работниковъ о своемъ ребенкѣ, они отвѣчали: «двѣ изъ твоихъ овецъ отданы нами, по приказанію хозяина, королю; а съ послѣднею ушелъ куда-то твой мальчикъ». Бѣдной сталъ жаловаться, «гдѣ я теперь его найду?» говорилъ онъ; но тотчасъ-же оправился и пошелъ искать. Долго не было примѣтно никакого слѣда. Онъ спрашивалъ у Солнца, не можетъ ли оно указать ему путь-дорогу. Къ сожалѣнію, Солнце не знало дороги. Наконецъ онъ пришелъ къ буйному и свирѣпому Вѣтру, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ находится его сынъ? «Да, я знаю; и отправляюсь туда, и охотно возьму тебя съ собой!» Тутъ подхватилъ его буйный Вѣтеръ и въ одно мгновеніе перенесъ на гору къ сыну; мальчикъ находился въ долинѣ, которую никогда не озаряло солнце. Бѣдной мужикъ обрадовался, увидя сына и услышавъ, какъ онъ сберегъ послѣднюю овцу. «Мы теперь оба останемся здѣсь, сказалъ онъ, и будемъ заботливо за нею смотрѣть; потому что эта овца составляетъ все наше богатство!» .

Черезъ нѣсколько времени послѣ того случилось двумъ странникамъ взойти на горы; они пристали къ бѣдному мужику и расположились на отдыхъ. Это были Христосъ и св. Петръ. «Мы издалека пришли, сказалъ Христосъ, и такъ утомлены, такъ голодны, что конечно должны умереть, если не достанемъ вскорѣ хотя немного мяса.» Бѣдный почувствовалъ состраданіе и тотчасъ отвѣчалъ: «я могу вамъ пособить!» Онъ быстро отправился, взялъ свою овцу, убилъ ее, разложилъ огонь и приготовилъ для своихъ гостей доброй

кусочек жаренаго, которое показалось имъ очень вкуснымъ. После угощенія сказалъ Христосъ мальчику, чтобы онъ собралъ всѣ кости и положилъ ихъ въ овечью шкуру. Мальчикъ исполнилъ, и потомъ всѣ они вмѣстѣ легли спать. Раннимъ утромъ поднялся Христосъ съ св. Петромъ; благословили бѣдника и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужикъ съ своимъ мальчикомъ, онъ увидѣлъ передъ собою большое стадо овецъ; впереди стояла та самая овца, которую онъ вчера зарѣзалъ, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу записку, въ которой было сказано: «все принадлежитъ бѣдному и его сыну!» Три собачки прыгали около нихъ и ласкались. Бѣдной не могъ скрыть своей радости и счастья, и отправился со стадомъ домой. Когда онъ воротился, собралась цѣлая деревня посмотреть на его многочисленныхъ и красивыхъ овецъ; бѣдному то и дѣло приходилось рассказывать, какъ чрезъ двухъ убогихъ странниковъ досталось ему такое счастье. Зависть не давала покоя богатому его сосѣду; «если такъ, думалъ онъ, то я вскорѣ долженъ получить еще болѣе!» Онъ пошелъ, созвалъ отовсюду бѣдныхъ страшиковъ и нищихъ, перебилъ всѣхъ своихъ овецъ, нажарилъ мяса и предложилъ убогимъ. Потомъ старательно собралъ всѣ кости: въ шкурку каждой овцы положилъ именно тѣ, которыя ей принадлежали, и улегся спать. Онъ однако не могъ заснуть; въ мысляхъ своихъ онъ не переставая до самаго утра высчитывалъ, сколько больше должно быть у него овецъ, нежели у сосѣда, потому что онъ убилъ цѣлую сотню, а тотъ только одну. Когда разсвѣло, онъ тотчасъ вскочилъ, чтобы взглянуть на свое огромное стадо; но передъ нимъ лежали только кости въ овечьихъ шкурахъ, и ни одна не двигалась и не шевелилась. А! подумалъ богатой, такъ и знаю же, отчего эта помѣха: надобно, чтобы удалились странники и нищие! «Эй, вы бродяги, убирайтесь-ка отсюда!» Солице уже стояло

высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не умножилось стократно, оно совсѣмъ пропало! Жалуясь на потерю всего своего добра, онъ пошелъ съ проклятіями и утопился.

А бѣдной сосѣдъ сталъ богатъ и счастливъ; рассказываютъ, что въ послѣдствіи сынъ его женился на одной королевнѣ. ¹⁾

—

Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ» (вып. 1, стр. 61 — 70; вып. 2, стр. 121 — 128) напечатана нами легенда о Маркѣ-Богатомъ. Сообщаемъ еще одинъ вариантъ:

4. МАРКО - БОГАТОЙ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ купецъ Марко-Богатой; казны и всякаго имѣнія было у него столько, что и счесть нельзя! Жилъ онъ, веселился; а нищихъ къ себѣ и на дворъ не пускалъ: таковъ былъ немилостивъ.

Въ одно время приснился ему сонъ: приготовься де, Марко-Богатой, и ожидай — самъ Господь будетъ къ тебѣ въ гости! Поутру всталъ Марко, призвалъ жену и велѣлъ готовить большой пиръ; весь дворъ свой выславъ алымъ бархатомъ да золотыми парчами и по всѣмъ закоулкамъ разставилъ батраковъ и прикащиковъ, чтобы не пускали никого изъ нищей братіи, а гнали бы въ-зашиб. Вотъ собрался совсѣмъ Марко-Богатой и сѣлъ поджидать Господа: часъ ждетъ, дру-

¹⁾ Deutsche Volksmärchen aus dem Sachseulande in Siebenbürgen, gesammelt von Joseph Haltrich, Berlin, 1856, стр. 67—70.

гой ждётъ — не видать гостя. А нищие какъ услышали, что у Марка-Богатаго приготовленъ большой пяръ, такъ и поваляли къ нему со всѣхъ сторонъ за святымъ подааніемъ; только батраки и прикащики никого не пропускаютъ, всѣхъ такъ и гонятъ въ-зашей. Вотъ одинъ убогой старичокъ, древній-древній, одѣтъ весь въ рубище, и зашелъ какъ-то на Маркинъ дворъ. Какъ увидѣлъ его изъ окна Марко-Богатой, закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, вы слуги мой-неслухи! али глазъ у васъ нѣту? Вишь, какой-то невѣжа по двору расхаживаетъ, чтобъ сейчасъ его не было!» Въ ту жъ минуту подскочили слуги, подхватили убогаго подъ руки и вытолкали черезъ задній дворъ. Увидала убогаго одна добрая старушка, и говоритъ ему: «пойдемъ ко мнѣ, нищенкой! я тебя накормлю, я тебя упокою» Привела его къ себѣ, накормила, напоила и спать уложила, а Марко-Богатой такъ и не дождался Господа! Въ самую полночь проснулась хозяйка, и слышитъ — кто-то постучался подъ окномъ и спросилъ: «праведный старче! ты здѣсь ночуешь?» — Здѣсь, сказалъ убогой. «Въ такой-то деревнѣ у бѣднаго мужика родился сынъ; какимъ наградишь его счастіемъ?» Огвѣчалъ убогой: «владѣть ему всею казною и всѣмъ имѣніемъ Марко-Богатаго!» На другой день убогой простился съ хозяйкою и пошелъ странствовать, а старушка сейчасъ на дворъ къ Марку-Богатому и про все ему рассказала. ¹⁾

Марко поѣхалъ къ бѣдному мужику и выпросилъ у него мальчика: «отдай, говоритъ; я возьму его въ пріемыши, воспитаю — добру научу; а какъ стану умирать — все богатство за нимъ запишу». Говоритъ эти рѣчи, а въ головѣ нынѣ

¹⁾ По другому списку: Спаситель въ нищенскихъ лохмотьяхъ попросился ночевать къ одному мужику, вошелъ въ избу и легъ на лавкѣ. Спустя немного заѣхалъ туда-же Марко-Богатой, увидалъ убогаго, прогналъ съ лавки и самъ улегся на его мѣстѣ. Въ полночь явился подъ окно Михайль-архан-

XXVIII

думки. Взняль мальчика, поѣхаль домой и на дорогѣ бросилъ его въ сугробъ: «пускай де замерзнетъ; тогда и увидить, каково владѣть Маркиной казною!» На ту самую пору выѣхали въ поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наѣхали на ребенка; взяли его съ собою, выростили и уму разуму наставили. Прошло много лѣтъ, много воды утекло: случилось Марку-Богатому заѣхать къ тѣмъ охотникамъ; увидалъ молодого приемыша, слово за слово, разговорился объ немъ и узналъ, что это тотъ самый мальчикъ, котораго онъ бросилъ въ полѣ. Сталъ просить его Марко-Богатой: «сходи, говорить, ко мнѣ на домъ, отнеси къ женѣ письмо». А въ письмѣ написалъ, чтобъ его тотчасъ затравить собаками. Бѣдный приемышъ отправился въ путь; идетъ дорогою, а на встрѣчу ему убогой старикъ въ рубищѣ, и то былъ не простой нищій—то былъ самъ Христосъ. Онъ остановилъ путника, взялъ у него письмо и только подержалъ въ рукахъ ¹⁾ — какъ въ ту жъ минуту все сказанное въ письмѣ переѣнилось: жена Марка-Богатаго должна принять посланнаго съ честію и тотчасъ женить его на своей дочерѣ. Какъ написано, такъ и сдѣлано. Воротился домой Марко-Богатой, еще пуще осерчалъ на зятя, и говорить ему: «вечеромъ де попозднѣе сходи на винокурню да посмотри за работою»; а самъ приказалъ работникамъ: какъ прійдетъ молодецъ — сейчасъ его, не говоря ни слова, бросить въ горячій котель. Сталъ было зять собираться на винокурню, и вдругъ ему попригчилось, напала на него такая хворь, что по неволѣ пришлось дома

гелъ, постучался, и спрашиваетъ: «Господи, Иисусе Христе! здѣсь ли ночуешь?» — Здѣсь, говоритъ Господь. «У бѣднаго мужика сынъ родился, у Марка-Богатаго дочь, Господи, какимъ ихъ счастлиемъ, какою судьбою надѣлишь?» Отвѣчалъ Господь: «пускай сынъ бѣднаго владѣетъ и дочерью и всѣмъ имѣниемъ Марка-Богатаго».

¹⁾ Въ другомъ спискѣ перебросилъ съ руки на руку.

остаться. А Марко-Богатой, выждавъ время, пошелъ посмотреть, что сталося съ его зятемъ, и таки прямо попалъ винокурамъ въ лапы и угодилъ въ горячій котелъ! (Изъ собранія В. И. Даля.)

Подобный-же рассказъ находимъ въ изданіи: «Ungarische Volksmärchen» (Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, Pesth), № 17, стр. 188 — 193. ¹⁾

Присоединяю еще три легенды о странствованіи Спасителя по землѣ: двѣ — извѣстныя между славянскихъ племенъ и одну — принадлежащую нѣмцамъ:

5. ПѢВЦЫ.

Случилось какъ-то — Христосъ и святой Петръ странствовали по свѣту. Пришли они въ деревню; здѣсь въ одношъ домѣ такъ хорошо пѣли что Господь остановился и заслушался. святой же Петръ отправился далѣе. Пройдя нѣсколько

¹⁾ Въ валахскихъ сказкахъ (Walach. Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 6) есть одна подъ заглавіемъ: «Die altweibertage», въ которой также упоминается о странствованіи Спасителя съ апостоломъ Петромъ. Злая свекровь мучаетъ свою сноху трудными работами, наконецъ заставляетъ ее вымыть добѣла волну, снятую съ черной ошцы. Съ утра до вечера трудилась она, руки ея устали, а успѣха не было, съ тора заплакала бѣдная. На ту пору шелъ мимо Спаситель съ св. Петромъ. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ее Господь. Она рассказала. «Будь послушна матери, возразилъ Спаситель, мой и усталыми руками; да будетъ Богъ съ тобой!» Принялась она снова мыть, и мало-по-малу чернакъ кодна обратилась въ бѣлую. Злую свекровь постигло наказаніе: раннею весною она погнала своихъ овецъ на горы и тамъ окаменѣла со всѣмъ стадомъ.

шаговъ, онъ оглянулся назадъ: Христось стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Св. Петръ снова пошелъ дальше; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся въ другой разъ: Христось стоялъ все тамъ-же. Снова дальше и дальше пошелъ св. Петръ; пройдя опять нѣсколько, онъ оглянулся нѣ третій разъ, и увидѣлъ, что Христось все еще стоялъ и слушалъ. Тогда поворотилъ онъ назадъ, и подошелъ къ дому, изъ котораго неслась прекрасная народная пѣсня. Послушали они нѣкоторое время, и двинулись оба въ путь: вотъ подошли къ другому дому, гдѣ также раздавалось пѣніе. Св. Петръ остановился было послушать, но Господь направилъ свои стопы дальше. Пошелъ и св. Петръ; онъ былъ сильно изумленъ. — Что такъ сильно тебя изумило? спросилъ Христось. «Меня то поразило отвѣчалъ св. Петръ, что ты остановился тамъ, гдѣ пѣлasi народная пѣсня, и проходишь мимо здѣсь, гдѣ поются духовные стихи.» Тогда сказалъ ему Христось: «о мой любимой св. Петръ! тамъ пѣли народную пѣсню, но сохраняя всевозможное благоговѣніе; здѣсь-же поютъ духовные стихи, но безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія». ¹⁾

6. АПОСТОЛЬ ПЕТРЪ.

Однажды рядомъ съ Спасителемъ шелъ апостоль Петръ весь погруженный въ думы; вдругъ онъ сказалъ «какъ хорошо, думаю, быть Богомъ! Хоть бы мнѣ на полдня сдѣлаться Богомъ, послѣ я опять готовъ быть Петромъ!» Господь усмѣхнулся и сказалъ: «пусть будетъ по твоему желанію; будь Богомъ до вечера!» Между тѣмъ приблизились они къ

¹⁾ Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmalzer, ч. 2, стр. 175.

деревнѣ, изъ которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала ихъ на лугъ, оставила тамъ, и поспѣшила назадъ въ деревню. «Какъ, ты хочешь оставить гусей однихъ?» спросилъ ее Петръ. — А что, неужли стеречь ихъ и сегодня? У насъ нынче храмовой праздникъ, возразила крестьянка. «Но кто же долженъ беречь твоихъ гусей?» спросилъ Петръ. — Пусть Господь Богъ бережетъ ихъ сегодня! сказала крестьянка и удалилась. «Петръ! ты слышалъ, сказалъ Спаситель. Я бы охотно пошелъ съ тобою въ деревню на храмовой праздникъ; но вѣдь гусямъ можетъ приключиться что и худое: ты сегодня Богъ до вечера, ты долженъ и беречь ихъ.» Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сторожить гусей; но далъ зарокъ, что никогда болѣе не пожелаетъ быть Богомъ. ¹⁾

7. ГОСПОДЬ И ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣшникъ съ большою восковою свѣчю. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца, и въ воздаяніе за этотъ даръ обѣщалъ, что окъ трижды возвѣститъ ему о смерти—прежде, нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ староста зажилъ въ роскоши и въ весельи, ѣлъ и пилъ, пользовался церковнымъ погребомъ и вовсе не думалъ о смерти. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить долѣе такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сгорбилась, и онъ былъ вынужденъ взяться за костыль; немного погодя онъ

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, стр 89—90.

XXXII

потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленной, слѣпой и глухой онъ продолжалъ жить все также безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы изъять его отъ сего міра. Церковный староста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣстилъ ему, какъ самъ обѣщалъ? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ. «Какъ? и не возвѣстилъ тебѣ? А развѣ я не ударилъ тебя сначала по плечу и колѣнамъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ и не наложилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ напоследокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что и тебѣ обѣщалъ; теперь слѣдуй за мною!» Староста смиренно сталъ молить о прощеніи: ему, право, непоятыны были эти напоминанія, и онъ не приготовился еще къ смертному часу. Кротко взглянулъ Господь на кающагося грѣшника и сказалъ. «пойдемъ, пойдемъ; я не хочу для тебя быть справедливымъ болѣе, нежели сколько милостивымъ!»¹⁾

Александръ Леонасьевъ.

¹⁾ Deutsche Volksmärchen, von J. Haltrich, стр. 62 Сличи съ № 177 по 2-мъ томъ «Kinder- und Hausmärchen» братьевъ Гриммовъ («Die Boten des Todes»).

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Разъ какъ-то принялъ на себя Христосъ видъ старичка лищаго и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-атъ богатой говоритъ: «много васъ попрошаекъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете...» и отказалъ на отръзъ. — Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники; да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тѣмная. Пусты, пожалуста! мы ночуемъ хоть подъ лавкою. «Ну такъ и быть! ступайте въ избу.» Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ съ своими домашними, а имъ ничего не далъ), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою.

По утру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: «пустите, мы вамъ поможемъ за нос(ч)легъ, помолотимъ за васъ». — Ладно, сказалъ мужикъ; и давно бы такъ! лучше чѣмъ по-пусту безъ дѣла слоняться-та! — Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христосъ

и гутарить ¹⁾ хозяйскимъ сыновьямъ: «иу, вы разметывайте адонье ²⁾, а мы приготовимъ токъ» И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по своему не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полъадоиье. «Да вы такіе-сякіе совѣмъ дѣла не знаете!» заругались на нихъ хозяева; «зачѣмъ наложили такіе вороха?»—Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, отъ того спорѣ идѣтъ, сказалъ Спаситель и зажогъ покладенные на токѹ снопы. Хозяева ну кричатъ да браниться, дискать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣло и заблестало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)шисъ въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: такъ и такъ, батюшка, смолотили, дискать, полъадоиья. Куда! я не вѣрять! Разказали ему все, какъ было, онъ еще пуще дивится: «быть не можетъ! отъ огня зерно пропадѣтъ!» Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое—на диво! Вотъ покорнили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужина.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутарить: «пособите намъ еще денѣк-та!»—Нѣтъ, хозяинъ, не проси; нѣколи, надыть идти на работу. А старшой хозяйской сынъ потихоньку и говорятъ отцу: «не трожь ихъ, бачка; незамай идуть. Мы таперечъ и сами знаемъ, какъ надыть молотить» Странички попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ—сгорить солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ весь хлѣбъ помяло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось цѣломя на разны

¹⁾ Говорить (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44).

²⁾ Снопы, покладенные въ кучу, скирдъ (ibidem стр. 138).

постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все до гола и погорѣло!

2. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦѢ.

Када-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одѣжѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ осерчалъ. «ступай, ступай, отселева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего и не далъ. На ту пору случись—мужичокъ привѣзъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился: «подъ сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпаять ему изъ мѣшка хлѣбъ агъ; отсыпаялъ почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій всё свою кису подставляетъ. «Что, али еще отсыпаять?»—Да, коли будетъ ваша милость! «Ну, пожалуй!» Отсыпаялъ еще съ мѣрку, а нищій всё-таки подставляетъ свою кису. Отсыпаялъ ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зерна такъ сзмая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ думаетъ мельникъ, да я еще за помоль возьму; чтожь ему-то останется?» Ну, хорошо. Взаялъ онъ у мужика рожь, насыпаялъ и сталъ молотъ, смотреть. ужъ много прошло времени. и мукá всё сынится, да сынится! Чю за диво! всего зерна то было съ четверть, а мѣки нашололось четвертей явдцать, да и еще осталось что́ молотъ: мукá себѣ всё сынится, да сынится... Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

а Давно было—странствоваялъ по землѣ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ-бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ

пришли они въ одну деревню и попросились на нос (ч)легъ къ богатому мужику ¹⁾). Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока—не отделилась къ тому сроку. «У меня, батюшки! говоритъ вдова, избѣнка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!» — Ничего, какъ-нибудь упокоимся. Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ наплатить ихъ. «Чѣмъ же мѣ покормить васъ, родимыхъ, говоритъ вдова; всего-на-всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтъ: все жду—вотъ отелится... Не взыщите на хлѣбѣ-на соли!» — И, бабушка! сказалъ Спаситель, не кручинься, всѣ будете сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога... Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ наплатились, еще и ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель; гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...» Переночевали Христосъ и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говоритъ вдова своей невѣсткѣ: «полъ, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберѣшь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходилла, и несѣтъ мукѣ таки порядочную махотку (глиняный горшокъ). Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говоритъ: «тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось». Напекла вдова блинковъ и подчуесть

¹⁾ *Вариантъ:* Шелъ Христосъ съ 12-ю учениками, слово нищенки. Пришли они въ городъ и попросились ночевать къ богатому купцу. купецъ не пустилъ...

Спасителя и апостоловъ: «кушайте, родимые! чѣмъ Богъ послалъ...» — Спасибо, бабушка, спасибо! ¹⁾

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи! завылъ, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!» — Пожди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неѣ корову съ телѣнкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что-же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной идовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаячи отъ своей коровы телѣночка: было бы у ней молочко — пропитаніе на исю семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреньемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христось и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами ²⁾. Спаситель и говоритъ: «катись, бочка, къ богатому мужику ³⁾ во дворъ!» Апостолы опять усумнились: Господи! лучше-бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько-же послалъ Гос-

¹⁾ *Вариантъ:* Собрала вдова ужинать, и говоритъ: «я бы вамъ, родимые, блинокъ растворила, да муки нѣтутъ». Христось отвѣчаетъ: «смотри, можетъ быть найдется». — Нѣтъ, батюшки вы мои! я ужь въ ларѣ крылушкомъ муку новышела. «Ступай, смотри, опять говоритъ Христось; можетъ, и найдется». Пошла вдова и видитъ: полонъ ларъ муки! откуда что взялось! Принесла она муки, сдѣлала растворъ, а поутру встала и нацекла блинокъ.

²⁾ *Вар.* съ серебромъ.

³⁾ *Вар.* къ купцу.

подъ!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Иисусе! мы пить хотимъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтеся.»

Апостолы пошла; шли, шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягува (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Чтожъ непили водицы?» спросилъ ихъ Христосъ. — Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Иисусе! мы пить хотимъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтеся». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо, тамъ-то прекрасно! растутъ деревня чудесныя поютъ птицы райскія, такъ-оы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студѣная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!»¹⁾. — (Всѣ три легенды записаны издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

¹⁾ *Вариантъ* Первый колодезь приготовленъ богатому купцу а второй бѣдной вдовѣ.

в. Въ давній времена ходывъ по земля Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и сватымъ Петромъ, и уже святой Петро совсиль обдерся ¹⁾, такъ, що й не стало на йому ньякого шматя ²⁾. А Господь каже ему: «пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-ныбудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те ланты тебе хозяйка, чы ни?» Отъ св. Петро пшовъ и покравъ повишане ня тынови людскоее шматя, и убрався пшовъ до Бога, тай каже: «я вже укравъ шматя, алы-жь хозяйка мене за тее не лаяла, я тильки оглядышысь сказала: нехай йому Богъ звыдыть и избачить!» А Богъ выслухавъ цее, тай каже: «ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зышли въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упреслись вт ней на ничь и стали спрощуваты: «чы нима чого у тебе поисты?» А хозяйка одвичает: «нима въ мене ничого. Я бидная, хлибъ соби заробляю, я тильки маю хлиба — що одынь окрайчыкъ на полыци». А Богъ до неи каже: «дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичает: «та нима у мене ни якої стравы ³⁾, и ничогисыиько не варыла». Отъ Богъ зновъ сказааъ: «погляды лышь, молодыце, добре въ иичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все таки не хоче того слухаты, я дали Богъ якъ причышывся добре до неи: «таки погляды въ пичь, та поглиды» — отъ вона, абы витчыпытьця, вде до печи; колы заглянула тудя въ пичь, ажъ тамъ богацько всякой всячыны — понаварывано разной хорошей стравы и варылухи, тай каже вона: «що це такее на свити значыть, и не топыла, ажъ богацько есть понаварывано всякой всячыны?» Отъ вона новыньмала все съ печи, и вси вони понајндались, тай полягали спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ прійшовъ до неи. На другой день

¹⁾ Ободрался.

²⁾ Платя.

³⁾ Кушанья, ѣствы.

вранци Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно ¹⁾ хозяйци, тай пишли дальше, и почулы вони высылне грань ²⁾; ажъ надходятъ вони туда, колы дывятця, а тамъ высылля у едного богятаго мужыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы милостывый! ходимъ же и мы на те высылля, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого поїсты?» А Богъ каже: «добре, ходимъ». Отъ вони пишли туда замисть старцивъ, буцимъ ³⁾ просыты милостыни, а богатый хозяинъ теи хаты оглянувшысь до нихъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высылныхъ гостей, богатыхъ хозяйинивъ, а далн ставъ гукаты ня свою жинку: «а дай лыгъ тамъ старцямъ милостыни». А жинка јого—такавъ убряннн, щой куды!—закрычала сердыто: «ты гляды саоихъ людей, що частуешъ ⁴⁾, и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадышь сыхъ дяливъ ⁵⁾, то й не будутъ черезъ нихъ двери зачынятьця!» ⁶⁾ Дали погодывши, той хозяинъ якъ оглянувшисъ побачывъ, що довго старци стоять въ хати, та нагумонивъ ⁷⁾ добре ни свою жинку, —ажъ тоди вона дала тымъ старцямъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ идучи звитыля ⁸⁾, тай иже Богъ: «ну тай богатый же цей чоловикъ, шо мы булы въ иѣго на нысылля, алы-жъ и ирѣшко винъ скуный, а јого жиния ище гирше (пуще) скупишия и дуже велика злоѣница, тя и обое вони не вмють въ счастья шануватысь ⁹⁾

¹⁾ Поблагодарим усердно.

²⁾ Свадебное гулянье, веселье.

³⁾ Какъ будто (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр 21).

⁴⁾ Угощаешь (Труды общ. люб. рос. словесн., кн. VII, стр. 323).

⁵⁾ Привадишь этихъ старцевъ.

⁶⁾ Затворятся.

⁷⁾ Накричалъ.

⁸⁾ Оттуда.

⁹⁾ Держать себя

и не хотить помогаты другыиъ бидныиъ людяиъ». Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ пишли шляхомъ ¹⁾ и ня поли полягали спочываты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай просыть Бога: «дай иини, Господы, що поїнсты; бо я цылые сутки нычого не їивъ и дуже охлявъ ²⁾ зъ голоду». Богъ выслухавъ цее, тай говорыть: «ниды, вовче, въ село; тамъ есть найбиднища вдова-мужычка, що жы въ неи почувалы; у неи есть одна тильки ряба корона, то визьмы ту корову тай изъїижъ». А св. Мыколай начавъ просыть Бога: «Господы мылостивый! нащо-жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неи послидней коровы, бо вона буде гирько плакаты и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-ныбудь скотыну у того богатыря ³⁾, дѣ жы булы на высылы, бо винъ богатый чоловікъ та ще й дуже скупый». А Богъ наже: «не можно такъ! нехай возме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе ⁴⁾. бо вона на снѣ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до неи, а вони полягали спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ-бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надушавъ и подывывся, шо Богъ уже слыть (а Богъ все знае, та навмысне буцииъ ⁵⁾ слыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщій ⁶⁾ побигъ на ище реймы ⁷⁾ вовка другою стороною, щобъ вмаззаты вдовыну корову болотомъ ⁸⁾, щобъ та корова буля чорна, а не ряба, щобъ не зъїивъ їи вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ скорїйше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ шо вона зробылась

1) Дорогою.

2) Ослабѣлъ (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 16).

3) Богача (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 3)

4) Бѣдствуетъ.

5) Притворилася будто?

6) Скорѣе.

7) Чтобы обогнать, опередить волка.

8) Т. е. грязью

чорна, тай заразь вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ буцишь ничего не знае, и каже до св. Петра и Мыко-
лая: «а що вставайте уже, та ходышь». И тильки що хотилы
воны идты дальше, ажъ зновъ прибигы до ныхъ той самыи
вовкъ и каже «ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой ко-
ровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае,
гай каже: «пу такъ изъјижь ту чорну корову». А св. Мы-
колай бачить, що ничего не вдиє¹⁾, тай замовчавъ. Отъ вовкъ
побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ
началы идты шляхомъ. Отъ идуть воны та идуть, ажъ катытьця
противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «що це таке, Гос-
поды, катытьця и куды?» Господь одвичае: «це катытьця бочка
съ сребромъ и златомъ до того богатыря, що мы были у него
на высылы, бо такий його таланъ и така його доля, алы все
яго счастья буде на симъ свиты!» А св. Мыколай давай про-
сить, каже: «Господы милостывый, удилы-жь съ цей бочки або
зъ макитерку²⁾ для теи бидной вдовы, дѣ мы ночувалы; въ неи-
жь вовкъ и послиднюю корову зъживъ». А Богъ одвичае: «ни,
того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому бога-
тырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты
дальше, ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пы-
ты воды тай каже: «ахъ, якъ мыни хочетця пыть!» А Богъ го-
ворить йому: «колысь я проходывъ чрезъ оцей яръ, що недале-
ко видъ насъ выдио, тамъ я бачывъ крыныцю³⁾. Иды туда,
тай нашьешся воды». Колы пишовъ св. Мыколай туда въ
яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько тем-
наго та сираго страшенаго гаду, такого сердытаго, що ажъ
кывыть; отъ винъ злякався⁴⁾ дуже тай насылу звиттыла

¹⁾ Не сълаеъ

²⁾ Макитра—глиняной сосудъ, горшокъ.

³⁾ Колодець, родникъ.

⁴⁾ Испугался. (Словарь малор. Чужбинскаго, стр 167)

утикъ ¹⁾). А Богъ пытае: «чого ты, Мыколаю, такъ ныначе злякався, яжъ поблиднивъ съ переполоху ²⁾, и мабудь ³⁾ не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичае: «не могъ я напыть-ца, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшнаго гаду, то насылу я зваттыля утикъ». Отъ Богъ выслу-хавъ пее тай сказавъ: «ну, ходымъ же дали!» И прошлы во-ны дальше зъ пятыро гинь ⁴⁾, або бильше, тай Богъ зновъ ка-же до св. Мыколаа: «иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; го вже гамъ напьесся воды». Отъ св. Мыколай пишовъ туда; колы надходять въ той яръ, ажъ тамъ побачывъ такий ще гиршый гадъ, та такого-жъ јого превелькая сила и дуже богацько, та ще й далеко злищій. якъ попереду ба-чывъ, такъ що ныначе горыть трава. И св. Мыколай завсимъ перелякався тя побилывъ, в насылу велыку звиттыль утикъ, такъ ныначе на јому волосья и одежда загорилася! И прійшовъ до Бога тай съ переляху ⁵⁾ насылу рассказавъ, що не можно тамъ напытысь воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищій отъ першого гаду, що винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «ну колы такъ, то ходымъ же дальше». Отъ ноны пошлы дальше и довго ишлы, ажъ побачылы вдали третій ярокъ ныначе съ садкомъ; тай Богъ каже. «ну иды-жъ, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачынгъ — садокъ выдно, а вже тамъ певне ⁶⁾ напьесся воды». Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая при-хорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скрызъ тамъ такіи разніи, прихорошіи, пахнючіи цвиткы та ягоды.

¹⁾ Убѣжалъ

²⁾ Съ испугу. (Труды общ. люб. рос. слов., кн VII, стр 310)

³⁾ Можетъ быть.

⁴⁾ Вѣето: *гоней* (*гони*—иѣра разстоинія; смотри. Малоросск. словарь Чужбинскаго, стр 76).

⁵⁾ Съ испугу: *лякѣ* — испугъ (см. Словарь, приложенный къ Эпемдѣ Котляревскаго, стр. 13)

⁶⁾ Наверно, непрямяно

яблуки, хвыги, мындалы, розынкы ¹⁾ и всякая овощь, а птыци такъ хороше спивають та щебечуть разными голосами, и таке исе тамъ ззымательне, що й сказаты и пропысаты не можио. Отъ св. Мыколай не знавъ, що й робыты, чы зоду пыты, чы любоватыся та прыглядуватысь; нашьетця трохы пахнючой воды. тай оставыть пыты, та все разглядае. И винь трычи такъ потрѡхы шывъ тую воду, та все разглядувавъ, и не шувси ²⁾ — що винь не въ примиту пробувъ тамъ цилыхъ тры рокы ³⁾, якъ выначе одну мынуту тамъ бувъ. Ажъ врыходыть туды Господь Богъ тай каже йому: «що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышь, що прошло тому тры рокы, якъ ты пишовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «а я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пивъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслузавши цее, тай одвичает: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло переднищыхъ двоухъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тямъ богацько страшенаго гаду, що й прыступыть страшно; а тутынька въ третимъ яру такъ дуже прихорошан крыныци зъ водою и все тутынька росте дуже гарняя пахнючан всякая всячина, що й не можно налюбоватысь и наслухатыци итычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хонитця?» — А Богъ одвичает йому: «оце-жь знай, що переднищый ярь, дѣ ты бачывъ богацько злого страшенаго гаду, то тее мисто называитця пекломъ и воно опредляно для того богатыря, що мы булы у него на высылля, а другий ярь, дѣ есть еще гиршій пристрашеный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того-же богача, бо його жинка ище гирша видъ своего чоловика ⁴⁾); а якъ воны не вмилы въ счастья

¹⁾ Изюмъ (Труды общ. любит. рес. словесности, кн VII, стр. 313).

²⁾ Почувствовалъ.

³⁾ Годы.

⁴⁾ Мужа.

жыты, добре шановатысь, и не хотилы помогаты бяднымъ лю-
дамъ, то за тее по смерти будутъ вично мучытьця въ тыхъ пек-
лахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай
довго такъ тутъ забарывся¹⁾ черезъ тее, що тутынька дуже
хороше, называетця рай, опредиланый для теи бидной вдовы,
що мы въ ней почувалы, бо воиѣ на снмъ свити цилый внкъ
гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и
честная, — то за тее по смерти буде шаты въ снмъ раю вичное
првбогатое счастье. Огъ бачъ, якъ то робытци; будь добрый
человиче, не шповай на земное счастье, та любви бвдныхъ и
старайся, небоже, — то, якъ кажуть, Богъ въ снмъ и буду-
щымъ вичу поможе!» — (Записана въ василькоискомъ уѣздѣ,
киевской губерниѣ. Изъ собранія В. И. Даля.)

4. ИСЦѢЛЕНІЕ.

Вотъ видишь ли, скажу тваѣй милости, былъ адинъ священ-
никъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у него былъ больна
(очень) малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што
яное, только, слышь, все малился Богу, кабы иъ достаткѣ-та
быть пасправнѣе. Вотъ онъ всё малился, ды малился, день и
ночь малился, и Нвколу миласливава врасилъ всё, кабы спра-
вица. Ащъ нѣтъ — лихъ! не даѣтъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ
пашолъ изъ дому, куды глаза глядятъ; шолъ-шолъ, всё шолъ,
и узидалъ онъ: возля дароги сидятъ двои съ сумками, какъ и
они пѣшіе — ну, знашь, присѣли агдахнуть. Адинъ-атъ шало-
дннъкай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинъкай старичокъ.
Адинъ-атъ, знашь, былъ самъ Христосъ, а другой-ятъ Ни-

¹⁾ Замѣшкался (Слов. мазоросе. Чужбинскаго, стр. 7).

кола миласливай. Вотъ онъ абрадаиался, патшоль къ нимъ и гаварить: «ну, братцы! вы, канъ и и-же, шѣшкоиъ идѣте; кто ны дискать таковы?» Ани ему сказали: «мы ворожецы, знахарь, и иаражить уиѣемъ и лѣчимъ». — Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою. «Пайдемъ, гаварять ему, только жатрий (смотри)—всѣ по-равну дѣлить». — Знама дѣла, што по-равну. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ трои вмѣсти. Шли ани, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-ать всѣ у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, была у него съѣсова. А у Христа съ Николай миласливымъ была адна лишъ прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другови дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украт(д)кай ту прасвирачку и съѣлъ. Христось-ать схватился прасвирачки, анъ-лихъ нѣтъ еѣ! «Хто, слышъ, мяю прасвирачку съѣлъ?» гаварить папу. Онъ запѣрся, сказалъ: «знать не знаю, я не ѣлъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли аять; шли ани, шли, и пришли въ адинъ гóратъ. Вотъ молодинькай съ бароткай знахарь, знашъ—Христось-ать и гаварить: «въ эвтимъ гараду у багатава де барина есть бальная дочъ; някто не смохъ еѣ излѣчить, айдáте-ка ¹⁾ мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у него падъ акномъ: «пусти-ка насъ; мы, слышъ, вылѣчимъ тваю дочъ». Вотъ пустиля ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочъ; ани взяли еѣ и павели въ баню. Привели въ баню, и Христось-ать всеѣ еѣ разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части еѣ, взялъ и перемылъ всеѣ на всеѣ въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ въ трѣхъ вадахъ и слажилъ еѣ всеѣ вмѣста па прежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спыснулъ разъ—ана сраслась; спыснулъ въ другой—ана пашевелилась;

¹⁾ Пойдемте. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 2).

спрыснулъ въ третій—яна встала. Привели её къ атцу; ана, знашь, и гаваритъ: «я ва всёшь здорова на прежняму». Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоваля сыто на сыто всёшь накариль и напаялъ. Попъ ёль, ёль, насилу съ шёта всталъ, а тѣ, знашь, Христось-атъ ды Никола миласливый немношка закусили, и сыты. Вотъ паслѣ баринъ-атъ аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышь, берите, сколько душѣ вашей угодна». Вотъ Христось взялъ горсточку, ды Никола миласливый другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги — йльно ¹⁾ вездѣ была полна.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пашли ани апятъ въ дарогу; шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христось съ Николай миласливымъ разомъ перешли легоханька, а попъ-атъ съ деньгами логъ-шолъ на вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другова-та берегу Христось съ Николай миласливымъ кричатъ ему: «брось, брось деньги! брось, слышь, деньги! а то утопишь». — Нѣтъ, гаваритъ; хотъ утану, а ихъ не брошу. «Брось, брось деньги! а то захлебнёшься, помрѣшь.» — Нѣтъ, умру — не брошу! гаваритъ попъ, и каё-какъ перебрёлъ онъ съ деньгами-га черезъ рѣчку. И сѣли всѣ трои на бережокъ. Христось-атъ и гаваритъ пацу: «давай деньги-та дѣлить». А попъ не даётъ: «эрта шаш деньги! Вы што не бряли себѣ больше? я чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — А угаворъ-атъ, сказалъ Христось, вить лутча денихъ. Вотъ попъ сталъ выкладывать сваш деньги въ кучу, и Христось съ Николай миласливымъ слажили свай туды-жа. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та сталъ Христось дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-атъ гаваритъ: «нась де троя; каму кладешь ты ищо четвёртую

¹⁾ Такъ что (ibidem, стр. 74).

долю?» — Четвёртая доля таму, гаварить Христось, хто маю прасвирачку съѣлъ. «Я, слышь, её съѣлъ!» патхватилъ попъ. Вотъ Христось-ать съ Николай миласливымъ усмѣлились. «Ну, кали ты маю прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ. Ды вогъ и маю вазьми себѣ-же», гаварить Христось. «И маю, слышь, кучку вазьми себѣ», гаварить Никола миласливый. — Ну, таперь у теби многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдёмъ адни.

Попъ-ать взялъ все денги и пашолъ адинъ. Пашолъ, знашь, и думаетъ: чѣмъ дискать мнѣ дамой идти, лутча пайду я адинъ лѣчить; я таперь съумѣю — видѣлъ, какъ лѣчуть. Вотъ онъ шолъ-шолъ, пришолъ въ гѣратъ и проситца къ аднаму багатаму купцу: узналъ, знашь, што у него есть дочь бальяная, и никто её не мохъ излѣчить. Проситца къ багатаму купцу: «пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили ево. Ояъ, знашь, увѣрилъ ихъ, што вылѣчить. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчить, такъ вылѣчить! Вотъ выпрасилъ онъ бальной нош(ж)ъ вострай, и павѣлъ бальную въ баню, и началъ её рѣзать на части: знашь, видѣлъ — какъ Христось-ать рѣзалъ. Толька нука кричатъ эвта бальяная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слышь, не кричи, будишь здорова!» Вотъ марѣзалъ её за-мертво на части, и началъ её перемывать въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать анять, какъ была па прежняму; анъ-лихъ не складываетца ана па прежняму. Вотъ онъ мучился, мучился нядъ нею, каё-какъ слажилъ. Слажилъ и сырсунулъ разъ—анъ, слышь, ана не срастаетца; сырсунулъ въ другой — нѣтъ толку; сырсунулъ въ третій — всё, внашь, бѣзъ толку. «Ну, бѣда мая! працалъ я таперь! угажу на вислицу, либа матрий иъ Сибирь на катаргу!» Началъ плакагъ и малитца Богу и Николѣ миласливному, штоп(б)ъ послали ему анять тѣхъ знахэрей. И видить въ акошка, што

идуть къ нему въ баню тѣ знахари: молодинькай съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался имъ! Бухъ имъ въ ноги: «батюшки мои! будьте атцы радные! Взаяся я лѣчить на вашему, ды не выходитъ...» А эвти знахари апятъ, знашъ, были Христосъ и Никола мяласливай. Взашли, усмихнулася и гаварять: «ты бѣльна скоро выучилса лѣчить-та!» Вотъ Христосъ-атъ взялъ мертваю всеё па частяшъ перемылъ, ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, па прежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана сраслася, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилася, спрыснулъ въ третій — ана встала. Вотъ пошъ-атъ перекрестился: «ну, слава тебѣ, Господи! уш(ж)ъ вотъ какъ рат(д)ъ — сказать нельзя!» — Вазьми, сказалъ Христосъ, и атведи её таперь къ атцу; ды матраи, больше не лѣчи! — крѣпко-накрѣпко наказалъ ему: а не то упадѣшь! Вотъ знахари тѣ: Христосъ и Никола мяласливай пашли са двара, а пошъ-атъ привѣлъ её къ атцу: «я её, слышъ, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здрава па прежняму. Купецъ нука ево пиять, кармить. угаваривать, штошъ астался онъ у него-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдовавъ, лошаты съ павоскай, и пошъ ушъ прѣма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станитъ. — (Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.)

5. ПОШЪ - ЗАВИДУЩЕ ГЛАЗА.

Въ приходѣ святаго Николы жилъ одинъ пошъ. У этого мона глаза были самыя поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола-ни двора, ни хлѣба, ни пріюта. Собралъ нашъ пошъ всея ключи церковныя, увидѣлъ икову Николы, съ гора ударилъ

его по плечи ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пался (нопалса) ему на стрѣту (на встрѣчу) незнамой человекъ. «Здравствуй, доброй человекъ! сказалъ онъ попу. Куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи.» Вотъ и пошли они вѣстяхъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, приустояли; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: «давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ приедемся и за сухари». — Ладно, говоритъ ему незнамый, съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на-послѣ. Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семъ-ка, думаетъ онъ, я у него украду ихъ.» Старичекъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попъ все смѣкаетъ, какъ-бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичекъ. Попъ стянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣстъ въ-тихомолку. Проснулся старичекъ, хватилса просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскричалъ онъ; кто съѣлъ ихъ? ты, попъ?» — Нѣтъ, право не я, сказалъ ему попъ. «Ну ладно!»

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розстави ¹⁾. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья-полбытья-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*, дѣхтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: «что вы за люди? изъ

¹⁾ Розстанъ—мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ, перекрестокъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр 192.)

какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ надоть?» — Мы, говорятъ они, дѣхтуры, можешъ царевну вылѣчить. «Ну, коли дѣхтуры, заходите въ палату.» Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обрѣза воды, вострой сабли, большаго стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали её вострой саблей на мелкія частм, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ дунеть, такъ штука съ штукай и склеиваются. Складаль онъ всё штуки какъ надоть, въ послѣдній разъ дунуль — царевна встрепенулась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говорить: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — Аминь! отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили-ль царевну?» спрашиваетъ царь. — Вылѣчили, говорятъ дѣхтуры; вотъ она! Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говоритъ дохтурамъ: «что хотите вы отъ добра? злата ли, серебра ли? берите». Вотъ они начали брать злато и серебро; старичекъ берётъ пѣсточкой ¹⁾, а пощъ горсточкой и всё кладётъ въ сумку свою; покладётъ, покладётъ, да поприздышаётъ ²⁾, заберётъ ли его могутъ ³⁾. Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичекъ говорить пощъ: «эти мы деньги въ землю складѣмъ, а сами опять лѣчить пойдѣмъ». Вотъ они шли, шли; дошли опить до другаго царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья-полбытья полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*, дѣхтурами называются... (Повторяется слово въ слово тотъ-же рассказъ объ излѣченіи царевны)

¹⁾ Щепоткой, трепя пальцами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).

²⁾ Да приподниметь (ibidem. стр. 177).

³⁾ Возьметъ ли его сила (ibidem, стр. 114).

Приходятъ они опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщаль тому, кто ее вылѣчить, полжитья-полбытья-полцарства, а не вылѣчить—голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучить лукавый: какъ бы не сказать старичиу, а вылѣчить одному, серебро и злато захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходитъ попъ, *налируется*, дѣхтуромъ называется. Такимъ же образомъ просить у царя особой избы, обрѣза воды, большого стола, вострой сабли. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни крычала какъ ни визжала, попъ, не глядя ни на крыкъ, ни на визгъ, знай рубить да рубить, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обрезъ, мылъ, полоскалъ, складывалъ штука къ штукѣ, также какъ дѣлалъ старичекъ: глядитъ, какъ будутъ склеиваться всѣ штуки. Какъ дунетъ—такъ нѣтъ ничего! опять дунетъ—хуже того! Вотъ попъ ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунетъ—всѣ нѣтъ ничего! «Ахти *милциньки!* думаетъ попъ, бѣда!» Поутру приходитъ царь и видитъ: никакъ нѣтъ успѣховъ у дѣхтура, всё тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дѣхтура въ петлю. Взмолился нашъ попъ: «царь, вольной человекъ! оставь меня на мало время; я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчить царевну». Побѣгъ попъ старичка искать; нашель старичка, и говоритъ: «старичекъ! виноватъ и окаянный; попуталъ меня бѣсъ: хотѣлъ я одинъ вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотятъ меня вѣшать. Помоги мнѣ!» Пошелъ старичекъ съ попомъ. Повелъ попа въ петлю. Старичекъ говоритъ попу: «попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Ввели его на другую ступеньку. Старичекъ говоритъ попу: «попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Ввели на третью, опять. не я! Сейчасъ голову въ петлю, и исѣ: не

я! Ну, нечего дѣлать! Старичекъ говоритъ царю: «царь, вольной человѣкъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля, и цоу петля!» Вотъ старичекъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ штуцкѣ, дукуль—и царевна встала жива и здрава. Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдѣмъ же, попъ, деньги дѣлать», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всеъ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: «какъ-же! насъ двое, кому-же третья-то часть?»—А это тому, сказалъ старичекъ, кто съѣлъ у меня просвирки. «Я съѣлъ, старичекъ! вскрычалъ попъ; право я, ей Богу я!»—Ну на тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадичай, да не бей ключами Николу по плешу,—сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ¹⁾. — (Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи, г. Н. Борисовымъ.)

6. ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты—банкетъ²⁾, а бѣдны ницъ (ничего) не шѣу. Прыходзицъ да багатаго дзѣдъ и просицца на начъ, дый каже: «гаспадарокъ (хозяинъ), мой гадубокъ! ци пусьциу бы ты мене на начъ?» Іонъ ницъ не лау яму, да й гордо отказау: «у мене, каже, никали не начавали ни убогіе, ни бѣдные, ни подарожные; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Идзи у тую хату, што небамъ пакрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдные, убогіе и подарожные, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусьцяць!» Старикъ

¹⁾ *Варіантъ*: «Ну впередъ-же не бей ключами Николу-угодника; вотъ какъ прошьбъ ты мнѣ голову!»

²⁾ *Царъ* (т. е. задача).

каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! покажи, гдѣ тая хата, што небашъ накрыта?» Гаспадаръ вышоу показываць: «да вонъ дзѣ тая хата небашъ накрыта, гдѣ начуюць бѣдныя, убогія и падарожныя; тамъ и себе пусьцяць.» Дакъ дзѣдъ паглядзну (погладилъ) гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго нá начъ и kaže: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене нá начъ». — Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогія, бѣдныя и падарожныя. «Кали, гаспадарокъ, я з' каніомъ.» Дакъ іонъ kaže. «дзѣдку! у мене поставиць нима гдѣ, и сѣна нима, чаго даць яму ѣсць». Дзѣдъ kaže: «я-бъ на дварѣ паставиу, кастрыцы ¹⁾ падкинуу, дакъ и будзе ѣсць!» Дакъ бѣдны павіоу каня и паставиу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. На-заутра, якъ дзѣдъ адхадзну, kaže: «дарую я табѣ гэтаго каня на твае сирацтво» ²⁾. Гаспадаръ зачау яму дзякаваць ³⁾, и kaže да жонкк: «жонко! возьмиомъ и вывазимъ хату». И вывазили хату ⁴⁾.

Апяць прышоу дзѣдъ нá начъ, дакъ той гаспадаръ не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узяу изшоу паглядзну таго каня па галавѣ, и стау іонъ чоловѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуся бѣднымъ. (Записана въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи, старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.)

¹⁾ Труха, остающаяся послѣ льна и конопли. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 91.)

²⁾ На бѣдность, сиротство.

³⁾ Благодарить (Этнограф. сборн., выш. 2-й, стр. 116).

⁴⁾ Т. е. навезли лѣсу на новую избу. — Объясняя эту легенду, г. Дмитріевъ говоритъ: «На другой годъ странникъ (дѣдъ, въ видѣ котораго являлся самъ Господь) во второй разъ приходитъ къ бѣдняку, гладитъ подареннаго имъ коня, и онъ снова обращается въ богача, который послѣ этого превращенія заказываетъ навсегда и себѣ и дѣтямъ своимъ гордиться, и велитъ всегда помогать бѣднымъ.»

7. ПИВО И ХЛѢБЪ.

Въ вѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ, и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ въ займы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь споина возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ, и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдной, что скуднѣй его во всеи окологдѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, наканунѣ праздника, въ своей избѣнкѣ съ женою и думаетъ: «что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумалъ-подумалъ, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелѣхонько. «Господи! говоритъ, прости меня грѣшнаго; и масла-та купить нѣ на что, чтобъ лампадку передъ иконою затеплить къ празднику!» Вотъ немного погодя приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «здравствуй, хозяинъ!» — Здорово, старичекъ! «Нельзя-ль у тебя переночевать?» — Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ. «Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — тѣмъ сытъ и буду.» Сълъ старикъ на лавку и говоритъ: «что, хозяинъ, такъ приунылъ? о чемъ запечалился?» — Эхъ,

старина! отвѣчаетъ хозяинъ; какъ не тужить мнѣ? вотъ далъ Богъ — дождались мы праздника, люди добрые стануть радоваться да веселиться, а у насъ съ женою хотъ шаромъ покати. — кругомъ пусто! «Ну, что жъ! говоритъ старикъ, пойдн къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо.» — Нѣтъ, не пойду; все равно не дастъ! «Ступай! пристаеъ старикъ, иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ.» — Э, старичекъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра. «Ужь я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ съ-разу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходитъ къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отчеству, и проситъ въ заѣмъ четверикъ солоду: хочю де къ празднику пива сварить. «Что-жь ты прежде-та думалъ! говоритъ ему богатой. Когда теперича варить? вить до праздника всего на всего одна ночь осталась.» — Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной; коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ. Богатой набралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и пошѣсъ домой. Воротился и рассказалъ, какъ и что было. «Ну, хозяинъ! молвилъ старикъ, будетъ и у тебя праздникъ. А что есть ли на твоёмъ дворѣ колодезь?» — Есть, говоритъ мужикъ. «Ну, вотъ мы въ твоёмъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за жною.» Вышли они на дворъ, и прямо къ колодезю. «Высыпай-ка сюда!» говоритъ старикъ. — Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ; только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ задаромъ должонъ пропасть! Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду сму-

тишь. «Слушай меня, все хорошо будет!» Что дѣлать, вывалилъ хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ, была вода въ колодезѣ, сдѣлайся за ночь пиномъ!... Теперь, хозяинъ, пойдѣмъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь.» Вотъ дождались утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: «ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнѣхоньки, да и зови всѣхъ. кого ни завидишь, пить пиво похмѣльное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «Начто тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. — Очень, говоритъ, нужно; не во что пива сливать. Вздивовались сосѣди: что такое значитъ! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ дошѣ, а еще о пивѣ хлопотеть! — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни издумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ полнѣхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «эй, православные! пожалуйста ко мнѣ пить пиво похмѣльное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да(и)-ка зайдѣмъ, посмотримъ, на какую это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; очень показалось имъ это пиво: «отродясь де такого не пивали!» И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатый мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и зачалъ просить бѣднаго: «няучи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?» — Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной; дѣло самое про-

стое, — какъ принёсъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, съѣлайся за́ ночь пивомъ! «Ну, хорошо же! думаетъ богатой, только ворочусь домой, такъ м съѣлаю.» Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что ни есть лучшей солодъ и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и вцѣрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой, пиво-то у меня будетъ лучше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотритъ. какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они м въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ задаромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, м у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сушая вода; пива все равно какъ не бывало.

Оинтъ приходитъ старецъ къ бѣдному мужику, и спрашиваетъ: «послушай, хозяйинъ! съѣлъ ли ты хлѣбъ-ать нынѣшнимъ годомъ?» — Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не съѣлъ! «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдимъ на́ поле да м поѣемъ.» — Какъ теперича съѣть? отвѣчаетъ бѣдной: вѣдь на дворѣ зима трескучая! «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, настю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четвертку всякаго зерна. Воротился и говоритъ старику: «все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на́ поле, розыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному, ступай домой и дожидай лѣта: будешь и ты

съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ середь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются съ него — да и только: «эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну хорошо; дождался весны, сдѣлалась теплымъ, снѣга растаяли и пошли зеленые всходы. «Да(й)-ка, вздумалъ бѣдной, пойду—посмотрю, что на моей землѣ дѣлается.» Приходить на свою полосу, смотритъ, а тамъ такіе всходы, что душа ни на радуется! на чужихъ десятинахъ и вполовину не такъ хороши. «Слава тебѣ, Господи! говоритъ мужикъ, теперича и я поправлюсь.» Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочетъ съ своею женою, и ивкакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земля онъ не пахалъ, сѣялъ середь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдитъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купить что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: «да(й)-ка и я змой поѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ которой сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, наваялъ въ сани иѣнолько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять пд снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна красна; пошелъ богатой на поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а возлѣ на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такія зеленя, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи! много издержалъ и на семена—всѣ нѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни паха-

но, ни сѣно — а хлѣбъ самъ собой растетъ! Должно быть я — великой грѣшникъ!» (Изъ собранія В. И. Даля.)

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Одинъ старикъ, умирая, завѣщаль своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ ницъ христосоваться съ нищею братіей, хотъ и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищей, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидѣла мать нищаго, больно осерчала: «лучше, говоритъ, со пеомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старвкомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видѣтъ сынъ: на старикѣ одѣжонка плохинькан, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говоритъ старецъ, крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говоритъ, — вонъ ступай по той дорожкѣ; снажи только благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышѣтъ дѣтскіе голоса. «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодець воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорятъ

онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ онѣ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ ввидѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онѣ разговаривался. Старецъ у него спрашиваетъ: «ве видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень разсказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Исусъ Христосъ. «За что-жь, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя! «А дѣвцы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ всё равно — хотъ тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ. Потомъ повѣлъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужикъ и выйти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повѣлъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онѣ и сталъ просить Христа: «помилуй ея, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онѣ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ея изъ ада.» Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смоли кипучей, веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ея схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолю кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и

тутъ воздержать своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду
вѣки вѣчныя!» (Доставлена отъ П. В. Кирѣевскаго.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Ѳедорѣ,
При царикѣ было, при Софѣѣ,
Породила она Ѳедору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходить изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царица Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Ѳедора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго
Злодѣй-царица Мартемьянища
Святому Егорію глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Храбрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царица Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалается,
На свитое тѣло на Егорьево

Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
 Не добре Егорія топоры берутъ,
 У топоровъ лезвѣя посломалися
 Отъ святаго тѣла Егорьева.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 Святому Егорію глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А а вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во смоль варить.
 Не добре Егорія смола беретъ,
 И поверхъ смолы Егорій плаваетъ,
 Самъ стихи поетъ херувимскіе,
 Онъ гласы гласитъ все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
 Не добре Егорія пилы берутъ,
 У пиль зубья подомалися

Отъ святаго тѣла отъ Егорьева
 Злодѣй царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево.
 Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
 Ставить на плиты на чугуныя, на каленыя.
 Не добре Егорія сапоги берутъ,
 Въ сапогахъ стоитъ —
 Самъ стихи поетъ херувимскіе,
 А гласы гласитъ все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища -
 Святому Егорію глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію погреба копать,
 Погреба копать ему глубокіе —
 Длины погребъ сорокъ сажень,
 Ширины погребъ тридцать сажень,
 Глубины погребъ двадцать сажень;
 Садилъ Егорія во глубокий погребъ,

А самъ собака приговариваетъ.
 «Не бывать Егорію на святой Руси,
 Не видать Егорію солнца краснаго,
 Не слыхать Егорію будетъ звону колокольнаго,
 Не слыхать Егорію будетъ четья, иѣтя ¹⁾ цер-
 ковнаго!»

Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ.
 Задвигалъ онъ досками чугунными,
 Засыпалъ онъ песками рудожолтыми
 Какъ по Божіему повелѣнію, по Егорьеву умоленію
 Подымались вѣтры буйныя со святой Руси,
 Со святомъ Руси — погода и со вихоремъ;
 Разносили пески рудожолтыя,
 Раздвигали доски чугунныя,
 Разметали щиты все дубовыя.
 Выходитъ Егорій на свягую Русь,
 Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
 Ерусалимъ-градъ — онъ пусть стоитъ,
 Одиъ церъви!... и стоитъ одна
 Церковь Божія соборная, богомольная
 Во той во церкви его матушка.
 Святая Софяя премудрая,
 На святые иконы Богу молится;
 Молитва ея къ Богу доносится.
 Увидѣла она Егорія Харабраго,
 Называла милымъ чадомъ,
 А сама говоритъ таково слово.
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты бери себѣ коня сиваго
 Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ,

¹⁾ Чтенія и иѣтя.

Поѣзжай ты во чисто поле.»
 Святой Егорій поѣзжаючи,
 Свѣтую вѣру утвержаючи,
 Еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ лѣса на дремучію, —
 Древо съ древомъ совивалоса,
 Къ сырой земли(ѣ) приклонялося.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ
 «Охъ вы гой еси, лѣса темные,
 Лѣса темные и дремучіе!
 Разойдитесь лѣса по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ врагу,
 Сатанѣ-врагу со дьяволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись лѣса по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Свѣтую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ горы на высокія, на толкучія, —
 Гора съ горою сойдется, не разойдется.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, горы толкучія!
 Разойдитесь горы по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ врагу,
 Сатанѣ-врагу со дьяволомъ;
 Ужь вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись горы по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
 Не добре Егорию лъзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
 Разойдитесь звѣри по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись звѣри по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На то стадо на змѣиное,
 На змѣиное, на звѣриное, —
 Пасуть то стадо три пастыря,
 Три милыя сѣстры.
 Не добре Егорию лъзя проѣхати;
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
 Беретъ онъ свое (с)кипетро вострое ¹⁾,
 И побилъ онъ все стадо змѣиное,
 Все змѣиное, все звѣриное;
 А самъ говоритъ таково слово
 «Охъ вы гой еси, три пастыря,
 Три милыя сѣстры!
 Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ

¹⁾ За этимъ стихомъ въ подлинномъ спискѣ слѣдуютъ еще два;
 Строгалъ онъ во стружачи, во мелкіе,
 Обратился стружачи — калены стрѣлы.

И купайтеса во Іорданѣ-рѣнѣ;
 Набралися всѣ вы духа нечистаго,
 Духа нечистаго, босурманскаго.»
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, —
 На воротахъ сидитъ Острафиль-птица,
 Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхаги,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Оуъ ты гой еси, матушка Острафиль-птица!
 Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А ты вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному
 Полети-жъ ты, птица, на сини мора,
 Цей и ѣшь повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное
 И дѣтей води на синѣмъ морѣ.»
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На того злодѣя-царяща Мартемьянища;
 Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
 Закрвчалъ онъ собака по звѣриному.
 Засвисталъ онъ собака по змѣиному.
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
 Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
 Поразилъ онъ тута царяща Мартемьянища.
 Потопила Егорія кровь жидовская,

Кровь жидовская, босурманская;
 По колѣна во кровѣ(и) стоитъ —
 Святой Егорій глаголетъ
 «Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
 Пріими въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.»
 Разступилася матушка сыра земля
 На двѣ стороны. на четыре четверти,
 Пожрала въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.
 Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ,
 Отъ грѣховъ своихъ очистился.
 Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣ-
 ковъ. Аминь.

(Изъ собранія В. И. Даля; записана въ Сорокинской при-
 стани, екатеринбургскаго уѣзда, пермской губерніи.)

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Давно было, жилъ-быль мужикъ. Николинъ день завсегда
 почиталъ, а въ Ильинъ вѣтъ-нѣтъ, да и работать станеть;
 Николаѣ-угодилку и молебень отслужигъ, и свѣчку поста-
 вить, а про Илью-пророка и думать забылъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой по-
 лемъ этого самаго мужика; идутъ они да смотрять — на
 нивѣ зеленя стоятъ такія славныя что душа ни наладуется.
 «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай!» говорятъ Никола. Да и
 мужикъ-то, право, хорошій, доброй, набожной, Бога помнить
 и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется...» — А вотъ
 посмотримъ, отвѣчалъ Илья; еще много ли достанется! Какъ

спалю я молией, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать. — Пospорили-пospорили и разошлись въ разные стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику. «продай, говоритъ, поскорѣе ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корию; не то ничего не останется, всё градомъ повывьетъ» Бросился мужикъ къ попу: «не купишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продашь; такая нужда въ деньгахъ прилучилась, что вынь да положи! Купи, отецъ! за дешево отдашь». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика. весь хлѣбъ какъ ножомъ срѣзала — не оставила ни единой былики. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говоритъ Илья: «посмотри, какво разорилъ я мужиково поле!» — Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково. «Какъ попа?» — Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всё сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ! «Постой-же, сказалъ Илья-пророкъ, и опять поправлю ниву; будетъ она вдвое лучше прежняго.» Поговорили и пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «ступай, говоритъ, къ попу, выкупай поле — въ убыткѣ не будешь». Потелъ мужикъ къ попу, кланяется и говоритъ: «вижу, батюшка, наслалъ Господь Богъ несчастіе на тебя—все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужь и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ.» Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межь тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыѣхъ корней пошли новыя свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ нивою и поить землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой сорной травы совсѣмъ не видать; а колосъ налился полной-полной такъ и гнѣтся къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь — словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ; ужь собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья-пророкъ съ Николою. Весело оглянѣвъ онъ все поле и говоритъ: «посмотри, Някола, какаа благодать! Вотъ такъ наградила я попа по вѣкъ свой не забудеть...» — Попа? Нѣтъ, братъ! благодать то велика, да вѣдь поле это — мужиково; полъ тутъ ни при чемъ останется «Что ты!» — Правое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ я выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну. «Постой-же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью сколько бы ни наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверяка за-разъ не вымолотить.» — Плохо дѣло! думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику. «смотри, говоритъ, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа за-разъ не клади на токъ».

Сталъ мужикъ молотить: что ни снопъ, то и четверикъ зерна. Всѣ закрома, всѣ клетки набила рожью, а все еще остается много, поставилъ онъ новыя анбары и насыпалъ полнѣхоньки. Вотъ идетъ какъ то Илья пророкъ съ Николою мимо его двора, посмотрѣвъ туда-сюда и говоритъ: «никъ какіе анбары вывелъ! что-то насыпать въ нихъ станетъ?» — Они ужь полнѣхоньки, отвѣчаетъ Никола-угодникъ «Да откуда же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — Эва! у него всякой снопа даль по четверику зерна, какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ. «Э. братъ Никола! догадалси

Илья-пророкъ. это все ты мужику пересказываешь.» — Ну, вот выдумалъ, стану я пересказывать .. «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ же меня мужикъ помнить!» — Чтожъ ты ему сдѣлаешь? «А что сдѣлаю, того тебѣ не скажу.» — Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ! думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику купи, говоритъ, двѣ свѣчи большую да малую, и сдѣлай то то и то-то

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья пророкъ и Никола угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ на встрѣчу мужикъ несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копѣечную. «Куда мужичекъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вогъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожаи.» — А копѣечная-то свѣча на что? «Ну, эта Нильо!» Сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю, чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось, смиловался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ прищиваючи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день, и Николинъ день. — (Записана со словъ крестьянина ярославской губерніи.)

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогъ Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Му-

жикъ не узналъ его и давай просить «помоги, родимой, возъ вытащить!» — Поди ты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ, есть мнѣ когда съ вами ваяндаться! Да и пошелъ своею дорогою. Немного спуская идетъ тугъ-же Никола-угодникъ. «Батюшка, завопилъ опять мужикъ, батюшка! помоги мнѣ возъ вытащить.» Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола угодникъ къ Богу въ рай «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ — Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ, прилучилось мнѣ ядти мимо мужика, у котораго возъ завязъ. онъ просилъ меня. помоги говорить. возъ вытащить; дя я не сталъ жарагъ райскаго платья. «Ну. а ты гдѣ такъ выпачкался?» спросилъ Богъ у Николы угодника. — Я былъ на землѣ: шелъ по той-же дорогѣ и помогъ мужику выгашить возъ, отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ; не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ.» Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служить молебны, а Николѣ два раза въ годъ (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

12. ЗОЛОТОЕ СТРЕМЯ.

Въ нѣкогоромъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей ¹⁾, и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни нить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать то онъ лѣнится, а воровать боится;

¹⁾ *Вариантъ.* Жиль-былъ бѣдной мужикъ Нестерка а дѣтей у него шестерка.

что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый ¹⁾. «Здорово! говоритъ цыганъ; куды ѣдешь?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?» — За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять. «Доложи и про меня Господу, говоритъ цыганъ; чѣмъ велитъ мнѣ питаться?» — Хорошо, доложу! отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его. ждалъ, и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ «чтожъ доложилъ про меня?» — Нѣтъ, говоритъ Егорій «Чтожъ такъ?» — Забылъ! — Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ «доложи де про меня!» — Хорошо, сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу. увидалъ Егорія и снова проситъ «скажи де про меня Богу!» — Хорошо, скажу. «Да ты, пожалуй, забудешь?» — Нѣтъ, не забуду. Только цыганъ не вѣритъ: «дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стремянѣ (стремя) я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стремянѣ, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стремянѣ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошадь садиться, глянулъ на стремянѣ и вспомнилъ про цыгана. Вернулся къ Богу и говоритъ: «попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — А цыгану, говоритъ Господь, то и промыселъ, коли у кого что возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить! Сѣлъ Егорій на копя и приѣхалъ къ цыгану: «ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! колибъ нѣ взялъ ты стремянѣ, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — То-то и есть! сказалъ

¹⁾ Въ одномъ спискѣ вмѣсто Егорія выведенъ св. Петръ

цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь. какъ только глянешь на стремяно — сейчасъ меня помянешь. Ну, что Господь-то сказалъ? «А то и сказалъ: коли у кого что возьмешь — утаишь да забожишь, твое и будетъ!» — Спасибо, молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда-жь ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремяно.» — Какое стремяно? «Да ты же у меня взялъ?» — Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремёна не бралъ, ей Богу, не бралъ! забожился цыганъ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ я съ чѣмъ! «Ну правду сказывалъ цыганъ: коли-бъ не давалъ ему стремёна — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ поннать буду!»

Цыганъ взялъ золотое стремяно и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а на встрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стремяно?» — Продаю. «Что возьмешь?» — Полторы тысячи рублей. «Зачѣмъ такъ дорого?» — Затѣмъ, что оно золотое. «Ну, ладно!» сказалъ баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стремяно; а остальные деньги напоследнхъ получишь.» — Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублей, пожалуй, а возьми, а стремёна не отдашь; какъ дошлешь что слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь. Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только пріѣхалъ — сейчасъ-же вынулъ пятьсотъ рублей и послалъ къ цыгану съ своимъ человекомъ: «отдай, говоритъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремяно». Вотъ приходитъ барской человекъ въ язбу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — Здорово, доброй человекъ! «Я привѣзъ тебѣ деньги отъ барина.» — Ну давай, коля привѣзъ. Взялъ цыганъ пятьсотъ рублей и давай поить его виномъ; напоилъ до-сыта! Канъ напоилъ до-сыта, сталъ барской человекъ собираться домой и говорить цыгану.

«давай же золотое стремянѣ». — Какое? «Да то, что барину продалъ!» — Когда продалъ? у меня никакого стремянѣ не было. «Ну, подавай назадъ деньги!» — Какія деньги? «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублей.» — Никакихъ денегъ и не видалъ, ей Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги! — Такъ и отперся цыганъ. Только услышалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: «чтожъ ты, воръ эдакой, деньги забралъ, а золотого стремянѣ не отдаешь?» — Да какое стремянѣ? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакаго мужика-сѣрика да было золотое стремянѣ! — Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. «Поѣдемъ, говоритъ, судиться.» — Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ, только подумай, какъ мнѣ съ тобой вхатъ-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Нариди-ка напередъ меня въ хорошую одѣжу, да и поѣдемъ виѣстѣ.

Баринъ нарядилъ его въ свою одѣжу, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говоритъ: «купилъ я у этого цыгана золотое стремянѣ; онъ деньги-то забралъ, а стремянѣ не отдаетъ». А цыганъ говоритъ. «господа судьи! сами подумайте, откудава вѣзмется у мужика-сѣрика золотое стремянѣ? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одѣжа-то его!» — Да таки моя! закричалъ баринъ «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать¹⁾. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

¹⁾ *Вариантъ*: Только что уѣхалъ Егорій, мужикъ Нестерка продалъ золотое стремянѣ да купилъ себѣ хлѣба и всякаго харчу, и съ той поры завсегда у кого что ни вѣзметъ — а ужъ непримѣнно затантъ и забожить.

13. ПЯТНИЦА.

Када-та адна баба на пачла ¹⁾ матушку Пятницу и учла (начала) прядиво шкаты да вертѣть. Прапярала она да абѣда, и вдругъ сонъ на неѣ нашолъ — такой магучай сонъ! Уснула она, вдругъ атварилась дверь и входить, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ ²⁾, да сердитая такаа! и шых(г)ъ прама къ бабѣ, ше прятала-та Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлятала-та атъ мочекъ ³⁾, и ну пасыпать ей глаза, и ну пасыпать! насыпала да и была такава паминай какъ звали! Ничаго и ня молвила, сярдешчан. Та баба какъ праснулася, такъ и звывала благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) сядя(ть) въ ужасы и учали вапить: «ухъ ты, акаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы» — и сказали ей всё, ще было. Та баба слухала-слухала и ну прасить: «матушка Пятница! взмилуйся миѣ, памилуй меня грѣшную; паставлю те(тебѣ) свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те(тебя), матушка!» И ще-жь ты думаешь? Ночью, вишь, апвть прихадила она и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и она апятъ встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу — прядиво шкаты да прятъ! — (Записана въ липецкомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи сельскимъ учителемъ Елисеємъ Сабуровымъ.)

¹⁾ Не почтила.

²⁾ Женская одежда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 269).

³⁾ Мочка — прядь льна или поскони (ibidem, стр. 117).

14. О НОЪ ПРАВЕДНОМЪ.

Заставилъ Господь слипова ды бизрукыва караулить садъ Бизрукый яблыка ни дастаить, слипой ни найдить. Паспѣ-ли яблыки, пашли духи сладкии. «Малый, какъ-жа нашъ яблыч-ка пакушить?» — Садись вирхомъ на мине. а я шдвизу къ яблыки. Слипой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый узрилъ Бога, драгнулъ ать яблыки бѣжать. Слипой ать плечъ (онъ за пачи диржался — вирхомъ на бизрукымъ) атарвался, ударилси абъ земь, ды-й абмѣръ. Господь приходить: «биз-рукый. идѣ слипой?» — Омырыкъ яво ашибѣ. Господь при-ходить къ слипому: «слипой, съ чаво-жъ ты абмѣръ? абманы вашъ ты мине, слипой! ни омырыкъ тебе ушибѣ, ты съ пли-чей убилси съ бизрукыва!» — Абмануль я тебе, Госпыди! прасти мине. Прастилъ слипова, ды й пашолъ.

Сыбрались караульщики, на варагахъ стаять. Идѣгъ дья-выль: «зрастуйти, ребята! што-жъ вы яблыкъ ни јидитя?» — Какъ-жа нашъ ихъ ѣсть? у мине рукъ шѣту. у ниво глазъ. Я ни дастану! — А а ни найду! «Плохи-жъ вы, ребята, кады въ саду яблыкъ ни јидита.» — Мы ни ухитримси, какъ ихъ ѣсть! «Эка, какъ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а сли-пой надберв!» Яблыки были насажны другъ ать друга па сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтрѣсь Слипой лёгъ на пуза, прикаталъ усю траву — всё яблыки искалъ. Ну, Господь приходигъ: «караульщики. хто-жъ у васъ садъ абтрѣсь?» — Вѣтиръ наднялси, увесь садъ абтрѣсь! «Ать чаво-жа яблыни пазавяли?» — Ать яс-нава со(д)нца! «Ать чаво-жа нижни бака папрѣли?» — Ать сильныва дожжа! «А хто-жа у васъ въ саду траву пришялъ?»

Слипой гаварить: «у мене жавотъ балѣлъ, всё катален!» — Врѣшь ты, слипой! всё абманываишь мене! Сабралъ Господь караульщикавъ, узялъ огниными прутья, выбилъ ихъ огниными прутьями: «выдѣтя, праклягыи калѣки, вонъ изъ маиво саду, набирѣйтисѣ по міру атными да вѣку!»

Господь сказалъ: «дай-жа я сдѣлаю Ноя Правидныва штобъ у маёмъ у свѣти была правда». Приставилъ сабану голую караулить Ноя Правидныва: «смотри-жъ ты, сабака, никуво ни пуцай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!» Приходить дьявыль къ сабаки: «пусти мене, сабака, Ноя Правидныва пысмастрѣть!» — Мнѣ Господь ни видѣлъ никаво пушати. «Хята ты ни пуцаишь мене Ноя Правидныва пысмастрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныгы: придетъ зима, придуть марозы — ни надыть тибѣ избы.» Далъ дьявыль сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысмастрѣть Ноя Правидныва. Дьявыль ахаркыль, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной смій, зилевый, дурной... странно ва Ноя глядѣть стадо! «Штожъ ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? штожъ я тибѣ гаварилъ!» — А штожъ ты мене безъ шубы приставилъ? «Штобъ ты цирковныва звону ни слыкала, у Бсжій храмъ ни хадшла!» Взялъ Господь, апасли той сабаки, Ноя вывырызалъ (sic). аплѣвышыя, ахѣркыныя въ сирѣдку... Изъ Ноевыва рибра сдѣлалъ Господь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усѣ плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтѣ, вотъ съ той-та яблынки.» Евга гаварить: «Ной Правидный! атъ чаво жъ эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтѣ? Давай пакуцаишь!» Съѣли па яблычку, па разу укусили... другъ друга зыстыдилисѣ: Евга пылъ лапухъ, а Ной пылъ другой, другъ атъ друга схаранилисѣ. Приходить Господь «Ной Правидный! вгдѣ ты?» — Я вѣтынъ! «Иди ка мнѣ!» — Я нагъ! Ной гаварить; Госпыди! сатвари намъ адѣжу. Вышли ани къ нему; выбилъ ихъ Господь огяинными прутьими, выгналъ изъ саду вонъ!

— Выслышши изъ саду Ноя Правиднына, умилился Господь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чиризъ три года патопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной Правидный! кавшегъ строй, да жинѣ ни сказывай што строишь!» Пашоль Ной Правидный у рошу строить кавшегъ; строить годъ, отстроить два. Дьявыль приходитъ «Ной Правидный, што дѣлаишь?» — Развѣ ты слепой? ты видишь, што я дѣлаю! «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — И ни вѣляна тибѣ знать! Дьявыль ударился изъ роши къ Нойвой жинѣ, къ Евги. «Евга, успраси ты у мужа, што онъ дѣлаить?» А Ной Правидный жинѣ отказываить: «я такъ на роши хажу, на дровья смотрю, самъ себѣ забавляю!» — «Ёнъ ни на роши гуляить, ёль што-й-та рубить!» — Я ни знаю. «Сдѣлай-жа ты квасу, наклади хмѣлю!» — Усхвалилъ самъ себѣ Ной: «слава тибѣ, Госпыди! састроилъ себѣ судно за палгода патопы». Приходитъ, сталъ кушать: «Евга, нѣтъ ли чаво пакушамши напѣтца?» Напѣли квасу, лёгъ атдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да миѣ правды ни скажишь, што-й-та такая ты рабатишь?» — Экая ты! Вотъ асталась палгода да первыва ман; у ман-мѣсицы, у первымъ числѣ, будить патопа! — Агдахнувши, приходитъ Ной къ кавшегу: увесь кавшегъ дьявыль разже-талъ. «Экая!... пригряшилъ я для(я) тебе!» Шестъ мѣсиць ёнъ живо сыбиралъ ни пѣмши, ни ѣмши, и дамой яв хэдилъ. Приходитъ-жа Господь: «Ной Правидный, сабирай-жа всякихъ звирьёвъ у кавшегъ на парѣ, и дичи, плодовъ всякихъ». Сабралъ-жа ёмъ звирьёвъ всякихъ, и ужовъ, и плодовъ всякихъ. «Будить, гаварить Господь, патопа: затопить и лѣса, и луга, и балота, и дамá! Будить патопа на двинатцать сутыкъ.» Ной забралъ всё.

Дьявыль гаварить: «Евга, какъ-жа миѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?» — Я ни знаю! «Разуй лѣваю ногу, да глянь скрозь ноги на мене; а патыль (до тѣхъ поръ) ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль

страшная ятона ни наставитъ, пакыль вада ни разальётси увяздѣ; ёнъ на тебе закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная, а то утопишишь! Какъ ёнъ тебе акальной назаветъ — и я съ тобой улѣзу. А датыль не лазій.» Евра глянула скрозь нога; Ной закричалъ: «лѣзь-жа ты ка мнѣ! лѣзь-жа скарѣя, акаянная!» Какъ сказаяль Ной, дьявышь какъ сятнетъ (пршгнетъ) у кавшегъ и паплыль; скинулси (обратилси) мышью — кавшегъ пратачилъ. Ужъ узаяль эту дыру галавой и заткнуль, игдѣ мышъ пратачилъ. Плавыви ани аднатцать сутыкъ на вазморью, на этай ны патопи. Пасказъ Ной Правидный ворая: «палити-жа ты, чернай воранъ, узнай есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?» Воранъ литалъ, литалъ, нашолъ падла и сталъ кливать на острани. «Идѣ-жъ ты былъ, воранъ?» — Я, гаварить, аташолъ да падла иливалъ! «Какъ-жа ты ни паслушалъ? мы тебе пасылали пысмастрѣть вѣды; вѣдъ всякая душа да хвалить Госпыда! будь-жа ты, воранъ, какъ пень гарѣлый; будь-жа у тебе дѣти гадавыи: накъ дитей даждешьси — оамъ акалѣй!» Вѣдъ какъ воранъ даждетца литвѣ, выходить, выкоршить, — самъ акалѣить; вѣдъ ани всѣ калѣють! «Лити-жъ ты, голубъ; пысмастри-жъ ты патопык спадаить ли, прибавляить ли?» Литалъ, литалъ голубъ; ша-топа сбавила на три вршина, и нашолъ ёнъ такая мѣста, сухая, вгдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли х(к)ъ пристыни.

Приходить Гасподь: «што вы живы ли усѣ?» — Слава ти, Госпыди! усѣ живы! «Выходитя-жъ монъ!» Усѣ вышли; напасѣдакъ дьявыль сигъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мнне утапить; вѣдъ я вѣтанъ! я тебе большой врагъ!» — Каки-жъ ты мнѣ большой врагъ, вазьми-жъ ты мнне за руку. Вазьмѣть дьявыль Госпыда паширѣхъ руки, да ни пайманть — руку апустить. «Дай-жа я тебе вазьму за руку!» Какъ вазьмѣть Гасподь дьявыла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хотъ меньшей братъ!» — все, виль, у брата лѣзить. «Лѣзь-жа ты,

меньшой братъ, у моря, дастакъ вынулъ горсть: давай землю засивать.» Они прибились х(к)ъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полъзъ дьявыль въ моря, схватилъ земли горсть, да ни вытащилъ — всё размыла! Разъ слъзъ, другой, третій слъзъ.. у четвѣртай полъзъ. «Братъ, гаварыть Господь, скажи. Госпыди Исусъ Христосъ!» Сказалъ дьявыль: Госпыди Исусъ Христосъ! нырнулъ въ моря и вытащилъ земли у горсти оъ макавыхъ два зярна. «Лъзъ-жа нщо, этой земли мала!» — Пастой жа, гаварить самъ сибъ дьявыль, я зашкаю сибъ за швку земли: што Господь будить дѣлать, я сибъ тожа слѣлаю. Взялъ Господь перехрестилси, кинулъ землю на три стораны: слѣлалси на заморью луга, лѣса, роши... ровна! «Госпыди, а штожь за мои труды, какая будить угоженіи?» — Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можетъ, тебе будутъ хвалити, мне поминати; я и тѣмъ буду доволинь.

«Ну, Ной, живи на землѣ, радися, пладися!» — Госпыди, скоро-жь ать мне ать аднаво бѣлый свѣтъ караднца? Господь гаварить. «ты мужика свалай изъ глины, а Господь изъ пшенишныва изъ тѣста». Барзой кабелъ стоялъ сзади, схватилъ пшенишный комъ да бижать: ать Варонижа да нашива смла всё аднадворцевъ и.

«Госпыди, я насиллль народу ать Варонижа ды Куракина на двѣсти на восемьдесятъ вѣреть. Госпыди, у чомъ-жа намъ жить будить? народу я распладилъ много!» Господь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: «живитя, вотъ вамъ избы!» — Госпыди, на чомъ жа намъ работать? Далъ Господь лошады. «Да чѣмъ-жа ине абратать?» Господь свизалъ обрыть ¹⁾, свизалъ хамуть. Вотъ сперва сыбралось члавѣкъ сорыкъ народу абгарнуть (обружить — см. Опытъ обл. словаря, стр. 131) лошады

¹⁾ Мочальная или веревочная узде (Опытъ обл. велжск. словаря, стр. 135).

ды загнуть въ хамуть а тамъ обрыть вздернуть; стади вширди, растапырили хамуть да обрыть! Господь паймалъ лошадь, запрѣгъ: «вотъ вамъ, гаварить, изба лошадь. упряжь: живитя да мне хвалитя! Вотъ мы таерича живёмъ да и хвалимъ живо: «слава тибѣ. Госцыли! што усѣ паказалъ». — (Доставлена П. В. Кирѣевскимъ)

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРОЙ.

Иисусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго. «Ты, сказалъ ему Христосъ, самъ вы(и)ди своими мудростями!» И остался Соломонъ одинъ въ адѣ; какъ ему выдти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завѣртку. Подходить къ нему маленькой чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вьетъ онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ, будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!» Связъ Соломонъ завѣртку, да и сталъ размѣрять ею въ аду. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣрять? «Вотъ тутъ мовастырь поставлю, говоритъ Соломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную.» Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и рассказалъ все дѣду своему сатанѣ, а сатана: взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго. (Записана въ орловскомъ уздѣ П. И. Якушкинымъ.)

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

а Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать: «что такое значитъ? прослужилъ я Богу и великому государю

двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пускаютъ, дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣчался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «куда идешь, служба?» — Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ — вотъ я и убѣжалъ, иду теперь, куды глаза глядятъ! «Ну, коль ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное.» Приходитъ солдатъ въ рай, видитъ благодать неизрѣченную, и думаетъ себѣ вотъ когда поживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продасть ли кто табаку?» — Какое, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное! Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ. «не продаютъ ли гдѣ близко вина?» — Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное! «Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!» сказалъ солдатъ и ушелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять на встрѣчу Господу. «Въ какой, говоритъ, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь; тамъ все есть! Солдатъ повернулся назадъ, и пустилъ вѣрою въ дорогу. Бѣжить нечистая сила: «что угодно, господи служба?» — Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай. Вотъ привели солдата въ пекло ¹⁾. «А что такое есть?» спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — Есть, служивой! «А вино есть?» — И вино есть! «Подавай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ пер-

¹⁾ Вариантъ. въ адъ.

цовки. Солдатъ нѣтъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радѣ-хонекъ сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолге нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлось! Что дѣлать? пустился на выдумки, сдѣлалъ сажень, настрогалъ колышковъ и давай жѣрнить: отжѣрнить сажень и вобьетъ колышокъ¹⁾. Подскочилъ къ нему чортъ. «что ты, служба, дѣлаешь?» — Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь что-ли? хочу монастырь построить²⁾. Какъ бросится чортъ къ своему дѣдушкѣ: «погляди-тка, дѣдушка, солдатъ хочетъ у насъ монастырь строить!» Дѣдъ вскочилъ и самъ побѣжалъ къ солдату: «что, говоритъ, ты дѣлаешь?» — Развѣ не видишь? хочу монастырь строить. Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ Богу: «Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочетъ монастырь у насъ построить!» — А миѣ что за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ при(ни)маете? «Господи! возьми его оттедова» — А какъ его взять-то! самъ пожелалъ. «Ахти! завопилъ дѣдъ, что-же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — Ступай, сдери съ чертенка кожу и натяни барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу. онъ самъ уйдетъ! Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертямъ, какъ выскочить солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-накрѣпко, а то какъ-бы опять сюда ни ворвался!» Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услышалъ барабанный бой — пустился бѣжать изъ аду сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-накрѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и тревоги не слышать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пек-

¹⁾ Вар. Взялъ шнуръ, вынулъ изъ ранца кусокъ жѣлу, намѣрилъ шнуръ и сталъ размѣрять пекло

²⁾ Вар. Хочу соборъ построить: придетъ табель, некуда и въ парадъ идти!

ло. «отворяйте скорѣе! кричить во все горло, ни то ворота сломаю!» — Нѣтъ, братъ, не сломаешь! говорятъ черта. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжида!

Повѣсилъ солдатъ голову и побрѣлъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ, и повстрѣчалъ Господа. «Куда идешь, служба?» — И самъ не знаю! «Ну, куда, я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ ве ужился!» — Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ. «Ну, становись.» Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой ¹⁾. Смерть отвѣчаетъ: «иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — Погоди, я пойду спрошу. Пошелъ и спрашиваетъ. «Господи! Смерть пришла, кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила самой старой людъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старяки». Вышелъ и говоритъ Смерти. «ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы» ²⁾. Заплакала Смерть «эв что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изшло время — веротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притащилась?» спрашиваетъ солдатъ. — За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ «Господи! Смерть пришла, кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ ³⁾. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, по-

¹⁾ *Вариантъ:* Поставилъ Богъ солдата у райскихъ дверей. «смотри, приказываетъ никого не пропускай!» — Служаю, стараго солдата нечего учить. Вотъ стоитъ онъ на часахъ, никого не пропускаетъ Идетъ Смерть. «Кто идетъ?» окликаетъ солдатъ. — Смерть. «Куда?» — Къ Богу «Зачѣмъ?»

⁴⁾ *Вар* Грызла старой лѣсъ, которой сто лѣтъ на корню простояла

³⁾ *Вар* среднихъ людей

жалуй, она братьевъ моихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти. «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и иѣлымъ три года точи молодые дубы ¹⁾; такъ Господь приказалъ!» — За что это Господь на меня прогнѣвался! Заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила всѣ молодые дубы а какъ изошло время — идетъ къ Богу, едва ноги тянутъ. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. — Къ Господу за повелѣнiемъ, кого морить прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила. Солдатъ думаетъ себѣ: «у моихъ братьевъ есть ребятки. элакъ, пожалуй, она ихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ а цѣлымъ три года гложь самые малые дубки» — За что Господь меня мучаетъ! заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодава самые что ни есть малые дубки; а какъ изошло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги перелвигаетъ ²⁾. «Ну теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама доведу до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?» Солдатъ увидалъ Смерть в окликаетъ: «куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаетъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услышалъ и вышелъ: «что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я иѣлыхъ девять лѣтъ: всѣ по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодава самые малые дубки... еле ноги таскаю!» — Это всѣ ты! сказалъ Господь солдату. «Виновать, Господи!» — Ну, ступай-же за это, носи девять лѣтъ Смерть на закортышкахъ! (на плечахъ. — см Слов. Росс Акад)

¹⁾ Вар грызи среднiй лѣсъ.

²⁾ Вар Идетъ чуть живая, только вѣтеръ подуетъ — такъ отъ вѣтру валется!

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ — дѣлать нечего — повёзъ ее на себѣ, вѣзъ-вѣзъ и уморился, вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: «служивой, дай и мнѣ понюхать табачку». — Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько душѣ угодно. «Ну, открой-ка свой рожокъ!» Солдатъ открылъ, и только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту-жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище ¹⁾. Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: «а Смерть гдѣ?» — Со мною. «Гдѣ съ тобою?» — Вотъ здѣсь за голенищемъ. «А ну, покажи!» — Нѣтъ, Господи, не покажу, пока девять лѣтъ не выйдетъ; шутка ли её носить на закортышкахъ! вѣдь она не легка! «Покажь, я тебя прощаю!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ его — Смерть тотчасъ в сѣла ему на плеча. «Слѣзай, коли не съумѣла ѣздить!» сказалъ Господь Смерть слѣзла. «Умори-же теперь солдата!» приказалъ ей Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говоритъ Смерть, слышалъ — тебя Господь велѣлъ уморить!» — Чтожъ? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться. «Ну, исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къверху. «Не такъ!» говоритъ Смерть. — А какъ же? спрашиваетъ солдатъ — и улегся на бокъ. «Да всё не такъ!» — На тебя и умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ, какъ умираютъ?» — То-то и есть, что не видалъ! «Ну-

¹⁾ Вар. Велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Пошелъ солдатъ съ нею въ лѣсъ, и распорилъ «ты де не влѣзешь въ пустой орѣхъ!» Смерть сверху в влѣзла, а солдатъ заткнулъ дырочку (въ орѣхѣ) колышкомъ, спряталъ орѣхъ въ карманъ, и пошелъ на старое мѣсто

сти, я тебѣ покажу.» Солдатъ выскочилъ изъ гроба а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ-же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидалъ его и спрашиваетъ: «гдѣ же Смерть?» — Я пустилъ ее въ рѣку. Господь глгнулъ — а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. «Чтожь ты солдата не уморила?» — Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не едѣлаешь. «Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойдн и умори его!» Смерть пошла и уморила солдата.

—

В. Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажился онъ долго на свѣтѣ, по-просту сказать — чужой вѣкъ сталъ забдать. Сверстники его по-немногу отправляются на тотъ свѣгъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать-не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажился на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избышки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — Я. «Кто ты?» — Смерть, «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу.» Смерть рассказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А! если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на каземный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы «Ну, служивый, ложись, когда-нибудь

нало-же умирать » — Не растабарышая знаю я аашето брата не надуешь. Ложись-ка прежде сама «Какъ сама?» — Да тамъ. Я безъ артикула вичего не ривыкъ дѣлать; что начальство понажетъ фронтъ — что ли тамъ, аль другое что. — то и дѣлаешь. Ужь такъ привыкъ, сударья моя! не переучиваться же мнѣ старенекъ сталъ! Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ, — солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго-долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть изъ солдатской избушки и стучится въ двери. Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: «что нужно?» — Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься. А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу.» — Пойдемъ. Подожди, мундиръ натану.» Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: «ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира... идти? Я пойду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. Врешь, солгада немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде еще лѣса подстригать да горы ровнить; а потомъ и за меня приниматься. И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ мала работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много, много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечемъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ.

Пришелъ и видитъ, что народу многое множество. Омъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсь, и добрался до самаго сатаны. Поспотрѣлъ на сатану и побрѣлъ искать въ аду уголка, гдѣ бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдата; не пускаетъ никого мимо своего добра: «не ходитъ! вишь, казенныя вещи лежатъ; а ты, можетъ, на руку нечистъ. Здѣсь всакаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говоритъ: «я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хотъ бы выжить его изъ ада, такъ не идетъ: «миѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свиничью кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ. (Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.)

с. Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шелъ-шелъ и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? в голодень, и холодень; только и есть что три сухаря». А на встрѣчу ему убогой нищій и проситъ милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погода попадаетъ ему другой нищій, кланяется и проситъ мило-

стинку. Солдатъ подалъ и этому сухарь, и остался у него одинъ. Одятъ пошелъ дальше своей дорогою, и повстрѣчалъ третьяго «нищаго»: кланяется ему старецъ и просить милостинку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: цѣлой дать — самому не останется, половину дать — пожалуй, сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидить у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь коѣ какъ! Отдалъ послѣдній сухарь, и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я тебѣ помогу». — Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ; съ тебя, старичекъ, взять нечего ты самъ человѣкъ убогой. «Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь, — а я ужь награжу тебя за твою добродѣтель.» — Мнѣ ничего не надо, а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старецъ вынулъ изъ за пазухи карты и даетъ солдату: «возьми, говоритъ; съ кѣмъ ни станемъ играть въ эти карты — всякаго обыгрнешь; да вотъ на тебѣ в торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: ползай сюда, звѣрь или птица! и все сдѣлается по твоему»¹⁾. — Спасибо, скавалъ солдатъ, взялъ карты и торбу, и поплѣлся въ путь-дорогу.

¹⁾ *Вариантъ 1.* Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ и выслужилъ три денежки. Идетъ на родину, а на встрѣчу ему самъ Господь съ двѣнадцатью апостолами. Подходить Христосъ въ нищенскомъ образѣ и просить милостинку. «Чтожъ тебѣ подать, старичекъ, говоритъ солдатъ, хлѣба у меня нѣтъ ни куска, вотъ тебѣ денежка — прими Христа ради!» Пошелъ солдатъ своей дорогою, а Господь зашелъ впередъ, повстрѣчалъ его и спрашиваетъ: скажи, служивой, чего желаешь? Апостолы говорятъ: «проси, солдатъ, царства небеснаго!» А онъ въ отвѣтъ: «я двадцать пять лѣтъ служилъ своимъ умомъ, и теперь не хочу слушать чужаго разуму! Дай мнѣ, говорить, кисеть табаку». Далъ ему Господь кисеть табаку. На другой день идетъ Христосъ и по прежнему просить у солдата милостинку; отдалъ ему

Шелъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плаваютъ три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и задумалъ: «дай-ка я торбу свою попробую!» Вынулъ её, распахнулъ и говоритъ: «эй, вы дикіе гуси! полетайте въ мою торбу.» И только выговорилъ эти слова — какъ сядишь гуся съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плечѣ и пустился въ дорогу. Шелъ-шелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говоритъ хозяину: «возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, а другаго гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да

солдатъ и другую денежку. Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, на встрѣчу ему, и опять спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Не хочу жить чужимъ умомъ, отвѣчалъ солдатъ; дай мнѣ кошель съ деньгами.» Далъ ему Господь кошель съ деньгами. На третій день идетъ Христосъ и опять проситъ у солдата милостину; отдалъ ему солдатъ и послѣднюю заслуженную денежку. И въ третій разъ зашелъ Господь ему на встрѣчу и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Что вы учите! сердито закричалъ солдатъ; сказалъ вамъ, что не хочу чужимъ умомъ жить — и не приставайте! Вишь, своимъ умомъ-то я выпросилъ кисеть табаку да кошель денегъ, и сколько табаку ни курю, сколько денегъ ни беру — все не убываетъ!» Была у солдата порожняя сума, вотъ онъ ее ухватилъ, и говоритъ Христу: «пуцай по моему слову будетъ она полна, чѣмъ пожелаю!» — Ну, пуцай! сказалъ Христосъ, и пошелъ съ апостолами своей дорогой.

Вариантъ 2. Выслужилъ солдатъ три сухаря и пошелъ домой. Идетъ, а на встрѣчу ему Господь съ впостоломъ Петромъ. «Служивой, дай чего-нибудь перекусить намъ!» Солдатъ далъ имъ по сухарю, себѣ оставилъ третій. «Спасибо!» — и пошли они въ разныя стороны. Вотъ Господь и говоритъ апостолу Петру: «ступай, нагони солдата и спроси, чего отъ Бога желаетъ?» Нагоняетъ апостоль Петръ солдата, а солдатъ увидалъ его и кричитъ: «что, братъ, аль за третьимъ сухаремъ идешь?» У самого одинъ остался, и не проси — не дамъ!» — Нѣтъ, служивой! скажи-ка, чего ты отъ Бога желаешь? «Чего желаю?» да только колоду картъ, да еще коли на что погляжу и исполваю: по Господневу слову поѣзжай въ ранецъ! — чтобъ всё туда и лѣзло.»

угешае гя: выпьетъ вина да гусеть и закуютъ. И вадума лось ому посмотрѣть въ окошко: стоять на другомъ сторою большой дворець. только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одвого стена цѣлаго. «Послушай, сирашиваетъ опъ хозяина, что это за дворець и огчего пустой стоитъ?» — Да вишь, говоритъ хозяинъ, царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворець, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустоеть! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумитъ, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творить. Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! позволь, говоритъ, мнѣ въ твоёмъ порожномъ дворцѣ одну ночь переночевать.» — Что ты, служба! говоритъ ему царь; Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ этомъ дворцѣ, да ни одинъ живой не ворочался! «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тояетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — Я-жъ тебѣ говорю поидеть гуда съ вечера живой человекъ, а утромъ одни косточки найдутъ. Солдатъ стоитъ на своемъ: пусти да пусти его во дворець. «Ну, говоритъ царь, ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воля не снимаю.»

Пришелъ солдатъ во дворець и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ урлокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисеть съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ—откуда что взалось — набѣжало во дворець чертей видимо невидимо; поднялся гамъ крикъ, плясъ, музыка. «А и ты, служивой адѣсь! закричали черти. Занѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?»—Отъ чего не хотѣть! только чуръ играть моими квертами. Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать.

Стали играть; разъ сыграли — солдатъ выигралъ, въ другой — опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрялись черти, а всё деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаетъ! «Постой, служивой, говорятъ черти; есть у насъ еще шестьдесятъ четвершковъ серебра да сорокъ золота, давай-на играть съ тобой на это серебро и золото!» — и посылаютъ они малаго чортѣнка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгрываетъ: ужь чертѣнокъ таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, и говоритъ старому дьяволу: «дѣдушка, больше нѣту!» — Таскай, пострѣль, золото! Вотъ онъ таскалъ-таскалъ золото, цѣлой уголь завалилъ, а толку все нѣту, все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: «разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!» — Еще посмотришь, кто кого съѣстъ! говоритъ солдатъ, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «а это что?» — Торба, говорятъ черти. «А ну, по Божьему слову, ползайте въ торбу!» Только сказалъ — и ползли черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку, на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «ступайте, провѣдайте — что съ солдатомъ дѣется? Коли пропадъ отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!» Вотъ и пошам; приходятъ во дворецъ — а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живаго! Ну, какъ ночевалъ, наяъ съ чертями поладилъ?» — Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія куча! Посмотрѣли царскіе люди и вздивоуались, а солдатъ имъ наказываетъ: «приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ

железной плитою, съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говоритъ солдатъ, снимите эту торбу да приударьте её по кузнешному.» Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежь собой «ишь какая тяжелая! черти—что-ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «мы батюшки! мы, родимые!» Сейчасъ положили кузнецы торбу на железную плиту и давай молотами постукивать, словно железо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, не въ моготу стало терпѣть: «смилуйса! заорали; выпусти, служивой, на волюной свѣтъ, по вѣкъ теби не забудемъ; а ужь въ этотъ дворецъ-ни одинъ чортъ ни ногой... всѣмъ закажемъ, за сто версть отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развазалъ торбу — черти такъ и прыгнули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ яе промахъ, ухватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лапу до крови: «подавай, говоритъ, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку свою кровію, отдалъ и наострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу—и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали нараулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, очисти́лъ дворецъ отъ дьявольскаго навожденія. «Спасибо, говоритъ ему царь; оставайся жвьть у меня, стану тебя замѣсто брата почитать.» Остался солдатъ при царѣ жвьть ¹⁾); всего у

¹⁾ *Вариантъ 1:* Жилъ-жилъ, и пришло ему время умирать. Посылаетъ Господь ангеловъ вынуть его душу. Вотъ ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствамъ, и спрашиваютъ у Бога: куда пришьажетъ эту душу—въ рай или адъ? «Посадите ее въ муку вѣчную, сказалъ Господь, она сама отказалась отъ царства небеснаго!» Посадили солдата въ муку вѣковѣчную. Вотъ онъ осмотрѣлся и видитъ висятъ кругомъ котлы съ горячею смолою, а въ котлахъ грѣшныя души мучатся, плачутъ и скрежещутъ зубами. Обступили солдата черти: «ну, служивой, пора и тебѣ въ котель отправляться!» — Вы меня

него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужь сколько лѣкарей перебивало, а толку нѣтъ ни на грошъ. И вздумалъ солдатъ про того стараго чорта, что далъ ему росписку, а въ роспискѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говорить: «куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ

котломъ не страшайте, а давайте-ка лучше играть въ карты. «Нѣтъ, братъ, полно! мы съ тобой играть не станемъ.»—А вотъ-же врите, станете играть, только торбу вамъ показать... «Ничто она съ тобою?»—Со мною. Перепугался черти. «давай, служивой, карты!» Вотъ и стали они играть на грѣшныя души. Солдатъ обыгралъ. «Ну, теперь ты здѣсь хозяинъ!» сказали ему черти. А онъ тому и радъ, повыпускалъ изъ котловъ всѣ грѣшныя души, построилъ ихъ по-солдатски въ три шеренги, и повелъ прямо къ райскимъ дверямъ. «Отпирай ворота!» кричитъ солдатъ. Апостолъ Петръ говоритъ. «постой, пойду у Бога спрошу.»—О чемъ-же ты прежде думалъ? Пошелъ апостолъ Петръ къ Богу: «Господи! говоритъ, пришелъ къ райскимъ дверямъ солдатъ и привелъ съ собою изъ некла множество грѣшныхъ душъ.»—Прими отъ него по счету, а самаго не пуцай въ рай. Вотъ апостолъ Петръ отперъ райскія двери и сталъ принимать души—всѣ по одной. А солдатъ: «эхъ, братъ, ты и считать не умѣешь! а ты вотъ какъ считаешь: разъ, два, три—стукай туды! разъ, два, три—и я туды!»—и полѣзъ было въ рай, апостолъ Петръ схватилъ его за руку: «нѣтъ, говоритъ, погоди! ты самъ не пожелалъ себѣ царства небеснаго, на себя и пеняй!»

Вариантъ 2. Посадили солдата въ адъ, увидалъ онъ у чорта два большіе ключа и спрашиваетъ: «что это за ключи?»—Одинъ отъ котла, другой отъ холодной горницы. «А тамъ что?» Въ котлѣ кипятъ грѣшныя души, а въ холодной горницѣ мерзнутъ. . «Давай играть въ карты на эти ключи!»—Давай! Солдатъ выигралъ ключи и повыпускалъ на волю всѣ грѣшныя души. Пришелъ чортъ: «служивой! куда дѣвалъ ты грѣшныя души?» Солдатъ показываетъ себѣ на грудь и говоритъ. «вотана грѣшная душа!» Побѣждалъ чортъ къ своимъ товарищамъ: «ну, братцы! солдатъ всѣ грѣшныя души поѣлъ! пожалуй, и до насъ доберется». И тутъ-же выгналъ его изъ некла Собралъ солдатъ всѣхъ выпущенныхъ изъ котла и холодной горницы грѣшниковъ и повелъ въ царство небесное. «Кто идетъ?» спрашиваютъ солдата —Я съ грѣшными душами. «Сюда грѣшныхъ не принимаютъ, здѣсь рай!»—Знаю, что край, отъ того и не йду дальше.....

нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ. «что твоей милости угодно?»—А вотъ что: захворалъ у меня сыныша, не знаешь ли—какъ-бы его вылѣчить? Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: «поди-на, посмотри на воду». Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: «ну, что видишь?» — Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть. «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла—то непримѣнно бы померъ!» Потомъ берётъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына, и въ ту-же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ, говоритъ солдатъ, и больше ничего отъ тебя не надо!» Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить и бояръ, и генераловъ; только посмотреть въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздороветь.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ—и видитъ, что Смерть тутъ-же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: «ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить, Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услышалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился. «какъ такъ? закричалъ на него, ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть—такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у цара въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ

онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть! говоритъ солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься.»—Ступай! отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужь около него стоитъ: «ну, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «что это?» Смерть отвѣчаетъ: «торба».—Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее! Смерть прямо въ торбу и *шуркнула*. Солдатъ—куда и хворь дѣвалась—вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на гѣрькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать. рожаться—рожают-ся, а не помираеть! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а на встрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужь помирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка, мнѣ давно помереть пора,—еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не принимаетъ, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощонный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ также, какъ я, мучится!—Вотъ солдатъ и оталъ думать: «видно, надобно выпустить Смерть-ту; ужь пускай уморить меня... И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силѣнъ, отмучуюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко-старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе лѣса. Подходить къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны

стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снявъ солдатъ торбу, развязавъ и выпустилъ Смерть, и самъ лёгъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и проситъ Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ногги: «пущай, кричитъ, тебя черти уморятъ, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «пойду-ка я прямо въ пекло; пущай меня черти бросятъ въ кипучую смолу и варятъ до тѣхъ поръ, покуда на мнѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всѣми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли—далеко, низко ли—высоко, мелко ли—глубоко, и пришелъ таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: «кто идетъ?»—Грѣшная душа къ вамъ на мученіе. «А это что у тебя?»—Торба. Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запираетъ всѣ двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокрругъ пекла и кричитъ князю пекельному: «пусти, пожалуйста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться».—Нѣтъ, не пуцу! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту. «Ну, коли не пущаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ—Господь и проститъ меня за это!» Князь пекельный отвѣчаетъ: «я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюда!» Сейчасъ велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывести въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: «такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ изъ пекла привелъ».—Примите ихъ въ рай, а солдата не пущайте. Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и прика-

залъ: «смотри, какъ войдешь въ райскіе двери—сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на дняхъ померъ. — (Всѣ замѣствованы изъ собранія В. И. Даля.)

17. В И Д Ъ Н І Е.

а. Шель прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣтки, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣтку, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣтку, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ нимъ и женою лежить змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣтку; тутъ увидалъ кунку (куньцу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зорбѣ (большая куча, стогъ — Оп. обл великор. слов.) сѣна, и слышалось ему — будто какой человекъ въ снѣ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испу-

гался и легъ было подъ еуелонъ ¹⁾ ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричить: «постой, возьми меня съ собою!» Не успалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говорить, нашолъ и разной гадъ, — отъ того, что послѣ ужина нещѣтки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бьется въ клѣтѣ дубинка, — это отъ того, что хочется ему большакѣмъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ кунку, — значить, у него съ женою благодать Божіи, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто полетится на чужое сѣно, скосить да снететь въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давитъ свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собою! — это которое съ полюсы не собрано, оно-де говорить: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьей: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полюсъ собирай до чиста». Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

в. Ходилъ по міру старинькой старичекъ, и попросился ночевать къ одному мужику. «Пожалуй, говорить мужику,

¹⁾ Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221)

я тебѣ пуцу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть. «Ну, ступай!» Вошелъ старичекъ въ избу и легъ на полатѣ. Хозяинъ говоритъ: «поди-ка, почтенной, поужинай». Старичекъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичекъ, сказывай сказку.» — погоди, лучше я поутру расскажу. «Ладно!» Улеглся спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а по полу такъ и бѣгаютъ щерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да вькаютъ. Посмотрѣлъ на старшаго хозяйскаго сына, а промежъ нихъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на втораго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшаго сына, а промежъ нихъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ (овинъ—Оп. обл. великор. слов.), а тутъ кричатъ: «сестра! сестра! прибери меня». Легъ подъ изгородь, и тутъ кричатъ: «выдерни да вторни (вотни — *ibidem*) меня!» Легъ подъ чугуны, здѣсь кричитъ: «на бобрѣ вѣшу, на боберѣ упаду!» Пошелъ старичекъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говоритъ; «ну, сказывай сказку!» А старичекъ ему: «и не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоёмъ домѣ видѣлъ? Проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ». — Это мои два ангела перепархивали! говоритъ хозяинъ. Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала.» — Это отъ того, что они въ ссорѣ. «Глянулъ я ночью и на другаго сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула.» — Это значитъ, что они недружно живутъ, хочетъ жена мужа извести. «А какъ посмотрѣлъ на меньшаго сына, такъ межъ нихъ и женою младенецъ лежалъ.» — Это не младенецъ,

ангелъ лежалъ, отъ того что живутъ они дружно, согласно. «Отъ чего-же, хозяинъ, какъ слѣзь я съ полатей, такъ по полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крикали?» — Отъ того, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка (лучины — Оп. обл. великор. слов.) не подметутъ, а квасъ, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь не поставятъ на столъ. «Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра! прибери меня.» — А это вотъ что значитъ: сыновья мои никогда мѣтель благословясь на мѣсто не поставятъ! «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: вы дерни, да вторни!» — Это значитъ, что изгорода вверху низомъ поставлена. «Потомъ легъ я подъ чугуиъ, а тамъ кричатъ: на бобрѣ вѣшѹ, на бобѣрѣ упаду.» Хозяинъ говоритъ «а это вотъ что — коли я помру, то и весь домъ мой опустится!» — (Изъ собранія В. И. Даля; первая записана въ архангельской губерніи, а вторая въ зубцовскомъ уѣздѣ тверской губерніи.)

18. ПОТАНЬКА.

Одна баба не благословясь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сядъ. А баба и вспомнила, што не благословясь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька всё тутъ. Свииньи перепехиваютъ ево съ мѣста на мѣсто, а вырвагца не мѣжотъ; да чрезъ трои суд(т)ки кое-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ «гдѣ былъ, Потанька?» — Да будь она проклятая баба! опару.

говорить, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришлогда и саялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насилу вырвался чрезъ трои судки: свиньи перепехиваютъ меня съ опариной, а я выбятца не могу; теперь въ жиз(н)ь мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару! — (Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

19. ПОЪЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Какой-то архимандритъ (в)сталъ къ заутринѣ; пришлогда умыватца видитъ въ рукомой(ни)кѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «пусти, отче! каюу хощь налоп(ж)ь службу — сослужу!» Архимандритъ говоритъ: «свозишь ли меня между обѣднѣй и заутриной въ Ерусалимъ?» — Свожу, отче, свожу! Архимандритъ ево выпустилъ а послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забралъ какъ то справки, — всѣ удивились, какъ онъ скоро мок(г)ь съѣздить въ Ерусалимъ; спросили ево, и онъ рассказалъ это. — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

а. Одиъ пустынникъ молился тридцать три года, и видитъ къ какому та царю ходятъ дьявола на обѣдъ, ѡвкуютъ, гайка-

ютъ (кричатъ, влчуть), пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ. Одинъ разъ Потанька хромою отсталъ отъ дьяволѣвъ; пустынный вышолъ да и спрашивать ево: «куда вы такъ ходите?» — Да ходишь вотъ къ такому-та царю на обѣдъ; у него все страпухи дѣлаютъ все не благословееь, намъ и ладно! Старикъ и думать, какъ-бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать каждой день. Онъ принявъ ѣства да на тарелкахъ взялъ и подписалъ, што дьявола къ нему ходять на обѣдъ каждой день. Царь увидалъ эту надпись, тотчасъ всехъ людей переименялъ и поставилъ къ страннымъ людей набожныхъ; за чеве они ни возмутца — все говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустынный дьяволѣвъ — впередъ шли веселы и радостны, а назадъ идуть заунывы и печальны, и спрашивать опеть Потаньку, што онъ не веселы? Тотъ только и сказалъ: «молчи жо! ужѣ мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видать послѣ того пустынный дьяволѣвъ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина пбожна. Онъ еѣ распросилъ: какъ, откуда? тѣ - други разговоры, стали вино попивать и напились, сговорились вѣнчатца; пошли, видать — все готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали — только надѣтъ. Пустынный и перекрестился; дьявола отступились, и онъ увидалъ нетлю; да послѣ того опеть тридцать три года молился, грѣхи замаливалъ! — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

—

ь. Былъ пустынный, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣси. Одинъ изъ нихъ хромою отетавалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынный остановилъ хромого и спросилъ: «куды вы, бѣси, бѣгаете?» Хромою сказалъ: «мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы

тамъ объдаете. Онъ принесъ солоницу. Пустынникъ сказалъ: «когда побъжишь опять къ царю объдать, забъги ко мнѣ взять назадъ солоницу». Между тѣмъ на солонкѣ написалъ: «ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣеи ѣдятъ!» Государь велѣлъ, чтобы на столѣ становили все благословясь. Послѣ того бѣсѣнки приближали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жжетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромого: «ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «я только одну солоницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромого за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромой въ отищеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «даив, говорятъ, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсѣнку, говоритъ: «нельзя ли и меня передѣлать на молодого?» — Изволь, отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустынника въ горно, тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «погляднись-ка теперь — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось (захотѣлось) ему жениться. Хромой предоставилъ ему невѣсту; оба они гладятся-не наглядятся другъ на друга, любятся-не влюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсѣнокъ и говоритъ пустыннику: «смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: какъ-же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Еслибъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной погибели. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

с. Жилъ-былъ святой пустынный, и вычиталъ онъ въ писаніи: всё, чего ни пожелаешь, и всё, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ. Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому стать, думалъ онъ; коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли-жъ царь и выдастъ её за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, хочу взять за себя царевну замужъ. А царь говоритъ: «коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустынный въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустынного и сталъ сказывать ему про свое могущество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ! «Одначе по-пробуй сюда влѣзть!» Чортъ съ дуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынный и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло; крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — Нѣтъ, не пущу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло! «Достану; право слово, достану; только пусти! Пустынный открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынный камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынный и говоритъ: «не надо! вишь, начиталъ я въ писаніи: что ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣлаетъ, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустынного: «вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынный съ чортомъ: «не влѣзшишь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ (свищъ)! Чортъ расхвасталса и влѣзъ. Вотъ пустынный давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой, пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — Выпущу, коли пропоешь ангельскіе гласы! «Не смѣю, говоритъ нечистой; меня разорвуть за это ваши!» — Одначе пропой! — Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынный на волю, самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молиться, а нечистой зацѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангелы, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ зацѣлъ онъ — такъ и поднался на небо. Богъ, значить, простилъ его за это пѣніе. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

21. ПУСТЫННИКЪ.

Было жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти проживалъ, всё не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и ввукы, и правнуки всѣ были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужикъ слылъ безсчастнымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло примался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, бѣзъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница, все до чиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ одна совпаде они вмѣстѣ, и отправились всѣ трое къ одному пустыннику. Старшкѣ захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прийдѣтъ, а безсчастному да пьяницѣ —

долго ли имъ горе мыкать? Пришли и рассказали всё, что съ ними сталося. Пустынникъ вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику ядти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ каждый свое увидитъ. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такіе славныя. а въ хоромахъ два поца; только подступился къ поцамъ, они ему и гуторятъ: «стунай, старичекъ, домой! какъ вернёшься — такъ и умрешь». Безсчастной увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался безсчастныи, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протанулъ, да позабылъ лобъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лагва, змѣи и всякая срамота! Воротився безсчастныи съ пьяницей къ пустыннику и рассказали ему, что видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному, тебѣ никой и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока ни станешь ты за дѣло приматься, благословясь и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ, уготована на томъ свѣтѣ мѹка вѣчная — за то, что уживаешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой, и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить. «позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говорятъ Смерть, чего прежде думалъ — не раздавалъ? Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талк(ит)ися во врата пречистаго рая. И прииде ко вратамъ рая Петръ апостоль и рече: «кто талкѣйся во врата пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ ес(м)ь бражникъ и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостоль «отыде отсюда, человекъ; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ ес(м)ь Петръ апостоль, который имѣю(еть) ключи сего царствія славы. «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего І(и)суса Христа іудей на судилище къ Каиаѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего І(и)суса назарянина?—а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяніе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоша* и бражникъ—по вси дни Божіе шилъ и за всякимъ концомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него.» Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнися о семъ человекѣ бражникѣ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и прииде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «кто талкѣйся у вратъ пречистаго рая?» И бысть гласъ къ нему. «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «отыде, человекъ, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготована мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ. «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ «азъ есмь царь и про-

рокъ, который съдѣи со Авраамомъ и Исаакомъ на лонѣ царствія сего, и состави псалтырь и пѣсни трюичныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «помяне ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голиафы (?), тогда ты слугу своего Урию на войну услалъ, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣянiе прiялъ? Аще бы не были твои слезы и покаянiе, и тебѣ не быти бы въ раю». Слыша сiе, царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ челоуѣцѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И прiвде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «кто талкiтися у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «отыде отсюда, челоуѣче; здѣсь бражники не подворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь вромечный съ прелюбодѣями вмѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ. «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангелiе(и), что любите другъ друга, а ты нынѣ мени ненавидишь и въ раю жити не подворешь; или отрекися отъ письма руки своея, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ челоуѣцѣ, и повелѣ апостолу Петру пустити его во царствiе небесное. — (Заимствована изъ рукописи XVШ-го столѣтiя.)

23. ЦАРЕВИЧЬ ЕВСТАФІИ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафiй; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбящъ, а любилъ ходить по улицамъ, да во-

даться съ нищими. людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій — просто расколоть кражъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замокъ. Сдѣлали слесаря три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и занеръ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафін: «что это за насмѣшку ты дѣлаешь?»—«Государь батюшка! говоритъ царевичъ; ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ?» Вотъ боаре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: «отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!» Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣя, лагушки и всякая срамота; посмотрѣла въ серебряной—и здѣсь тоже; открыли деревяной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листьемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградой. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафін. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Бысть во градѣ Оидуяиѣ царь, именовъ Аггей, славенъ зѣло. И по времена приключишася стояти ему въ церкви у божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе, огда іерей прочта строки евангельскія, ввемлетъ писано: «богати обнищаютъ, а нищии обогатѣютъ!» Слышавъ же то царь и възъярися, и рече царь: «писано ложно есть сіе писаніе евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь. «азъ есмь богагъ зѣло и славенъ. како мнѣ обнищати, а пищему обогатѣти противъ меня?» Егда-жъ оттольи (?) ужасте наполнися и повелѣ царь іерея посадити въ темищу, а листъ повелѣ възъ евангелія выдрать. И повде царь въ домъ свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха ¹⁾ и взя съ еобю юношовъ, и погна въ слѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку перешлы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «уплы елень за рѣку»—и поѣде ²⁾ съ юношамъ во градъ свой ко царицѣ. Царь же Аггей обратился въздъ на коня, и ни коня ни платія не обрѣтаетъ, и ста нагъ и весьма задумался.

¹⁾ Въ рукописи «царь же поѣдиша».

²⁾ Въ рук. прибавлено «царь».

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ пасуща воловъ и вопроша у нихъ: «братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли кона и плагіе мое?» Пастухи вопроша его: «кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «азъ есмь царь вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «окаянный человекъ! какъ ты смѣши называтися царемъ? мы же видѣли цара Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти(ью) юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбинуа его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торгсвые люди града того и вопрошаа его: «человѣче, что еси нагъ?» И онъ рече: «одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонившася имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: «скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣщаша ему. «или ты не нашей земли человекъ?» И сказа ему: «царь есть у васъ Аггей». Онъ вопроси: «сколько лѣтъ царствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ». Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на ню страхъ великъ; во страхъ томъ нача говорити: «како сей убогій ¹⁾ человекъ нарицаеть своею ми ²⁾ женою? аще сіе повѣдаеть царь, повелитъ казнити». И повелѣ бити его кнутомъ нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминавая евангельское слово что богатіи обнищаютъ, а

¹⁾ Въ рукоп. «убити».

²⁾ Въ рукоп. «нарицается ея ми»

нищій обогатѣють, и каяся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывати мимо тебѣ?» Царь же рече ей: «обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить» — отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь приде въ незнаемый градъ, нанялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣеть, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищій. Онъ же рече имъ «возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человекъ убогъ, работати не умѣю, а просити не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану трудатися» Они же помилше его съ собою и даша ему суму носити. Они же придоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: «увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вси пострадалъ за слово евангельское!..¹⁾». Заутра же возста нищій и поидоша ко граду своему Филуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыня просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити²⁾ довольно, и повелѣ взяти у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разошелся, и бояра и гости всѣ разошася, ангелъ³⁾ въ образѣ Аггея царя приде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. «Вѣдаеш ли

¹⁾ Въ рукоп. прибавлено: «а правда».

²⁾ Въ рукоп. вставлено здѣсь «велѣтъ».

³⁾ Въ рукоп. вмѣсто этого слова стоитъ: «царь».

ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впрядь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть ¹⁾. — (Изъ собранія В. И. Даля, которому легенда эта, заимствованная изъ старой рукописи, доставлена изъ шенкурскаго уѣзда, архангельской губерніи.)

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Одинъ старецъ просялъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умирають праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говоритъ: «ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умирають праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: «мы бы рады пустить тебя старичекъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услыхалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее на вѣки нерушимое благословеніе, и простился со всѣми. И въ ту же ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, заплъли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть, видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ

¹⁾ Въ другомъ спискѣ ангелъ спрашиваетъ царя Аггея, «правду ли въ церкви поють: богатые обнищаютъ и взалкають?». Царь говоритъ: «справедливъ зготъ стихъ; каждую службу велю его пѣть, лишь бы Господь меня простилъ». Ангелъ отдалъ ему царское платье, и исчезъ. Царь Аггей опять сѣлъ на царство, рассказалъ свое положедіе и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ богатые обнищаютъ и взалкають.

похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: «иди въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ грѣшника». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переиочевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову «Ой голова болить!.. ой смерть моя!...» закричалъ онъ и тутъ-же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

26. АНГЕЛЪ.

Родила баба двойни. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — Нѣтъ, Господи! «Чтожь такъ?» Ангелъ сказалъ «у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. — Вижу двухъ червячковъ. «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ

иладенцевъ!» И отнялъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живеть у него годъ и другой; разъ послалъ его попь куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ неё каменя, а самъ норовить, какъ-бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись всё ругать его; чуть-чуть ни прибавили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе; на церковь каменя швыряетъ, а на кабакъ молится! мало быють эдакихъ дураковъ!...» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нящаго и шу его ругать попрошайкою. Услыхалъ то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дуритъ, надъ святынею насмѣхается, надъ убогами ругается. Сталъ попь его допрашивать «зачѣмъ де ты на церковь каменя бросалъ, на кабакъ Богу молился?» Говоритъ ему батракъ: «не на церковь бросалъ я каменя, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смѣртной погубели». — А за что облаялъ убогаго? «Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да собираетъ милостину только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его цопрошайкою ¹⁾».

¹⁾ *Вариантъ*: Нанялся ангелъ у мужика три года работать; выработалъ три рубля, пошелъ на базаръ, купилъ кашачей и роздалъ нищимъ. Видитъ онь: вдутъ два мальтика и уналь лицомъ на-земь, а послѣ набралъ камней

Отжилъ батракъ свои три года. Пошъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи мена». Пошелъ пошъ провожать его. Вотъ шли они-шли, долго шли. И далъ Господь снова аягелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ пошъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

27. КУШОВА КРОВАТЬ.

Жили были мужикъ да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру видн. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ у итѣся колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертими водитѣси. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говоритъ окъ, пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей.» Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что возить у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукашъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ ¹⁾ сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана

и давай метать на избу. Вотъ стали его спрашивать: «скажи, человекъ, зачѣмъ ты лицомъ упалъ на-земь?» — А за тѣмъ, что ради этихъ мальчи ковъ Богъ отнялъ у меня ангельскія крылья. «А зачѣмъ металъ на избу камень?» — За тѣмъ, что хозяева на ту пору обѣдали, и я отгонялъ отъ нихъ дьявола.

¹⁾ Передъ — передній уголъ. почетное мѣсто въ избѣ (Опытъ обл. великор сговаря, стр. 155).

много на отдарье положиль казны, и говоритъ свату: «ну, сватушка! подарилъ я молодаго деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ далъ; коли хочешь, кумъ, — я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается. не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ нв били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стойтъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «тащите ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ свать и спрашиваетъ сатану: «какая это у васъ кумова кровать, что даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебн, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ, она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится.» Свать убоился, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана велѣлъ ему говорить: «куда, кумъ, торопиться? посиди, побесѣлуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!» — (Записана въ саратовской губерніи; изъ собранія В. И. Даля.)

28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

а. Жкла была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы;

вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоитъ недалече высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ; ужь давно стоитъ эта гора, никогда не видалъ на ней и малаго дыма, а теперича. вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору.» Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутан! — насилу взобрался на самой верхъ. Смотритъ — а тамъ стоитъ большой котелъ полонъ золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать — какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла — какъ послышались тѣ-же самыя слова. «Что такое? говоритъ онъ самъ себѣ, никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился парень домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «что съ тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается; сынъ не выдержалъ, и признался про все, что съ нимъ было. Старуха какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ-бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и приаумали онъ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Принесли вина и ну его подчивать, вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся

я сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя. съ матерью, сестрою и куною. Пьяному море по колѣна; а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ то сотворилъ. — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну что-же, сынокъ! говорить ему старуха, о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу.» Собрался парень, взошелъ на гору, смотритъ. золото стоитъ въ коилѣ нетронуто, такъ и блеститъ! «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть.» И слышался голосъ: «ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело воздохнулъ парень, горько заплакалъ, нѣ взявъ ни одной копейки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадется на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до-смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — табая малая, тѣсная, вся въ дѣрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «откуда ты, доброй человекъ, и чего ищешь?» Разбойникъ рассказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: «много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — Коли не наложу на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто. Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и рассказалъ

ему про все. «Хорошо, говоритъ скитникъ, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — Что знаешь, то и приказывай, хоть каменья грызть зубами — и то стану дѣлать! — Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттуда вода ртомъ и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она пуститъ она отростковъ и ни выростетъ отъ неё(я) яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ неё яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты трянешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на-земь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи» Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спастись по прежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, взлѣзъ на гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины. И дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, трясись теперь яблоню.» Тряхнулъ онъ дерево, и съ-разу осыпались всѣ до единого яблоки; въ ту-жь минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

Б. Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и надумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привѣзъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму

вывзала въ нее деньги, забросалъ землею, и сталъ заклинать: «достаньтесъ, мои деньги, тому, кто сотворить грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Заклялъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ; пригналъ скотину на село, и рассказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко подьстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ ея пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ... На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ... Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: «ступай, доставай кладъ!» — Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дастся! «Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ.» — Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела? яе хочу теперь съ вами жить, лучше пойду—куда глаза глядятъ! И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще приунылъ и подумалъ про себя: «стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынный его и спрашиваетъ: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Рассказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмо- лить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи:— тамъ живетъ пустынный старѣй меня вдвое; мо-

жетъ. онъ тебѣ и скажетъ...» Пошелъ странникъ дальше и дальше приходигъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончивъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ рассказалъ про все. «Если хочешь отмалить свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною.» Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свалика эту березу и разрубь ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они герѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою—ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасеть годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несѣтъ — только овцы всѣ остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человекъ ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человекъ ѣздить?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самый человекъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью

за ночь, тѣмъ веселѣе грѣсно пою! Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповаль. «Ахъ, что-же я надѣлалъ? говорить онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, я ужь другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и рассказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говорить: «это за тебѣ ширь умолялъ Бога!» — (Объ изъ собранія В. И. Дала.)

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и пошелъ во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрѣлъ по водѣ; только дошелъ до средины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души павихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подъ ноги суётъ!» Петруша услышалъ такія рѣчи и говоритъ: «здорово, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой. Богу молиться. «Какъ-же тебѣ не грѣшно идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь...» Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возъ-

чась — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говоритъ. «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ, а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово.» И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости, я тебя во-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша побываю. Дьяволъ рассказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу шель-шель, цѣлыхъ три дня шель, и пришелъ въ большои дѣсь, дремучий да темный — и неба не видать! А въ томъ дѣсу стоялъ богатой дворець. Вотъ онъ вошелъ во дворець и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ. «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша рассказалъ ей, какъ и зачѣмъ пошалъ въ этотъ дворець. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возятъ. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шель онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черги тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадыю, да и возятъ теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самый молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и првнялся угощать его всякими нажитками и наѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, я надѣлю тебя деньгами и славною лошадыю, живо до дому доѣдешь.» — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подарь ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возятъ

«Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри окозветъ!» — Все равно, подаря; кроме ея, другой не возьму! Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что достала лошадь?» — Достала. «Ну, доброй молодецъ, какъ прилѣшь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову» Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя жѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а на мѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу: старикъ атъ три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство, и до самаго пообѣдняго дня ни капли вина не пилъ. — (Изъ собранія В. И. Дала.)

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Создалъ имъ Господь дѣтище Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «пожалуй, говорить, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался за тѣмъ, что мужикъ-то былъ очевидно бѣденъ. По-

шелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню иско-
диль. никто къ нему не идетъ въ кумовья. Что дѣлать? по-
шелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ-дорогою, и
попадаетъ ему на встрѣчу незнакомый старецъ. «Здорово,
добрый человекъ! куда идешь, куда путь держишь?» — здо-
рово, дѣдушка! далъ мнѣ Господь дѣтище во радости на по-
смотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ
души, да вотъ прилучилось какое горе: человекъ я бѣдной,
никто и не идетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеную
вѣру. «Возьми меня.» Мужикъ несказанно тому обрадовался
и благодарствовалъ старикку. «Ну, говоритъ старецъ, ступай
теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крѣс(т)ииня
матери.» — Ахъ, нарѣченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти,
онъ мною побрезгаетъ. «Не твои печаль! ступай и проси. Да
смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово.» Бѣд-
ной мужикъ воротился домой, запрѣгъ лошадь и поѣхалъ въ
городъ къ богатому купцу. «Что надѣть?» спрашиваетъ ку-
пецъ. — Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь
дѣтище во радости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣше-
ніе, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти свою
дочь въ крѣс(т)ииня. «А когда у тебя крѣтны (крестницы)?»
— Завтра утромъ. «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она
пріѣдетъ »

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, и
окрестили младенца. Распрощались и пошли по своимъ мѣстамъ.
Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ
сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые
учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ.
всѣхъ переигралъ! Пришла свигаа недѣля. Отслушалъ маль-
чикъ заутреню и равнюю обѣдню, сходилъ къ крѣс(т)ной
матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ
«батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крѣс(т)ной, я бы къ

нему пошелъ, похристосовался?» — Любезный сынъ, говорятъ они, мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слышали. «Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крѣс(т)наго» И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здравствуй! говоритъ старецъ, куда идешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! -иду искать крѣс(т)наго. «Я твой крѣс(т)ной, говоритъ старикъ; пойдешь со мною.» А старикъ-то былъ самъ Господь, и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: «смотри, крестникъ! по всѣмъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь». Сказавъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всѣмъ палатамъ и вздумалъ себѣ, отъ чего такъ не велѣлъ мнѣ крѣс(т)ной входить въ эту комнату? дай пойду, посмотрю — что тамъ такое? Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ человекъ; жалко ему стало того человекъ, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говоритъ, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человекъ, а ты его грѣхи теперь на себя сваялъ; ступай же на землю и трудись, пока грѣховъ своихъ ни замолишь!» Указавъ ему Господь дорогу: «иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри-же не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — на вѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шелъ-шелъ, и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужъ до середины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть не въ могоу. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ

въ воду и видитъ, что на головѣ у него волосы стали серебряные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до средины, и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и непилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ поочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустился дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; взмарался весь грязью и замѣшался межъ поленщиками. Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поленщиковъ; одного его не берётъ на работу. «Чтожь ты меня не возьмешь?» — Да ты кто? «Я — Иванъ Шолудивый, садовникъ.» — Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо. И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поленщикамъ работу, остался одинъ Иванъ Шолудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ той яблоня и говоритъ: «вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивый взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, разцвѣла и принесла такіа-же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — вздввовался; къ вечеру рассчиталъ онъ всѣхъ поленщиковъ а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «живи, братъ, у меня, ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивый у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводитъ, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и на яву — все его видитъ.

Вотъ собрались царевны, пришли къ своему родителю и нали въ ноги «не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь

говорить». — Говорите, любезныя дочери! «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ лѣтахъ, пора намъ выйти замужъ.» — Ладно, говорятъ царь и рязослалъ по всѣмъ царствамъ, по всѣмъ государствамъ, чтобы со всѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ ¹⁾. Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха». Выбрала большая царица, послѣ того пошла середняя царица — и та выбрала себѣ жениха «Ну, выбирай ты!» говоритъ царь меньшей царицѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «кто агу чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и подчуетъ: «ну, нарѣченный супругъ, кушай на здравіе!» У цари ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшею: твой же мужъ какъ есть дуракъ! — Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царица, вить не вамъ съ дуракомъ жить!

Жили они долго ли, коротко ли; напалъ на то царство сильный непріятель. Собрались старшіе зятья и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивый вышелъ въ чистое поле, свистнулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «эй ты, синкибурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Откуда нѣ взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанный. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по круглымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налево. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царица, взяла платокъ и перевязала ему руку.

¹⁾ Вар «пошелъ пиръ горою»

Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивый и перебилъ до чиста все войско неприятельское; воротился въ царской садъ, легъ и заснулъ крепкимъ сномъ. Увидала его царица и спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ да такой страшной — черной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой!» подумалъ онъ, «дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ.» Вотъ и навалъ малара, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и приметса за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, приналса за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Придетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходитъ онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту придетъ, и плюнетъ въ глаза. Прошли

цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то полотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; не въ ногу стало. «Полю, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю.»

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здраствуй, дядя!»—Здорово. «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хотъ уголья таскать, да мѣха раздувать.» Кузнецъ тому и радъ: «отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй...» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ не идетъ въ кузницу — наѣдется на работника: онъ всѣмъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ—ѣдетъ мимо старая барыня, высунулъ голову изъ дверей и давай кричать: «эй, господа! вы пожалуйста сюда; здѣсь новая работа открывається, старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да съужьешь ли?» спрашиваетъ парня. — Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коли-бъ не ужѣлъ, такъ и не вызывалса бы. «А что стоить?» спрашиваетъ барыня. — Да всего пятьсотъ рублей. «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую.» Нечистойъ взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «ступай, говоритъ, притащи сюда два ушата молока»; а самоё барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дочиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, собралъ все косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Създа она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаеть своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, а и молода, и стѣтна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекують въ молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ его. спрашивалъ-спрашивалъ — нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Привѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодого».—Въ ушѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого? «Ну, тамъ какъ знаешь!»—Я ничего не знаю. «Врѣшь, мошенникъ! коли передѣлала мою старуху, передѣлывайте и меня, а то мнѣ життя отъ нея не будетъ...» — Да я твоей барыни и въ глаза-то не видалъ. «Все равно твой работникъ видѣлъ. Если онъ сѣумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ ушѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу. попробуешь у меня березовой бани.» Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Распросилъ потихоньку у кучера, какъ и что сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану тоже дѣлать, попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай поддувать жѣхами; сжегъ всего въ пепель. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ — скоро ли выскочить оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня идетъ яословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; по-

минайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ей мужа, а молодышъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано-сдѣлаю. Побѣжали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ. «куда ведутъ тебя, хозяинъ?»—Хотятъ повѣсить, отвѣчалъ кузнецъ, и рассказалъ все, что съ нимъ сталося. «Ну, дѣда! молвилъ вечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую-же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и барыня сейчасъ будетъ и живъ, и молодъ.» Кузнецъ забожился, заклаяся, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую почестъ. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу, и наскоро воротился оттуда ниѣсть съ баринномъ «стой, кричитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ шлепать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, а теперь еще живутъ, коли не умерли. — (Изъ собранія В. И. Дали)

32. ВОЛКЪ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идуть они дорогою, идуть широкою; понадаетси на встрѣчу волкъ и говоритъ: «Господи! мнѣ всегъ хочется!»—Поди сказалъ ему Христосъ, съѣшь кобылу. Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее подходвтъ и го-

ворить: «нобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ (паспортъ), только далеко забить». — Ну, покажи! «Подойдя поближе къ заднимъ ногамъ.» Волкъ подошелъ; она какъ тресветъ его по зубамъ задними копытами, ажно (такъ что) волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — Ступай, съѣшь барана. Волкъ побѣжалъ къ барану; прибѣжалъ и говоритъ: «баранъ! а тебя съѣшь, Господь приказалъ». — Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжвтся съ горы, да какъ ударить его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядитъ на все стороны: нѣтъ барана!

Опять отправился съ жалобой: приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсемъ не убилъ!» — Поди, сказалъ Христосъ; съѣшь портнаго. Побѣжалъ волкъ; попадаетса ему на встрѣчу портной. «Портной! а тебя съѣшь, Господь приказалъ.» — Погоди, дай хоть съ родными проститься. «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься.» — Ну, что дѣлать! такъ в бытъ, стѣшь. Дай только и тебя смѣрю: влѣзу ли еще въ тебя-то? «Смѣрай!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, занялъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утѣжать (бить). Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжить что есть силы, а на встрѣчу ему семь волковъ. «Шстой! говорятъ; что ты, сѣрой, безъ хвоста?» — Портной оторвалъ. «Гдѣ портной?» — Вонъ идетъ по дорогѣ. «Давай на-

гонать его», и пустился за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видитъ—что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «станемъ, братцы, доставать портнаго, ты, кургузой (безхвостый), ложись подъ-исподъ, а мы яа тебя, да другъ на дружку устанимся.—авось достанемъ!» Кургузой лёгъ на-земь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другаго третій, все выше и выше; ужь послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достанутъ! и закричалъ сверху: «ну, ужь никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочитъ изъ-подъ низу да бѣжать! Всѣ семеро волковъ попадали на землю, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летитъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.—(Изъ собранія В. И. Даля.)

33. ПЪТУХЪ И ЖОРНОВКИ¹⁾).

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха заприштѣла и говорить: «старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ растетъ выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудами ѣздить, стзнемъ въ набѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ: дерево все растетъ да растетъ, и доросло до

¹⁾ Ручная мельница.

самаго неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо ¹⁾. Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-ать долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы, и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «какъ намъ старуха быть, что намъ ѣсть?»—Постой, молвила старуха, я попробую жорновцы. Взяла жорновцы и стала молотъ: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ей повернетъ—все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолола: напалали блинки да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы».—Нѣтъ, говоритъ старушка, продать нельзя. Онъ взялъ да и украдъ у ней жорновцы. Какъ увидали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать «Посгой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ; я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услышалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «эй малой! возьми-брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду»—и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ, усѣлся на балконъ и опять кричитъ:

²⁾ *Вариантъ:* Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Разъ ѣли они горохъ, и уронили подъ полъ одну горошину. Стала она расти, росла росла, и выросла до самаго потолка. Дѣдъ разобралъ и крышу, и потолокъ; а горошина взяла расти до самаго неба. Полѣзъ дѣдъ на небо....

«кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые; голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь—прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду»—и задилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ. влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричить: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости слышали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ, кочетокъ—золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.—(Записана издателемъ въ воронежскомъ уѣздѣ.)

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Въ изданіи Вольфа «Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde» (т. I, вып. I, стр 41—42) напечатана совершенно сходная съ записанною мною легенда: «Wie Petrus dreschen sollte», но съ слѣдующимъ характеристическимъ дополненіемъ въ началѣ. Однажды Христосъ съ апостоломъ Петромъ, странствуя по землѣ, пришли поздно вечеромъ къ крестьянину и попросились у него переночевать. Мужикъ пустилъ ихъ, но съ условіемъ чтобы утромъ слѣдующаго дня пособили ему молотить. Рано проснулся онъ и велѣлъ будить странниковъ и звать на работу. «Petrus wollte hinabsteigen aber der herr hiess ihn ruhig liegen bleiben. Da währte dem bauern die sache zu lang, er stieg mit einem stock die leiter hinauf und schlug herzhaft auf den Petrus los, welcher vorn lag. Doch als er wieder unten war, hatte er gut warten und rufen, die fremden kamen nicht. Petrus dachte indessen: «wenn er wieder kommt soll er mich nicht mehr vorn finden» und verkroch sich hinter den herrn, der bauer aber kam zum zweitemale mit dem stock, sprach: «der vorn liegt, hat sein theil, er muss hartschlägig sein, nun gehts an den andern» — und gab dem armen Petrus ein zweites frühstück, noch kräftiger als das erste » Слѣдуетъ чудесная молотьба огнемъ, какъ и въ русской легендѣ. Когда таинственные странники распростлались съ хозяиномъ и отправились въ свой путь, апостоль Петръ сталъ жадоваться на жестокосердіе крестьянина, «оборотись!» сказалъ ему

Господь. Въ то время они изшли на холмъ; апостолъ взглянулъ назадъ: весь дворъ и изба крестьянина стояли въ пламени. (См. еще *Zeitschrift für Deutsche Mythologie*, т. I, вып. 4, стр. 471—2; т. II, вып. 1, стр. 13—16; т. IV, вып. 1, стр. 50—54.) Подобный рассказъ можно слышать и у насъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ. Приводимъ здѣсь вариантъ, записанный П. И. Якушкинымъ въ орловскомъ уѣздѣ:

Въ одну зимнюю ненастную ночь шелъ по дорогѣ Иванъ Милостивой съ двѣнадцатью апостолами. Въ полѣ вочевать было холодно; они и постучались къ одному мужику: «пусти обогрѣться!» Мужикъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ, да потомъ согласился и пустилъ съ условіемъ, чтобы завтра чутъ свѣтъ обмолотили ему три копны ржи. На утро хозяинъ толкнулъ Ивана Милостиваго, а онъ вмѣстѣ съ апостолами лежалъ на полу: «пора молотить, собирайтесь!» Толкнулъ и пошелъ на дворъ. Вотъ апостолы поднялись было и хотѣли идти на гумно; да Иванъ Милостивой уговорилъ ихъ еще немного поспать. Мужикъ ждалъ-ждалъ, нѣтъ помощниковъ! Взялъ кнутъ, пошелъ въ избу и давай стегать крайняго, а крайній-то былъ Иванъ Милостивой. «Полно! закричалъ Иванъ Милостивой, въ слѣдъ за тобой иду.» Мужикъ ушелъ. Апостолы опять было поднялись; но Иванъ Милостивой снова уговорилъ ихъ остаться и еще хотъ немного отдохнуть. «Будетъ съ него! молвилъ онъ, отстегалъ кнутомъ, теперь больше не прійдетъ.» А у самого на умѣ. «какъ прійдетъ мужикъ, опять примется за крайняго!» и залѣзъ на самой задъ. Мужикъ ждалъ-ждалъ, воротился въ избу съ кнутомъ и думаетъ самъ съ собою: «за что-жъ я буду бить одного крайняго? сечь ка примусь за задняго!» — и принялся за Ивана Милостиваго. Только ушелъ мужикъ, Иванъ Милостивой и въ третій разъ уговорилъ апостоловъ не вставать на работу, а самъ залѣзъ въ середину. Вотъ хозяинъ ждалъ-ждалъ, не дождался,

и снова пошелъ въ избу съ кнутомъ. пришелъ и думаетъ. «крайнему ужъ досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за середняго!» И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего дѣлать, поднялся онъ и самъ началъ просить апостоловъ чтобъ шли помогать мужику.

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

Въ этой легендѣ замѣчательно представленіе будущей жизни, предназначенной для добродѣтельныхъ и злыхъ. (См. также легенду «Пустынникъ» подъ № 21.) Первыхъ ожидаетъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ пролетитъ, какъ единая минута. Тоже представленіе встрѣчаемъ и въ другихъ народныхъ сказаніяхъ (смотри варианты къ легендѣ «Христовъ братецъ»). Валахская легенда (*Walachische Märgchen*, № 2) рассказываетъ о дѣвочкѣ, которую взяла съ собою Св. Дѣва. «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ ее однажды Св. Дѣва — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчаетъ дѣвочка. «Не одинъ день, а цѣлый годъ пробыла ты!» Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва «гдѣ ты была?» — Я пробыла одинъ часъ въ раю. «Не часъ, а три человѣческихъ жизни» Въ третій разъ спрашиваетъ Св. Дѣва, и на отвѣтъ дѣвочки «я на мгновенье побывала на небѣ» — замѣчаетъ: «ошибаешься дитя! не мгновенье, а полвѣчности пробыла ты въ жилищѣ блаженныхъ». (Сличи съ рассказомъ напечатаннымъ въ Сербск. народ. приповиѣтк., № 17, стр. 113—4) На одной лубочной картинѣ изображено сказаніе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобъ даровалъ ему извѣдагъ сладость блаженства праведныхъ; Богъ услышалъ его молитву разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички; слушалъ, слушалъ, и триста

лѣтъ пронеслись для него. какъ три часа. У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустышникѣ, который заслушался въ лѣсу соловья впалъ въ сладкое забытѣе на цѣлыи столѣтъ, и когда очнулся — все для него было ново и незнакомо.

Въ легендѣ о бѣдной вдовѣ разсказывается чудо, какъ Господь одною малою краюшкою хлѣба накормилъ двѣнадцать апостоловъ, и еще ломти остались. Для сравненія съ этимъ сказаніемъ приводимъ слѣдующее любопытное мѣсто изъ легенды. *Christus in der Bauershütte* записанной въ Буковинѣ Христосъ посѣтилъ хижину крестьянина. Здѣсь встрѣтила его совершенная нищета. Маленькія дѣти съ плачемъ просили у матери хлѣба, но у бѣдной женщины не было ни крошки. Въ горѣ она развела на очагѣ огонь, принесла со двора кусокъ коровьяго навозу (*kuhmist*) и посадила его въ печь, чтобы хоть этимъ утолить дѣтскій голодъ. Черезъ полчаса вынула она свою страию, но какъ взумилась, когда увидѣла что коровій навозъ превратился въ прекрасный питательный хлѣбъ! Стала крестьянка одѣлать своихъ дѣтей, — и совершилось другое чудо: какъ много ни отламывала она отъ хлѣба, всякой разъ столько-же вновь его выросло. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что гостемъ онъ былъ самъ Господь; она пала къ стопамъ Спасителя и пролила благодарныя слезы (*Zeitschrift für Deutsche Mythologie etc.*, т. I, выш. 4 стр. 472).

4. ИСЦѢЛЕНІЕ. — 5. ПОПЪ-ЗАВИДУЩІЕ ГЛАЗА.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля находятсѣ еще слѣдующій списокъ этой интересной легенды

Жиль-быль попъ; приходъ у него былъ большой и богатой, набралъ онъ много денегъ и понесъ прятать въ церковь; при

шелъ туда, поднялъ половицу и спряталъ. Только понамарь и подсмотри это, вынулъ потихоньку поповскія деньги и забралъ себѣ всѣ до единой копѣйки. Прошло съ недѣлю; захотѣлось попу посмотрѣть на свое добро; пошелъ въ церковь, приподнял половицу, глядь — а денегъ-то нѣту! Ударился пошъ въ большую печаль; съ горя и домой не воротился, а пустился странствовать по бѣлу свѣту — куды глаза глядятъ.

Вотъ шелъ онъ, шелъ, и повстрѣчалъ Никола-угодника; въ то время еще святые отцы по землѣ ходили и всякія болѣзни иецѣляли. «Здра(в)ствуй, старче!» говоритъ пошъ. — Здраствуй! куда Богъ несетъ? «Иду, куды глаза глядятъ!» — Пойдемъ вмѣстѣ. «А ты кто таковъ?» — Я Божій странникъ. «Ну, пойдемъ.» Пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ; идутъ день, идутъ и другой; все пріѣли, что у нихъ было. Оставалась у Николы-угодника одна просвирка, пошъ утащилъ ее ночью и съѣлъ ¹⁾. «Нѣ взялъ ли ты мою просвирку?» спрашиваетъ поутру Никола угодникъ у попа; «нѣтъ, говоритъ; я ее и въ глаза не видалъ!» — Ой взялъ! признайся, братъ. Пошъ заялся-забожился, что не бралъ просвиры.

«Пойдемъ теперь въ эту сторону, сказалъ Никола-угодникъ; тамъ есть баринъ, три года бѣснуется, и никто не можетъ его вылѣчить; возьмемся-ка мы лѣчить.» — Что я за лѣкаръ! отвѣчаетъ пошъ, я этого дѣла не знаю. «Ничего, я знаю; ты ступай за мной, что я буду говорить — то и ты говори.» Вотъ пришли они къ барину. «Что вы за люди?» спрашиваютъ ихъ. — Мы знахари, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. — Мы знахари, повторяетъ за нимъ пошъ. «Умѣете

¹⁾ *Вариантъ.* Пошли вмѣстѣ. У Николы-угодника былъ мѣшокъ съ лепешками. «Дай я понесу», вызвался пошъ. — Возьми, неси! Ночью пошъ пріѣлъ всѣ лепешки, а въ мѣшкѣ дыру прорвалъ. Утромъ на другой день говорятъ Никола. «давай позавтракаемъ». — Да чего завтракать-та? «А лепешки гдѣ?» — Вишь дыра въ мѣшкѣ, всѣ по дорогѣ рассыпались.

лѣчить?» — Умѣемъ, говоритъ Никола-угодникъ. — Умѣемъ, повторяетъ попъ. «Ну, лѣчите барина.» Никола-угодникъ приказалъ истопить баню и привести туда барина. Сейчас истопили баню, и привели туда больного. Говоритъ Никола-угодникъ попу: «руби ему правую руку» — На что рубить? «Не твое дѣло! руби прочь.» Попъ отрубилъ барину правую руку «Руби теперь лѣвую ногу.» Попъ отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Попъ положилъ въ котель и давай мѣшать. Тѣмъ временемъ посылаетъ барыня своего слугу: «пои, посмотри, что тамъ надъ барининомъ дѣется?» Слуга сбѣгалъ въ баню, посмотрѣлъ и докладываетъ, что знахари разрубили барина на части и варятъ его въ котлѣ. Тутъ барыня крѣпко осерчала, приказала поставить висѣлицу и долго не мѣшкая повѣсить обонхъ знахарей. Поставили висѣлицу и повели ихъ вѣшать. Испугался попъ, божится, что онъ никогда не бывалъ знахаремъ и за лѣченье не брался, а виноватъ во всемъ одинъ его товарищъ. «Кто васъ разберетъ! вы вмѣстѣ лѣчили.» — Послушай, говоритъ попу Никола-угодникъ; послѣдній часъ твой приходитъ, скажи передъ смертью: вѣдь ты украдъ у меня просвиру? «Нѣтъ, увѣряетъ попъ, я ее не бралъ.» — Такъ-таки и не бралъ? «Ей Богу, не бралъ!» — Пусть будетъ по твоему. Пойдите, говоритъ слугамъ; вонъ идетъ вашъ баринъ. Слуги оглянулись, и видятъ: точно идетъ баринъ, и совершенно-здоровой ¹⁾). Барыня тому обрадовалась, наградила лѣкарей деньгами и отпустила на всѣ на четыре стороны

Вотъ они шли-шли, и очутились въ другомъ государствѣ; видятъ — по всей странѣ печаль великая, и узнаютъ, что у

¹⁾ *Вариантъ:* Взялъ Никола-угодникъ, разсѣкъ больного на мелкія части, вымылъ ихъ въ теплой водѣ, сложилъ опять вмѣстѣ, дунулъ и сказалъ «встань во имя Господне!». Больной всталъ здоровымъ и нередимымъ. Странниковъ наградили, и пошли они дальше

тамошняго царя дочь бѣснуется. «Пойдемъ царевну лѣчить». говоритъ попь. — Нѣтъ, братъ, царевны не вылѣчишь. «Ничего, я стану лѣчить, а ты ступай за мной, что я буду говорить — то и ты говори.» Пришли во дворець. «Что вы за люди?» спрашиваетъ стража. — Мы знахари, говоритъ попь; хотимъ царевну лѣчить. Доложили царю; царь по́звалъ ихъ передъ себя и спрашиваетъ: «точно ли вы знахари?» — Точно знахари, отвѣчаетъ попь. — Знахари, повторяетъ за нимъ Никола-угодникъ. «И берѣтесъ царевну вылѣчить?» — Берѣмся, отвѣчаегъ попь — Берѣмся, повторяетъ Никола-угодникъ. «Ну, лѣчите.» Заставилъ попь истопить баню и привести туда царевну. Какъ сказалъ онъ, такъ и сдѣлали. привели царевну въ баню «Руби, старикъ, ей правую руку», говоритъ попь. Никола-угодникъ отрубилъ царевнѣ правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Положилъ въ котель и принялся мѣшать. Посылаетъ царь узнать, что сталося съ царевною. Какъ доложили ему, что сталося съ царевною, гнѣвъ и страшень сдѣлался царь, въ ту-жь минуту приказалъ поставить висѣлицу и повѣсить обонхъ знахарей. Повели ихъ на висѣлицу. «Смотри-же, говоритъ попу Никола угодникъ, теиерь ты былъ лѣкаремъ, ты одинъ и отвѣчай.» — Какой я лѣкаръ! и сталъ сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старикъ всему злу затѣйщикъ, а онъ не причастенъ. «Что ихъ разбирать! сказалъ царь, вѣшайте обонхъ.» Взялся за попа за перваго; вотъ ужъ петлю готовятъ. «Послушай, говоритъ Никола-угодникъ, скажи передъ смертію: вѣдь ты укралъ просвиру?» — Нѣтъ, ей Богу, не бралъ! «Признайся, упрашиваетъ; коли признаешься — сейчасъ царевна встанетъ здоровою, и тебѣ ничего не будетъ.» — Ну, право-же, не бралъ! Ужь надѣли на попа петлю и хотятъ подымать; «постояйте, говоритъ Никола-угодникъ, вонъ ваша

царевна». Смотрятъ — идетъ она совсѣмъ здоровая, какъ ни въ чемъ не бывала. Царь велѣлъ награждать знахарей изъ своей казны и отпустить съ миромъ. Стали одѣвать вѣхъ казною; попъ набѣлъ себѣ полные карманы, а Никола-угодникъ взялъ одну горсточку.

Вотъ пошли они въ путь-дорогу; шли шли, и остановились отдыхать. «Вынимай свои деньги говоритъ Никола угодникъ, посмотримъ, у кого больше.» Сказалъ и высыпалъ свою горсть, а началъ высыпать и попъ свои деньги. Только у Николы-угодника куча все растетъ да растетъ, все растетъ да растетъ; а попова куча ни мало не прибавляется. Видитъ попъ, что у него меньше денегъ, и говоритъ «давай дѣлиться». — Давай! отвѣчаетъ Никола-угодникъ, и раздѣлялъ деньги на три части. «эта часть пусть будетъ моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру укралъ.» — Да вѣдь просвиру-то я укралъ, говоритъ попъ. «Эка какой ты жадной! два раза вѣшать хотѣли — и то не покаялся, а теперь за деньги признался! Не хочу съ тобой странствовать, возьми свое добро и ступай одинъ, куда знаешь.»

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эта самая легенда рассказываетя съ тою отмѣною, что вмѣсто Николы-угодника странствуетъ съ попомъ самъ Господь въ образѣ старца

Въ изданіи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 81. «Bruder Lustig»; ч. III, стр. 129—131) подобная же легенда рассказываетъ о странствованіи апостола Петра вмѣстѣ съ солдатомъ. Св. Петръ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ королевну когда привели его къ одру усопшей, онъ приказалъ принести котелъ воды и выслалъ изъ комнаты всѣхъ домашнихъ. Тогда рознялъ онъ всѣ члены умершей на составныя части, побросалъ ихъ въ воду, развелъ подъ котломъ огонь, и сталъ варить, пока все мясо ни отдѣлилось отъ костей. Затѣмъ бѣлыя кости были вынуты на столъ; апостолъ

сложилъ ихъ вмѣстѣ въ томъ порядкѣ, какой назначенъ самою природою, и трижды сказалъ. «возстань во имя всемогущей Троицы!» Королевна возсталъ живою, здоровою и прекрасною.

Какъ въ русской легендѣ попъ не признается, что съѣлъ просвиру, такъ въ нѣмецкой — солдатъ, что съѣлъ сердце жаренаго ягненка.

Смотри примѣчаніе къ легендѣ подъ № 30 и сличи съ легендою, напечатанною въ сборникѣ: «Westslawischer Märchenschatz», стр 88—89

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Варианты изъ собранія В. И. Даля. а) Былъ жилъ нѣкій царь, ко всѣмъ ласковый. къ нищимъ милостивый. Разъ на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія послалъ онъ своего слугу на перекрестокъ: «кто нв пройдетъ — всякаго проси со мной разговѣться» Долго стоялъ слуга на перекресткѣ. не проходило ни одного странника; подождалъ еще немного и видитъ тащится нищій — весь въ гнойныхъ ранахъ. Взялъ его съ собою и привелъ во дворецъ. Нищій поздравилъ царя и царицу съ праздникомъ. похристосовался съ нвми, и подошелъ было къ царской матери, да она не захотѣла съ нимъ христосоваться, отвернулась и давай корить царя: «чтобъ тебѣ съ нимъ подавиться! нашелъ съ кѣмъ разгавливаться... и ѣда-то на умъ не пойдетъ!» — Кушай одна, матушка! коли съ нами не хочешь сказалъ царь и усадилъ нишаго за столъ; и самъ съѣлъ съ царицею и всѣ слуги съли. и разговѣлся вмѣстѣ. После ѣды уложилъ царь нишаго на своей постелѣ отдохнуть немножко. А тамъ пришло время, сталъ нищій прощаться и зоветъ царя къ себѣ въ гости: «я де за тобой коня пришлю». Царь далъ ему свое царское слово.

На другомъ день откуда ни возьмись славной конь. прѣбѣжалъ къ самому дворцу. ударилъ въ ворота копытами — ворота растворилися. подошелъ къ крыльцу и сталъ, какъ вкопанный. Царь сѣлъ на него и поѣхалъ куда конь повѣзъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою незнаемою и видитъ: бѣгаетъ человекъ за пичужкою и никакъ не можетъ поймать ее. «Царь, говоритъ ему тотъ человекъ, ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» ѣдетъ царь все дальше и дальше; вотъ стоитъ въ полѣ изба, а въ избѣ бѣгаетъ человекъ изъ угла въ уголъ и кричитъ «охъ, тѣсно! охъ, тѣсно!» — Сядь на лавку, говоритъ ему царь, и не будетъ тѣсно. «Не могу; пѣдой вѣкъ такъ бѣгаю. Ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго долго-ль мнѣ мучиться?» Подъѣзжаетъ царь къ синему морю; стоитъ въ водѣ человекъ по самыя уста и кричитъ «охъ, пить хочу! охъ, пить хочу!» — Что кричишь? спрашиваетъ царь; раскрой уста — вода сама побѣжитъ въ ротъ. «Нѣтъ, отвѣчаетъ, вода мнѣ не дастся. она прочь побѣжитъ. Ты вотъ ѣдешь до Господа Бога; помани ему про меня грѣшнаго.» ¹⁾

Переѣхалъ царь море — и встрѣчаетъ его тотъ самый нищій, что съ нимъ разгавливался; «милости просимъ въ родительской домъ!» говоритъ царю, и повелъ его въ золотой дворецъ, изъ золотого дворца въ сады райскіе. Привелъ въ одинъ садъ; «вотъ здѣсь, говоритъ, тебѣ мѣсто уготовано — за то что странныхъ принимаешь, алчущихъ питаешь и жаждущихъ напо-

¹⁾ *Вариантъ*: ѣдетъ царь и видитъ: двое изъ колодца въ колодець воду переливаютъ. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему: ты ѣдешь къ Богу, помолися о насъ грѣшныхъ: скоро-ль будетъ намъ прощенье?» ѣдетъ онъ дальше и дальше и видитъ: двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощенье?» ѣдетъ онъ все дальше и дальше: стоятъ двое голые и подпираютъ стѣну. «Ахъ, царь-государь! помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощенье?»

зешь». Привелъ въ другой садъ; «вотъ зѣбъ твоей царицѣ уготовано мѣсто — за то, что тебя на истинный путь наставляетъ и нищую братью не покидаетъ». Привелъ къ третьему мѣсту, гдѣ смола кипитъ и червь шипитъ, «а здѣсь, говоритъ уготовано мѣсто твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палецъ». Царь всунулъ палецъ въ кипучую смолу — и онъ въ тожъ мгновеніе отпалъ отъ руки. «Вотъ твой палецъ, возьми его съ собою, и ступай съ миромъ домой.» Тутъ царь припомнилъ и разсказалъ все, что видѣлъ по дорогѣ. Отвѣчалъ ему Господь: «видѣлъ ты, какъ гоняетъ человекъ за ничужкою — то гоняетъ онъ за своимъ грѣхомъ, другой бѣгаетъ изъ угла въ уголъ — за то, что не обогрѣвалъ и не поконялъ странниковъ, и чрезъ него многие зимой померзали; третій стоитъ въ водѣ по самыя уста, а напиться не можетъ — за то, что самъ не поилъ жаждущихъ»¹⁾).

Воротился царь домой, и показалось ему, что былъ онъ въ раю всего три часа, а пробылъ тамъ не три часа, а три года. Разсказавъ онъ обо всемъ царицѣ и матери, вынулъ свой отвалившійся палецъ, и только приставилъ его къ прежнему мѣсту — какъ онъ тотчасъ приросъ, будто вѣкъ не отпадалъ. Тутъ мать покачалась: «сынъ мой возлюбленный! прости меня грѣшную; твое похождение дороже моего рожденія». — (Записана въ саратовской губерніи.)

б) Былъ жилъ купецъ съ кунчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невѣсту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говоритъ молодая мужу. Отъ свадьбы нашей осталось

¹⁾ *Вариантъ:* Отвѣчалъ Господь: «это мучатся грѣшники, и не оудеть имъ прощенія. Что изъ колодца въ колодець воду переливаютъ — то многи торговали да народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребаютъ — то рогатники, сребролюбцы; что стоятъ голые, стѣну собой подпираютъ — то клеветники, лбедники».

много напеченаго и наваренаго, прикажи все это скласть на возъ и развезти по бѣднымъ пусть бушають за наше здорье.» Купеческой сынъ сейчасъ позвалъ прикащика, и все, что отъ пира осталось, велѣлъ раздать ищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху «эдакъ, пожалуй, раздадутъ все ищимъ!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ съ своей женою, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набтели на хижину — стоитъ пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ къ концу. «Жена! говоритъ купеческой сынъ; я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться.» — Ступай! говоритъ жена. Долго ходилъ онъ по лѣсу, не видалъ не одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидалъ — лежитъ человеческая голова, вся въ червахъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесть къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголъ подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтали они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говоритъ: Христось воскресе! Жена отвѣчаетъ: воистинну воскресе! И голова отвѣчаетъ: воистинну воскресе! Говорить онъ и въ другой, и въ третій разъ: Христось воскресе! — и отвѣчаетъ ему голова. воистинну воскресе! Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ оборотилась голова съдымъ старцемъ. И говоритъ ему старецъ «будь ты моимъ меньшимъ братомъ; прїѣзжай ко мнѣ завтра, я пришлою за тобой крылатаго коня» Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хижинной крылатый конь. «Это братъ за мной прислалъ», говоритъ купеческой сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Прїѣхалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всѣмъ садашъ, сказалъ онъ.

ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана.» Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «дай посмотрю, что тамъ такое?» Отворилъ дверь и вошелъ; смотритъ — стоятъ два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттуздъ выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать; но сколько ни силлся, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котелъ, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силлся, ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь назвалъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его, и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческой сынъ, а жена и говоритъ ему: «что такъ долго гостилъ у брата?» — Кабъ долго! всего одинъ сутки пробылъ. «Не одинъ сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братіи.

—

с) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ—добрый да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шелъ-шелъ, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичекъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ. «кто ты таковъ и куда путь держишь?» — Крестьянской сынъ, иду на богомолье. «Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться.» Стали онъ рядомъ передъ святою иконою и долго долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говоритъ: «давай теперь побратаемся.» Побратались они, распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ невѣсту и велитъ подъ вѣнецъ идти. «Батюшка, говоритъ крестьянской сынъ, позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить, я жениться не хочу.» Отецъ и слышать того не хочетъ. «ступай, да и ступай подъ вѣнецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ, и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника гдѣ же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди? — Этого я не запомню, говоритъ священникъ. «Гдѣ же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: «это ужь давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ распросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился, а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ првчетникэмъ обѣдню служить: «это, говоритъ, меньшей братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умяляться; окончилась обѣдня — и его не стало. — (Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ тверской губерніи.)

—

Въ приведенныхъ нами легендахъ особенно любопытны указанія на тѣ мученія, которыя ожидаютъ грѣшниковъ за гробомъ. Эти народныя повѣрья запечатлѣны отчасти тѣмъ-же вещественнымъ характеромъ, который такъ ярко оградилъ въ лубочныхъ картинкахъ, изображающихъ страшный судъ и смерть грѣшника. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ,

что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котель съ кипяшею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, стануть мучить на огненномъ ложѣ (см. N 27: «Кумова кровать»), бить раскаленными желѣзными прутьями; вѣрять, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что на опойцахъ черти стануть возить дрова и воду (см. N 29: «Горькой пьяница»), что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи (см. стихъ о грѣшной матери — въ собраніи Кирѣевскаго. въ Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс., годъ 3-й, N 9, стр. 212—3). Поселяне рассказываютъ, что во время *обмиранія* (летаргическаго сна) душа человѣка, руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ на томъ свѣтѣ по аду и раю, видитъ тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, обреченныхъ на муку и страданіе или блаженствующихъ въ райскихъ садахъ. Обмиравшая душа можетъ передавать повѣсть своего страствія въ назиданіе живущимъ; запрещается ей сказывать только три какія-то таинственныя слова. Г. Кулишъ собралъ въ одно цѣлое нѣсколько такихъ рассказовъ о хожденіи души по тому свѣту, — рассказовъ, исполненныхъ поэтическихъ образовъ и нѣкоторыми своими подробностями приближающихся къ напечатаннымъ нами легендамъ (Записки о южной Руси, т. I, стр. 306—8):

«Идемó, повѣствуетъ обмиравшая старушка, коли-жъ гризúтця два собáки надъ шляхомъ, такъ гризúтця, такъ гризúтця! А дідь и каже: се не еобáки, се два брати, що погризлись та й побились, идучи степомъ: то Богъ и сказавъ: коли вже й рідні брати бьютця, то де-жъ буде те добро міжъ людьми? Нехай-же, каже, стануть вони собáками и гризúтця.

«Идемó, ажъ ходять волі въ такому спашу, що й ригъ невидно съ трави, а самі худі. худі, якъ ддшка. А біля їхъ ходять волі по самій землі — ні травинки підъ ногами нема, да жиръ ажъ по землі тиліаєтця. Отъ дідь и каже: оцѣ, що худі волі, то то багаті люде, що жили самі въ рдскоші, а

«біднишъ не помагали; а сѣтні воли, то то бідні люде, що одъ свого рота одиймали та старцямъ изъ послѣдвѣго давали. «Отъ-же вони теперъ и сѣті й нащени, а тїі по рогѣ въ спасу, та худі, якъ дѣшка ¹⁾»).

«Идемó, ажъ міжъ двомá дубáми горить у пѣломъ чоловѣкъ и кричить. ой, прѣбі! укрїйте мене бо замерзну! ой укрїйте мене, бо замерзну! Дідъ и каже оцѣ той чоловѣкъ, що про-«ошвся доѣ го зимою въ хату подорѣжнїй, а на дворі була метѣ-«лиця та хуртовина. а вінъ не пустивъ, дакъ той и змерзъ підъ-«тїномъ. Оцѣ-жъ теперъ вінъ горить у пѣломъ, и єму ще «здається, що холодно, и терпить вінъ таку муку, якъ той подо-«рѣжнїй терпівъ одъ морозу.

«Идемó дальшъ, коли лежить чоловѣкъ коло криниці; тече «єму ривчакъ черезъ ротъ, а вінъ кричить: прѣбі! дайте на-«питця! прѣбі! дайте напитця! Дідъ и каже: сей не давъ чо-«ловикові въ жива воді напитця; живъ вінъ на нїві, ажъ иѣ «старникъ дорогою, а жарá велика, Спасівська Ой, каже, чо-«ловіче добрий! дай, ради Христа, воді напитця! А вінъ єму «оцѣ-жъ для тебе вивізъ! Вїдлю на живу, а не дамъ такому дар-«шюду, якъ ти! То отъ, теперъ єму ривчакъ черезъ горло бі-«жить, а вінъ ще пить прѣснѣ, и до віку вѣчного бѣде єму такъ «жарко да тяжко, якъ тому старцеві, що йшовъ дорогою ²⁾»).

«Идемó, ажъ кинить у смоли жінка, а передъ нею цибулька «лежить. Дідъ и каже: се жучитця такъ жати вáшого старого «титаря Онїсима, що було все старцївъ годѣе та біднишъ по-«магає, а ніколи жодної душі не обидивъ и ні въ одному слові не «збрехавъ. Була вона богата, та скарá, що одъ неї ніхто й хлї-«ба кускá не бачивъ. Отó разъ полола вона цибулю, ажъ иѣ

¹⁾ Сличн съ литовскимъ разсказомъ (Litauische Märchen etc., von A. Schleicher, стр. 71—75).

²⁾ Подобное-же учение определено было Танталу.

юузъ воръе дідъ-старецъ. Подарі, каже, паніматко, радн Христа! Вона вірвала стрілку. прийми, каже, старче Божий. «Тільки-жъ одъ неі ѿ бачили. Отъ, якъ умерла... взяли її небогу та й потагли въ пекло. А Онисимъ и побачивъ зъ веба, що вона велику муку прймае, та й каже: Боже мій милий, Спасе мій Христе! за всю мою щирость, за всю мою правду, зроби мені такъ ласку — нехай и моя мати буде въ раю зо мною. А Христосъ и рече йому: Ні, Онисиме! вельми грішна твоя мати. Візьми хіба оту цибульку, що лежить передъ нею, та коли витягнешъ її съ тії бѣдни, то нехай и вона буде въ раю съ тобою. Узявъ вінъ тую стрілочку та й подавъ матері. Схопилась вона за неі... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне съ пекла! бо що то Божому святому? Ажъ ні: якъ поначіплювались ії и въ плахту, и въ намітку грішні дѹши, що-бъ и собі съ того пекла вібратъца, то и не здѣржала тая цибулька: перервалась, а вона такъ и бовтнула въ гарячу смолу!»

У Сербовъ существуетъ слѣдующій разсказъ о загробномъ странствованіи:

«Разскажи мнѣ, что видѣлъ?» спрашиваетъ старикъ. — Видѣлъ я, отвѣчаетъ странникъ, сереореный мостъ; подъ нимъ огромный котель, въ томъ котлѣ кипятъ людскія головы, а поверхъ носятся орлы и терзаютъ ихъ своими клювами. «Такова вѣчная мука на томъ свѣтѣ! Что еще видѣлъ?» — После того проходилъ и селомъ, и со всѣхъ сторонъ слышались мнѣ радостныя пѣсни и веселье. Спросилъ я, отчего у васъ такъ весело? Отъ того, сказали, что у насъ урожай и во всемъ изобиліе. «То люди — Божіи, всякаго готовы были напитать и угостить, и ни одинъ бѣднякъ не уходилъ отъ ихъ избы безъ милостины.» — Дальше видѣлъ я: на дорогѣ двѣ суки грызутся, хотѣлъ ихъ рвзнять, и никакъ не могъ. «Это двѣ снохи. Что потомъ было?» — Проходилъ я другимъ селомъ, и вездѣ видѣлъ

печаль и слезы. Отчего у васъ такъ жалостно? спросилъ я. Отъ того, мнѣ отвѣчали, что градъ побилъ наши нивы, и нѣтъ тещерь ничего. «То живутъ люди, незнавшіе правды.» — Видѣлъ я погомъ: два борова бьются, всячески хотѣлъ ихъ развести, и не могъ. «Это несогласные братья. Что еще тебѣ видѣлось?» — Былъ я на чудномъ лугу, три дни простоялъ бы тамъ, да все глядѣлъ бы на его красу «Таковъ рай на томъ свѣтѣ, но трудно до него дойти.» (См. Српске народне приповиѣтке, стр. 111—114)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Сличи со стихомъ, напечатаннымъ у Кирѣевскаго (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., годъ 3-й, № 9, стр. 148—154)

Варианты (изъ собранія В. И. Даля):

а) Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко — охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежь себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А гутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (молодыхъ женщинъ—Оп обл. великор. слов.) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть ищцу нечистую. маханнну (лошадиное мясо—*ibidem*) Горе да голько, слезъ-то, слезъ то что было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками, храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица.

что ни перомъ написать. голько въ сказкѣ сказать. Была Антипа съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу и далъ имъ Госнодь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой бывало, услышитъ какую молитву — и прошеетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услышалъ схимникъ Ермогенъ объ умъ-разумъ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ такъ онъ былъ золъ и хитѣрь! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту — дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколитъ; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, — и Госнодь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойдти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи, взялъ благословенье отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную, Брагимъ грознымъ ханъ закинулъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мучешамъ. Егорій не устрашился, и сталъ возсылагать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его илами, рубить топорами; у пилъ зубья посшибались у топо-

ровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребѣ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стоитъ осѣдланнѣй конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, приуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и выпустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келли и посады, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскою*.

—
 в) Егорій святой Богу молился
 За мать за родную!
 Великую онъ скорбь пережесъ
 За мать за родную:
 Его во пилы пилили,
 Въ топоры рубили,
 У пилъ зубья посшибались,
 У топоровъ лезья (лезвія) до обухъ выбивались,
 И Егорью ничего не дѣялось!
 Его во смолѣ варили,
 Въ водѣ студеной гошили.
 Егорій въ водѣ не утопаетъ,
 Поверхъ смолы плаваетъ!
 Вырыли погребъ глубокой,

Сажали въ него Егорія;
 Досками дубовыми закрывали,
 Гвоздями полужѣдными забивали,
 Желтыми песками засыпали
 За мать за родную.
 Сидѣлъ тутъ Егорій
 Тридцать два года;
 Поднималась бурна погода —
 Разнесли вѣтры желтые пески,
 Разнесли вѣтры до елиной доски!
 И собралъ Егорій дружину отборну,
 И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну;
 Тутъ мать его Богу молилась,
 Слеза горяча потокомъ катилась.
 «Поди, поди, Егорій! сль на коня, приуправься!
 Лютаго змѣя копьемъ порази,
 Материнскую кровь отомсти.»
 — Стоитъ ли, мать, мое рожденіе
 Всего моего похождения?
 «Вдвое стоить твое рожденіе
 За меня претерпѣнна мученія!»
 Сль Егорій на борза коня, приуправилъ!
 И наѣхалъ Егорій на лѣса валящи:
 «Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
 Срублю я изъ васъ церковь соборну,
 Поставлю я въ ней икону святую
 За мать за родную.»
 Въѣхалъ Егорій могучій
 Въ великой городъ толкучій,
 И наѣхалъ на дѣвокъ мудрѣныхъ:
 «Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я иду —
 Идите на Ердань на рѣку,

Воспримитесь, перекреститесь!»
 Въхалъ Егорій въ лѣса дремучи.
 Ветрѣлись Егорью волки прискучи.
 Гдѣ волкъ, гдѣ два
 «Собиритесь вы, волки!
 Будьте вы мои собаки,
 Готовтесь для страшнаго драка.»
 Нахалъ Егорій на стадо птицъ
 «Птицы, синицы'
 Летите вы на море.
 На ширь на кровавой.»
 Нахалъ Егорій на змія-горюна... ¹⁾
 Но Егорій не ужахался,
 Егорій не устрахался,
 Острымъ кошемъ змія закололъ:
 Стаи птицъ прилетали,
 Змія горюна клевали;
 Синѣ море волпой патекло,
 Змія-горюна съ собой унесло.

(Оба варианта записаны въ егорьевскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи.)

Народное преданіе о битвѣ Георгія Храбраго съ дракономъ распространено во множествѣ сказаній почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; подвигъ этотъ приписывается Георгію наравнѣ со многими другими сказочными героями, и нерѣдко съ одинаковою обстановкою и съ совершенно-тождественными по подробностямъ (сличи стихъ о Елизаветѣ Прекрасной—въ Чте.

¹⁾ Слѣдующіе затѣмъ стихи въ рукописи совершенно-искажены. Смыслъ готъ змія грызеть мать Егорія, и кровь потокомъ бѣжитъ изъ ранъ Егорія накускаеть на змія волковъ прискучилъ, волки погибають.

няхъ Общества Ист. и Древн. Росс., годъ 3-й. № 9. стр. 154 — 158, *Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, изд. Гаупта и Смолера, ч. 1, стр. 278, и ч. 2 стр. 147; *Лѣтои русск. литературы и древности 1859 г.*, кн. 1. отд. 1. стр. 18—19; *Народн. русск. сказки*, вып. 2 й. стр. 153—159).

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Разрушительная сила молніи и грома и плодотворная сила дождя, питающаго земную растительность, въ мірѣ языческомъ приписывались у славянъ Перуну ¹⁾. Извѣстно, что съ пріятіемъ христіанства многіи изъ старинныхъ представлений, согласно младенческой неразвитости народа, были перенесены имъ на нѣкоторыя лица ветхо и новозавѣтныхъ святыхъ. Такъ на Илью-пророка были перенесены все атрибуты и все значеніе древняго божества молніи и грома, которое представлялось разѣзжающимъ по небу въ колесницѣ, на крылатыхъ коняхъ, и разбивающимъ тучи своими огненными стрѣлами. Поселяне наши до сихъ поръ представляютъ Илью-пророка разѣзжающимъ по небу въ огненной колесницѣ, стукъ отъ его ѣзды производятъ слышимый нами громъ ²⁾. На лубочной картинѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями: колеса огненные. Лошадью управляетъ ангелъ; Илья-пророкъ держитъ въ рукѣ мечъ. Подъ вліяніемъ такихъ вѣрованій создалась народная загадка, означающая «громъ»: «видано невидано якого не кидано! то

¹⁾ См статью о «Зооидолч божествахъ славянъ» (Отеч. Записки 1852 г., № 2).

²⁾ Воронеж Губерн Вѣдом. 1851. № 11. Владим Губ Вѣдом. 1844 г., Прибавл къ № 52

святый кидавъ, щобъ було хороше ему проихати» ¹⁾). Въ одномъ заговорѣ читаемъ: «на морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ гонитъ Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіаетъ, дождь пойдетъ» ²⁾). Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильею-пророкомъ въ лявола, который старается укрыться въ животныхъ и гадахъ; но и здѣсь находятъ его и поражаетъ небесная стрѣла. Отъ св. Ильи, по народному вѣрованію, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха; 20 іюля, въ день этого святаго, ожидаютъ грозы и дождя, который непременно долженъ

¹⁾ Малорус. и галицк. загадки, стр. 8, 39: «когда гремитъ громъ, тогда по небу ѣздитъ Илья-пророкъ или Господь.» Въ нижегородской губерніи когда гремитъ громъ, говорятъ: «Илья великій гудитъ!» Въ скопческой пѣснѣ поется.

У насъ было на сырой на землѣ —
 Претворилъся такіа чудеса:
 Растворилися седьма небеса,
 Сокатилися златыа колеса,
 Золотыа, еще огненныа
 Ужь на той колесницѣ огненной
 Надъ пророкамъ пророкъ, сударь, гремитъ
 Нашъ батюшка покатываетъ,
 Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
 Подъ нимъ бѣлой, храброй конь:
 Хорошо его конь убралъ,
 Золотыми подковами подкованъ.
 Ужь и зтотъ конь не простъ:
 У добра коня жемчужной хвостъ,
 А гривушка позолоченная,
 Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
 Въ очахъ его камень-маргаритъ,
 Изъ усть его огонь-пламень горитъ.

(Исслѣдов. о скопч. ереси, соч. Надеждина, 1845 г., см. Приложенія, стр. 47—48.)

²⁾ Иллюстрація, годъ 1 статья Дала, стр. 250.

пролиться въ это чясло. Бѣлорусская поговорка: «Ильля надѣвливъ гнильля» означаетъ, что съ Ильина дня идутъ обыкновенно дожди, отъ которыхъ гниетъ хлѣбъ и сѣно въ полѣ ¹⁾. На этотъ праздникъ не косятъ и не убираютъ сѣна, потому что въ противномъ случаѣ св. Илья убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей ²⁾. Если градъ выбиваетъ хлѣбъ мѣстами, то поселяне говорятъ: «это Богъ караетъ; онъ повѣлъ Ильѣ-пророку: когда ѣдишь въ колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздають хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою; а которые жадны и не знаютъ милосердія—у тѣхъ губи!» Ильѣ-пророку приписываютъ урожай, что видно изъ слѣдующей припѣвки:

Ходить Ильа.
Носить пугу (т. е. плеть)
Житяную;
Де замахне—
Жито росте.

20-го іюля готовятъ хлѣбъ изъ новой ржи и приносятъ въ церковь ³⁾.

Сербскія пѣсни также надѣляютъ Илью-пророка молніей и громомъ: при раздѣлѣ міра ему достались «шунье и стріјеле» (молнія и стрѣлы), почему сербы и называютъ его *громовникомъ*; онъ запираетъ облака и посылаетъ за людскіе грѣхи засуху на землю. Тѣ-же вѣрованія связываютъ съ Ильею-пророкомъ и другіе народы. Осетины даже приносятъ ему жертвы; объ убитомъ молніей они говорятъ: Илья взялъ его къ

¹⁾ Прибавл. къ Извѣстіямъ Академ. Наукъ по 2-му отдѣленію 1852 г., стр. 47.

²⁾ Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1851 г. № 11; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Снегирева. Русск. въ своихъ пословицахъ, ч. IV, стр. 20 65. Сахарова: Сказанія русск. народа, т. I, (пѣсни), стр. 274.

себѣ. и чествуютъ его трупъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Илью-пророка представляютъ въ мантии огненнаго цвѣта, съ мечемъ, на остреѣ котораго горитъ пламя, и въ красной шапкѣ на головѣ ¹⁾).

Такое присвоение грома, молніи и дождей Ильѣ-пророку имѣетъ въ основаніи тѣ аналогическія обстоятельства, которыя окружаютъ этого святаго въ вѣтхозавѣтныхъ сказаніяхъ. По свидѣтельству этихъ сказаній онъ былъ живой взятъ на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ лошадяхъ: во время своей земной жизни онъ чудеснымъ образомъ произвелъ однажды засуху и пролилъ дождь. Церковная пѣснь молить его объ отверстіи неба и ниспослани дождя; иногда поселяне ставятъ на воротахъ чашку ржи и овса, и просятъ священника провѣличать Илью, на плодородіе хлѣба ²⁾). Въ Новгородѣ въ старину были двѣ церкви. Ильи Мокраго и Ильи Сухаго; въ засуху совершался крестный ходъ къ первой церкви съ мольбами о дождѣ, а съ просьбою о сухой и ясной погодѣ совершался крестный ходъ къ церкви Ильи-Сухаго ³⁾).

Эти народныя вѣрованія послужили источникомъ, изъ котораго создались нѣкоторыя сказанія живущія въ устахъ простолудяновъ, а между ними и напечатанная нами легенда объ Ильѣ-пророкѣ и Николаѣ-угодникѣ.

¹⁾ Срнске народне пјесме, кн 1, стр. 155—7. Гримма Deutsche Mythologie, стр. 158. Норкъ: Andeutung. einer Systems der Mitholog, стр. 237

²⁾ Шевырева Поездка въ Кирилло-Бѣлозерск монастырь, ч II, стр 66—67
Тереценко Быть рус. народа, ч VI, стр. 49—50

³⁾ Оточ Записки, изд Свиньина, 1826 г., ч XXVIII. № 79, стр 166
Москвитян 1853 г., № 11, стр 64 (Внутрен. извѣстія).

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Это вторая легенда, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является св. Никола, въ собраніи В. И. Даля есть еще одно народное сказаніе объ этомъ-же угодникѣ. Вотъ оно

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ былъ богатой мужикъ, жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его: если кому и давалъ онъ въ займы деньги, то всегда подъ закладъ и за больше проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ, кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебивался онъ коѣ-какъ и добывалъ себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время—хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ, и рѣшился пойдти къ богатому мужику и попросить въ займы денегъ. «Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатой Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!..» —Будь милостивъ, выручи изъ бѣды, не дай помереть голодною смертію. по вѣкъ не забуду... Заработаю—съ лихвою отдамъ. «Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.»—Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдной и показавъ на образъ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчиталъ ему двадцать рублей «смотри же, говоритъ, непременно въ срокъ заплати».

Бѣднякъ взявъ деньги, пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьей. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки ¹⁾. «Что дѣлать? думаетъ

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ:* Какъ достать денегъ? И надумалъ онъ пойдти ночью къ болоту и попросить у чертен. Дождася полночи, пришелъ къ болоту и подаетъ голосъ нечистому «возьми, говоритъ, мою душу, только дай

онъ. Пойду, попрошу отсрочки.» Приходитъ къ богатому и ну кланяться ему въ землю: «обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время». — Чего ждать-то? Пришелъ срокъ, и подавай денежки; небось, умѣлъ брать! «Радъ бы, отецъ родной, хоть сейчасъ заплатить, да върь совѣсти — печѣшь!» — Видно, съ тобою, мошенникомъ, хорошо не сдѣлаешься! сказалъ богатой мужикъ; а мало будетъ за поруку приниматься. Пришелъ домой, сталъ передъ образомъ Никола-угодника и говоритъ: «чтожъ ты не отдаешь за бѣднаго денегъ? вѣдь ты за него поручился». Икопа ничего не отвѣчаетъ. «Что-же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тѣхъ поръ, пока не заплатишь ись до единой копѣйки» Снявъ образъ со стѣны, положилъ на повозку и выѣхалъ со двора; лошадь пустилъ впередъ, а самъ идетъ за повозкою сзади, и все по образу кнутомъ стегаетъ да приговариваетъ: «отдай мои деньги! отдай мои деньги!»¹⁾ Только ѣдетъ онъ мимо гостиннаго двора; увидалъ его купеческой сынъ и сталъ спрашивать. «что ты, безбожный, дѣлаешь?» — А то что давалъ я въ займы одному мужику двадцать рублей, и этотъ образъ былъ по немъ порукою; пришелъ срокъ отдавать деньги — у мужика нѣтъ ни полушки; вотъ и принялся я за поруку! «На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мнѣ образъ.» — Изволь, братъ! мнѣ еще лучше безъ хлопотъ!

Взявъ купеческой сынъ образъ, поставилъ въ лавкѣ и засвѣтилъ передъ нимъ лампадку. На утро явился къ нему св-

двадцать рублей». Отвѣчаетъ ему нечистой. «ступай домой, доброй чело-вѣкъ! намъ твоей души не надобно. Много вашей братки голышей сюда таскается, если всѣмъ давать деньги такъ самимъ придется щелкать зубами! Мы и на господь-то напастись не можемъ, а то еще вамъ давай!» Воротився мужикъ домой съ пустыми руками.

¹⁾ *Вариантъ:* Снявъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давай въ грязь топтать. Идетъ мимо купеческой сынъ...

дой старикъ и сталъ наниматься замѣсто прикащика; купеческой сынъ подумалъ-подумалъ и взялъ его въ лавку. Съ той самой поры пошла у него такая торговля, что никакъ товаровъ не напасется: покушники такъ и валять въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческой сынъ; построилъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и поѣхалъ съ старикомъ въ другое государство торгъ вести. А въ томъ государствѣ на ту пору бѣда приключилась: злая вѣдьма испортила царевну — днемъ она лежитъ словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ! Что тутъ дѣлать? Положили ее въ гробъ, набили сверху крышку, и вынесли въ церковь. Царь повелѣлъ кликать кличь по всему государству: не найдется ли кто такой, чтобы могъ отчитать царевну? а кто ее отчитаетъ, тотъ будетъ царскимъ зятемъ и получитъ въ приданое половину царства. Кликнула кличь только никто не выскочилъ, никто не беретъ за это дѣло хитрое. И говоритъ старикъ купеческому сыну. «ступай къ царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну» — А какъ не съумѣю? «Не бойся! Богъ поможетъ и я научу.» Отправился купеческой сынъ къ царю, объявилъ о себѣ; царь обрадовался и велѣлъ ему отчитывать. Въ тотъ-же самый день вечеромъ пошелъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и очертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу, и приказываетъ: «становись въ этотъ кругъ, и что бы ни было, что бы тебѣ ни казалось — не переходи за черту молись и читай книгу». Сказалъ и ушелъ; остался въ церкви одинъ купеческой сынъ, сталъ въ кругу передъ наложкомъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаетъ и бросается прямо на купеческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни силится—никакъ не можетъ переступить проведенной черты. Бѣшено рвется она впередъ, напускаетъ разные страхи и грозитъ бѣдою; по ку-

купецкой сынъ не ужасается, стоитъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать, запыли пѣтухи — и въ ту-жь минуту грохнулась царевна на землю и съѣздалась совсѣмъ мертвою. Поутру равно посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купецкой сынъ живъ, и не могутъ надвингься, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и рассказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купецкой сынъ отчиталъ царевну вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: «будь ты моимъ мужемъ, а я — твоей женою.» На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовью. Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвинять купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

Въ другомъ спискѣ старикъ приходитъ наниматься къ купеческому сыну уже въ то время, когда онъ отправляется за море. «Куда тебѣ, старому, работатъ? вѣдь ты ничего не осилишь», говоритъ купецкой сынъ. — А вотъ увидишь: я хоть старъ, да работающъ: за десятерыхъ молодыхъ сойду. «А что возьмешь?» — Что заработаемъ, то пополамъ. «Хорошо!» Приѣзжаютъ они въ другое государство; купецкой сынъ берется отчитывать царевну, а старикъ даетъ ему три полѣна, чашку воды и научаетъ, какъ и что дѣлать. Въ полночь поднялась царевна изъ гроба; купецкой сынъ бросилъ ей одно полѣно; она его проглотила. Бросилъ другое — и другое проглотила; бросилъ послѣднее — и съ этимъ тоже. «Ну, говоритъ царевна, теперь я тебя съѣмъ!» — погоди, отвѣчаетъ купецкой сынъ, дай прежде воды испить. Набралъ въ ротъ воды и брызнулъ въ нее — царевна вздрогнула и въ ту-жь минуту

исцѣлялась: порчу какъ рукой сняло. Купеческой сынъ женился на царевнѣ, и воротился домой съ большими богатствами. «Давай дѣлиться», говоритъ старикъ. Купеческой сынъ вытаскилъ все деньги и сталъ дѣлить пополамъ. «Что ты съ деньгами-то возишься? Мы съ тобой привезли еще царевну. Давай и ее дѣлить!» Взялъ старикъ острой мечъ и разрубилъ ее на-двое. Опечалился купеческой сынъ и говоритъ: «Богъ съ тобой! за что ты ее убилъ?» — Развѣ тебѣ жалко? спрашиваетъ старикъ; взялъ -обѣ разрубленныя части, сложилъ вмѣстѣ, дунулъ—и царевна тотчасъ встала живою и сдѣлалась вдвое лучше прежняго. «Вотъ твоя жена! живи съ нею по-Божьему», сказалъ старикъ и исчезъ. И то былъ не простой старикъ; то былъ самъ Никола, угодникъ Божій.

13. ПЯТНИЦА.

Суевѣрное уваженіе къ пятницѣ, питаемое русскимъ простолюдиномъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи по пятницамъ бабы не прядутъ, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печв зола, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ. Въ народномъ стихѣ душа, прощаясь съ тѣломъ, обращается къ нему съ такимъ напоминаніемъ былыхъ грѣховъ

Мы по середамъ, по пятницамъ платье зóловали

Платье зóловали, мы льны прядовали. ¹⁾

Особенно-же уважаются въ народѣ издревле двѣнадцать пятницъ, которыя бываютъ передъ большими праздниками: а) передъ Благовѣщеньемъ, б) первая и с) десятая послѣ Воскре-

¹⁾ Терещенко. Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 56 Чтенія Общ. Исторіи и Древн Россійск, годъ 3-й № 9, стр. 210, 221 и 224.

сенія Христова, d) перець Троицею, e) Успеніємъ, f) Ильинымъ днемъ g) праздникомъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, h) Вадвиженъемъ, i) Покровомъ, k) Введеніемъ во храмъ пресв. Богородицы, l) Рождествомъ и m) Крещеніемъ. До сихъ поръ сохраняется старинное сказаніе о 12 пятницахъ, почитаемое раскольниками наравнѣ съ свящ. писаніемъ¹⁾. На Вагѣ въ прежнее время ежегодно праздновали пштокъ первой недѣли поста у часовни, куда совершался для этого крестный ходъ. Во время неурожаевъ, засухи или сильныхъ дождей, по случаю скотскаго падежа и появленія червей были празднуемы «обѣтныя» пятницы: въ XVI вѣкѣ писались въ такихъ случаяхъ цѣлымъ міромъ заповѣдныя записи. Такъ крестьяне тавренской волости (въ 1590—1598 г.) обговорились промежъ себя и учинили заповѣдь на три года, чтобы «въ пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменія не жечи», а кто заповѣдь порушитъ, на томъ доправитъ 8 алтынъ и 2 деньги. Костантинопольскій патриархъ окружною грамотою 1589 года къ литовско-русскимъ епископамъ запрещалъ праздновать день пятницы наравнѣ съ воскресеньемъ²⁾

Стоглавъ (въ 40-й главѣ) свидѣтельствуетъ, что въ его время ходили «по погостамъ и по селамъ и въ волостныхъ живые пророки мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, роспустя, трасутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прѣсти, и платья не мыти, и каменія не разгигати, и яныя заповѣдуютъ богомерзскіи дѣла творити»

¹⁾ Православн. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 188.

²⁾ Акты Юридическіе, № 358, Акты Западн. Руси, т IV, № 92 У болгаръ также не прядутъ по пятницамъ (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, т II статья Буслаява, стр. 42).

По народному объясненію по пятницамъ не прядутъ и не па- шутъ, чтобы не запылить матушку-Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глазъ. Если же бабы вздумаютъ красть и шить въ этотъ день, то св Пятница накажетъ ихъ ногто- вдомъ, заусеницею, или болѣзною глазъ: повѣрье это послужило основаніемъ напечатанной нами легенды. По словамъ духовнаго регламента, суевѣры увѣряли, что «Пятница гнѣ- вается на неспящихъ (ея дня) и съ великимъ на оныхъ угроженіемъ наступаетъ». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пят- ницу не засаживаются долго при свѣчахъ, потому что въ этотъ день ходитъ по домамъ «св Пятинка» и караетъ всѣхъ, кого заставетъ неспящимъ. Въ Малороссіи поселяне увѣря- ютъ, что они сами видѣли, какъ Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченая веретенами, потому что много женщинъ и шьютъ, и прядутъ въ такіе дни, которые слѣдуетъ праздновать въ честь этой святой ¹⁾. Такимъ обра- зомъ особенное уваженіе къ пятницѣ объясняется тѣмъ, что этотъ день считается въ народѣ посвященнымъ св. Пятницѣ: именемъ Пятницы въ ; престоуарольи называется мученица Параскева. Въ четкахъ-минеяхъ повѣствуется, что родители ея всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спа- сителя, за что и даровалъ имъ Господь въ этотъ день дочь, которую они назвали Параскевѣ т. е. пятницей. Въ прежнихъ нашихъ мѣсяцословахъ при имени св. Параскевы упоми- ялось и названіе Пятницы; церкви, ей посвященныя, до сихъ поръ называются пятницкими ²⁾. 28 октября, когда чтится

¹⁾ Сахарова: Сказанія рус. народа, т. II, стр. 97, 101, Снегирева. Про- стонар. русск. праздники, ч I, стр. 188—9, Терещенко: Бытъ русс. на- рода, ч. VI, стр. 56; Маякъ 1843 г., т. XII, стр 7, и 1844 г., т XIII. Вѣсти Геогр. Общества 1853 г., кн. 3, стр. 5, Помтавск Губернск. Вѣдом. 1845, № 24 — часть неофициальная, Абевога рус. суевѣрій, стр. 275.

²⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 196.

память св Параскевы, поселяне кладутъ подъ ея икону зеленые ялody и хранятъ ихъ до слѣдующаго года. Въ обѣтныя пятницы, собираясь праздновать въ одно назначенное мѣсто, они выносятъ образъ Параскевы-мученицы, обвѣшанный платками и лентами. На дорогахъ, при распутияхъ и перекресткахъ издревле ставилась на столбикахъ, небольшія часовни съ иконою св Параскевы; часовни эти также назывались «пятницами»¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ всѣ особенности, приписываемыя Пятницѣ, относятъ къ Пречистой Дѣвѣ; такъ бабы не прядутъ по пятницамъ, чтобы не запылить Богородицы, которая ходитъ тогда по избамъ; еще наканунѣ поэтому подметаютъ въ избахъ полы; шерсть, отъ которой нѣтъ пыли, позволяютъ прядь²⁾.

Припоминая, что пятница у другихъ европейскихъ народовъ въ языческую эпоху была посвящена богинѣ Венерѣ или Фреѣ (*dies Veneris, Vendredi, Frejtag*), справедливо будетъ предположить, что въ приведенныхъ нами повѣрьяхъ скрывается темное воспоминаніе о древней языческой богинѣ. Подъ влі-

¹⁾ Рязанск Губерн Вѣдомости 1846 г., № 6 — часть неофевц.. Макарова. Русскія преданія. ч I, стр. 22—26, Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 58—59.

²⁾ Иллюстрація 1846 г., стр; 648 — статья Даля, Воронежск. Губ Вѣдом. 1851, № 11. Равнымъ образомъ и въ другіе праздничные дни запрещается прядь это грѣхъ неотмолимый, но сматывать нитки и сучить ихъ не считается за грѣхъ. Женщины не оставляютъ пряжи на веретенахъ въ воскресенье и праздники, чтобы не рвались нитки. На масленицу не прядутъ, чтобы мыши не грызли нитокъ и чтобы холсты не были гнилыми. Въ Литвѣ, приготавливаясь къ свѣтлому празднику, поселяне стараются прибрать и вычистить свои избы до страстнаго четверга, а съ этого дня до самой Пасхи не принимаютъ за эту работу, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засорить глазъ, въ тоже время старательно прячутъ веретена и прялки и перестаютъ заниматься пряжею (Вѣстн. Геогр Общества, 1853, кн I, стр 60; Иллюстрація, годъ 2-й, стр 262, Пузины: Взглядъ на суевѣрія, стр. 154, Ворон. Губерн. Вѣд 1851 г., № 11, Черты изъ исторія и жизни литовск народа, стр. 93)

яніемъ христіанскихъ идей оно естественнымъ образомъ слилось съ священными представленіями новой религіи, подобно тому, какъ атрибуты Перуна перенесены суевѣрнымъ народомъ на Илью пророка, а древнее поклоненіе Волосу перешло на св. Власіа.

Пятницѣ приписываютъ вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота, почему во время падежей, моровой язвы и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы; въ народѣ ходятъ даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы: онѣ носятя на шеѣ отъ различныхъ недуговъ или привязываются къ больной головѣ. Во время церковныхъ обрядовъ прежде выносили икону св. Параскевы, увѣшанную лентами, монистами, цвѣтами и душистыми травами. Эти цвѣты и травы оставались въ церкви, и отваръ ихъ давали пить отчаянно-больнымъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ исцѣленію. По народному повѣрью, кто соблюдаетъ пятницу, у того не будетъ лихорадки. Въ калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле, нажинаетъ одинъ сноць, связываетъ его, и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произноситъ слѣдующія слова: «Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдунцы, еретика и еретицы!» Затѣмъ, взявши сноць, она старается пройти до двора, не будучи никѣмъ замѣченною. На праздникъ Покрова дѣвицы, желающія выйти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ «матушка Пятница-Параскева! покрой меня поскорѣе» ¹⁾ Духовный регламентъ Петра Великаго упоминаетъ о совершав-

¹⁾ Снегирева Простонар русск праздники, ч. IV, стр 118, ч I, стр 48

шемся въ народѣ символическомъ обрядѣ, указывающемъ на обожаніе Пятницы. «Слышится (читаемъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ), что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую, подь именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.»

14. О НОВЪ ПРАВЕДНОМЪ.

Начало этой любопытной легенды заимствовано изъ «притчи о тѣлѣ человѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Притча эта встрѣчается во многихъ рукописныхъ прологахъ XIII, XIV, XV и XVI столѣтій и между сочиненіями Кирилла Туровскаго, который передаетъ ее въ болѣе-распространенномъ изложеніи (см. Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2, стр. XLVI — LI, 137 — 141). Конечно, отсюда она перешла въ народныя сказанія, и это служитъ новымъ свидѣтельствомъ того вліянія, какое оказывала книжная литература на устную. Для сличенія приводимъ здѣсь самую притчу.

«Человѣкъ нѣкто добра рода насадилъ виноградъ, и оплотомъ огради, и отходя въ домъ отца своего. «кого, рече, створю стража дому моему и притижанію? Аще бо поставлю сдѣ отъ предстатель моихъ, то потеряютъ мой трудъ. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слѣпча, да аще кто хоще украсти отъ врагъ моихъ въ виноградъ, слѣпецъ чюеть, а хромецъ видить; аще кто отъ сего всхощетъ, хромецъ убо не имать ногу дойти, слѣпецъ же аще поидеть — въ пропастьхъ убоется». И посадивъ я, отъиде. Надолзѣ бо съдящимъ имъ, и рече слѣпече ко хромчю «что убо благоуханіе полетаетъ внутрь вратъ?» Отвѣща хромецъ: «многа блага господина наю внутрь»

есть. иже незреченная икушениа: по понеже прешудръ есть господи въ пая, мене посади хромца а тебе слѣпаго. и не можевъ того дойти и насытитися». Отвѣща слѣпече хромцю «почто еси сихъ не возвѣстиялъ, да быховъ не жадала? Аще бо слѣпъ есмь, но ноги имаю и сиденъ есмь носити тя нынѣ бо возми конь, и всади на мои плеча и азъ тв несу а ты мнѣ путь повѣдай; и ися благая господина наю обоемлетъ. Да егда приде господинъ наю, укрывается дѣло наю отъ него: аще мене воспроситъ, и реку: ты веси, господине мой яко слѣпъ азъ есмь; аще ли тебе воспроситъ, ты же рѣчи: азъ хромъ есмь, и тако прешудруевъ господина наю». Всѣлъ же хромень на слѣпца и шель окрадоша овоць господина своего. По времени же пришелъ господинъ винограда и види его окраденна, повелѣ привести слѣпца, и глагола: не добра ли ты поставихъ стража винограду моему, почто еси окралъ его? Отвѣща слѣпече «Господи, ты вѣси, яко слѣпъ есмь; аще быхъ хотѣлъ дойти, не вижду дойти но кралъ есмь хромецъ, а не азъ». И повелѣ господинъ блюсти слѣпца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромцю, начастася еспирати. Хромень глаголаше слѣпцю «аще не бы ти носилъ мене, николи же могль быхъ тамъ дойти, понеже хромъ есть». Слѣпекъ же глаголаше «аще бы не ты мнѣ путь повѣдалъ то не бы азъ тамъ дошелъ». Тогда господинъ, сѣлъ на судищи, нача судити, и рече господинъ «яко же еста рекла (крала), тако да вседе хромецъ на слѣпца». Всѣдшу бо хромцю на слѣпца, повелѣ бити немилостивено».

Въ народной легендѣ вмѣсто хромца выведенъ безрукой — Далѣе легенда воспользовалась библейскими сказаніями объ Адамъ и Ноѣ, но передаетъ ихъ въ искаженномъ видѣ смѣшивая событія и перепутывая ихъ баснословными народными преданіями. Сюда вошли и нѣкоторые рассказы изъ стариннаго животнаго эпоса. Такъ народное суевѣріе представляетъ

что собака первоначально была сотворена голою. безъ шерсти; Богъ заставилъ ее стеречь отъ демонскихъ козней тѣло первосозданнаго человѣка; нечистый грозитъ собакамъ зимними морозами и, соблазняя, даетъ ей мигкую шубу. Любопытны роли, которыя играютъ въ ковчегѣ мышь и ужъ. Нечистый ухитряется, влѣзаетъ въ ковчегъ и въ видѣ мыши прогрызаетъ въ немъ дыру; ужъ затыкаетъ ее своей головою. Послѣ потопа слѣдуетъ вновь созданіе земли и людей, очевидно устный разносизъ относитъ здѣсь въ конецъ то, что должно было стоять въ началѣ. Преданіе о созданіи земли записано г Терещенкомъ (Бытъ русск парода, ч V, стр. 44—45) съ нѣкоторыми подробностями, которыхъ недостаетъ въ нашемъ легендѣ

«Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ
 «позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, что-
 «бы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно,
 «думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую же землю! Онъ ныр-
 «нулъ досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. При-
 «несъ Богу и отдаегъ, а самъ не произноситъ ни слова ..
 «Господь куда ни броситъ землю, то она вдругъ является та-
 «кая ровная, ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на
 «другомъ все видно, что дѣлается на землѣ Сатана смо-
 «тритъ хотѣлъ что то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ
 «его чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ
 «испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и
 «онъ гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки;
 «гдѣ кашлянетъ — тамъ выроститъ гора; гдѣ привскачетъ —
 «тамъ высунетса поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей
 «землѣ, онъ изрылъ ее надѣлавъ пригорковъ, горокъ, горъ и
 «превысокихъ горъ.»

Въ карпатской колядкѣ поется, что при началѣ свѣта два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня. изъ которыхъ и были созданы земля и небесныя свѣтлз.

Доисторическія преданія, уцѣлѣвшія почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ рассказываютъ, что само божество научило первоначально человѣка строить жилища, ковать металы и воздѣлывать землю¹⁾. На Украинѣ есть повѣрье, что самъ Господь далъ Адаму плугъ, а Евѣ прялку—въ то время, какъ они нарушили заповѣдь и были высланы изъ рая²⁾. Согласно съ этимъ напечатанная нами легенда повѣствуетъ о томъ, какъ Господь выучилъ людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходитъ еще другое преданіе о постройкѣ избы: долго люди не умѣли придумать, какъ-бы охранить себя отъ непогоды и стужи; наконецъ чортъ ухитрился и выстроилъ избу: всѣмъ бы хороша и тепло, и уютно, да темно хоть глазъ выколи! Ужь ангелъ Господень научилъ прорубить окно и съ тѣхъ поръ стали люди строить избы съ окнами. Преданіе это носитъ на себѣ печать весьма древняго происхожденія. Злой духъ, какъ представитель темной силы, мрака, по народнымъ повѣрьямъ боится свѣта и исчезаетъ съ первыми лучами солнца³⁾; все, что имѣетъ связь съ свѣтомъ, походитъ не отъ него, а даруется божествомъ добра и правды.

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Сличи съ слѣдующей легендой о «Солдатѣ и Смерти» (№ 16, а). — О премудромъ царѣ Соломонѣ извѣстенъ цѣлый рядъ старинныхъ повѣстей, о которыхъ смотри въ сочиненіи

¹⁾ См статью Мнѣніе о связи понятій свѣта, зрѣнія, огня, металовъ и проч (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т 2, половина 2-я.

²⁾ Русск. Бесѣда 1836 г., т. 3, стр 74 статья Максимовича

³⁾ Крикъ вѣтуха предвозвѣщающій восходъ солнца, прогоняетъ нечистыхъ духовъ Сличи съ Kluder- und Nauszmarchen, ч 2 стр 519.

г. Пышина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (стр. 102 — 123). Съ этими повѣстями, занесенными во многіе рукописные сборники, имѣютъ связь и тѣ народныя сказанія о Соломонѣ, которыя вошли въ «Српске народне приповиѣтке» Караджича.

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

Смерть является здѣсь не отвлеченнымъ понятіемъ, а согласно древнѣйшему представленію — живою, олицетворенною; такую видимъ ее и въ другой легендѣ («Пустынный» № 21), и въ нѣмецкихъ сказкахъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, и въ известной «Повѣсти о бодрости человѣческой» (начало: «Человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостию обложенъ, звѣровидень...»). Повѣсть эта попадаетъ во многіхъ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій, составляя любимое чтеніе грамотнаго люда. она перешла въ устныя сказанія и на лубочную картину. Приводимъ здѣсь народный разсказъ объ Аника-воинѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ записанъ онъ въ нашемъ собраніи.

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ грабь церкви Божіи разорять: взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что

¹⁾ *Вариантъ:* ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. «Съ кѣмъ бы мнѣ побиться?» думаетъ Аника-воинъ, хоть бы Смерть пришла.» Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя¹ и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ.

это за чудище! говоритъ Аника-воинъ; царь ли ты - царевичъ, король ли - королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, и твоя Смерть — за тобою пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей — я ихъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. — Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бѣрзаго копя, хочетъ поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двигнется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три мѣсяца.» — Смерть моя - Смерточка! дай сроку хоть на три дни. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ. «много есть у меня и серебра, и золота, и каменья драгоценнаго; дай сроку хоть на одинъ часъ — я бы роздалъ нищимъ все свое имѣніе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина. свалился онъ съ коня и упалъ мертвой¹⁾).

Народныя русскія повѣрья представляютъ Смерть вѣчно-голодною, пожирающею все живое, въ первомъ спискѣ напечатанной нами легенды — когда солдатъ заставилъ ее нѣсколько лѣтъ глотать одни лѣсные деревья, Смерть такъ отошала, что едва ноги двигала.

Въ аду солдатъ до того надоѣлъ чертямъ, что они долго не знали, какъ его выжить, и наконецъ уже вызвали его изъ этого теплаго мѣста, ударивъ въ барабанъ тревогу.

¹⁾ Сличь съ легендою подъ № 21 («Пустынный»).

Подобный рассказъ есть о матросѣ Пронькѣ:

Былъ матросъ Пронька; всю службу свою слылъ горькою пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендову осушалъ въ два приѣма безъ отдыха. Что тамъ ему не говори, только и услышишь: «пей да дѣло разумѣй! пьянъ да уменъ — два удобн въ немъ! пьяница проспится. дуракъ никогда!» И впрямь, дѣло онъ разумѣлъ, отъ работы не отказывался, говорилъ всегда правду, и всѣ его любилъ и берегли. Разъ какъ-то великимъ постомъ сталъ гонорить ему священникъ: «Пронька, Бога ты не боишься! Неравѣнь часъ — но хмѣлю умрешь; вѣдь омерть ходитъ не за горами! Ну, что тогда окажешь ты, какъ пьяной предстанешь предъ Господа?» А онъ въ отвѣтъ. «Батюшка! что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ; всю правду, значить, скажу передъ Богомъ» Какъ сказалъ священникъ, такъ и случилось. Съ какихъ — ужъ не знаю — радостей сильно подпилъ Пронька, да видно слишкомъ на себя понадѣялся, полѣзъ на жачту и свалился оттула прямо въ воду. Вотъ по сказанному, какъ по писанному, явился онъ на тотъ свѣтъ пьянѣшенекъ, и не знаетъ, куда идти? а тамъ — дѣло извѣстное, и для трезваго потемки; такъ пьяному-то просто бѣда! Вотъ пошла ранжировка да перекличка, кого куда; матросовъ-горемыкъ извѣстно всѣхъ въ рай назначаютъ, и Проньку вскричали туда-жъ. А онъ бурлитъ себѣ, замѣшался въ толпу, и попалъ въ адъ; шумитъ тамъ пуще всѣхъ, только другимъ мѣшаетъ... Много было хлопотъ, чтобы вывести его изъ ада; долго не могли съ нимъ справиться, да ужъ Никола Морской догадался взять боцманскую лудку. сталъ у райскихъ дверей и засвисталъ къ вину. Какъ услыхалъ Пронька, сейчасъ оросился изъ ада вонъ и въ ту-жъ минуту явился, куда слѣдуетъ. (Изъ собранія В. И. Даля)

Особенно-интересны подробности въ третьемъ сибирскѣ легенды о «Солдатѣ и Смерти». Подробности эти совершенно-сход

ны съ тѣми какія встрѣчаемъ въ нѣмецкой сказкѣ: «Bruder Lustig» (см. Kinder-und Hausmärchen, ч. 1, № 81); и здѣсь, и тамъ — одинаковъ разсказъ о томъ, какъ получаетъ солдатъ чудесную торбу (ранецъ), какъ заключаетъ въ нее чертей и освобождаетъ отъ нечистой силы покинутый дворецъ. Только нѣтъ въ нѣмецкой сказкѣ той продажки со Смертью, вследствие которой попадаетъ она въ торбу и нѣсколько лѣтъ виситъ въ лѣсу на осинѣ: да сверхъ того въ окончаніи находимъ слѣдующее измѣненіе: приходятъ солдаты къ небеснымъ вратамъ и стучатся. На стражѣ стоялъ тогда св. Петръ; «ты хочешь въ рай?» спрашиваетъ апостоль. — Въ аду меня не приняли, говоритъ солдатъ; пусти въ рай. «Нѣтъ, ты сюда не войдешь!» — Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назадъ ранецъ, я ничего не хочу отъ тебя имѣть. И вмѣстѣ съ этими словами просунулъ свой ранецъ сквозь райскую решетку, св. Петръ взялъ ранецъ и повѣсилъ возлѣ своего кресла. Тогда сказалъ солдатъ «теперь я желаю самъ быть въ моемъ ранцѣ». И въ мигъ онъ очутился тамъ, и св. Петръ принужденъ былъ оставить его въ раю. — Далѣе, въ русской легендѣ встрѣчаемъ эпизодическій разсказъ о томъ, какъ чортъ научилъ солдата лѣчить: онъ далъ ему чародѣйный стаканъ, въ которомъ — если нальешь туда холодной воды и поставишь его возлѣ больного — непременно увидишь, гдѣ стоитъ Смерть, у изголовья или въ ногахъ хворающаго; въ последнемъ случаѣ стѣмтъ только забрызнуть его водою изъ стакана — и въ ту-же минуту онъ встанетъ здоровъ и невредимъ. Этотъ любопытный эпизодъ развитъ у нѣмцевъ въ особенной сказкѣ «Der Gevatter Tod» (въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ, ч. 1 № 44).

Жилъ былъ бѣднякъ у него было двѣнадцать дѣтей; и дѣвъ, и ночь работалъ онъ, чтобы прокормить свою семью. Когда родился у него тринадцатой ребенокъ, онъ уже не зналъ,

чѣмъ нособить себѣ въ нуждѣ; вышелъ на большую дорогу и рѣшился перваго, кого встрѣтитъ, взять въ кумовья. Первый встрѣчный ему былъ самъ Господь; зная, что у него было на душѣ, онъ сказалъ: «инѣ тебя жаль, и я хочу окрестить твоего ребенка буду заботиться о немъ и сдѣлаю его счастливымъ». — Но кто ты? «Я Господь.» — Нѣтъ, не возьму тебя въ кумовьи; ты надѣляешь богатыхъ, и оставляешь голодать бѣдныхъ. Такъ сказалъ бѣднякъ, потому что не вѣдалъ онъ, какъ прешудро распределяетъ Богъ и богатства и нищету. Повернулся онъ и пошелъ дальше. На встрѣчу ему дьяволъ и говоритъ: «возьми меня въ крестные отцы твоему ребенку; я надѣлю его грудями золота и всѣми наслажденіями жизни». — А ты кто? «Я дьяволъ.» — Нѣтъ, ты искушаешь и обманываешь человека. Пустился въ путь дальше, идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумомъ». — Кто ты? спрашиваетъ бѣднякъ. «Я Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ» — Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, и ты будешь моимъ кумомъ. Въ назначенный день пришла Смерть в крещеніе было совершено. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однажды навѣстить своего крестнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву, которая тамъ росла, и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крестнаго. Я сдѣлаю тебя славнымъ лѣкаремъ. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты меня увидишь: если буду я стоять въ ногахъ больнаго, то смѣло говори, что можешь его вылечить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ. Но если стану я у ногъ больнаго — онъ мой! ¹⁾ Тогда долженъ ты сказать, что всякая помощь будетъ напрасна и что никакое лѣкарство въ мірѣ не въ силахъ его спасти». Въ короткое время повсюду

¹⁾ Въ русской легендѣ наоборотъ: если Смерть станетъ въ ногахъ больнаго — онъ выздоровѣетъ, а если въ головахъ — то умретъ. Тоже и въ разсказѣ, записанномъ г. Максимовичемъ, о мужикѣ и Смерти (смотри ниже).

разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стóитъ только взглянуть на больного чтобы навѣрно узнать, будетъ ли онъ снова здоровъ или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ. Между тѣмъ случилось заболѣть королю. Призвали лѣкаря и спросили, возможно ли выздоровленіе? Когда явился онъ у постели больного, Смерть стояла въ ногахъ и никакое снадобье не могло ему пособить. «Нельзя ли мнѣ хоть однажды перехитрить Смерть? подумалъ лѣкаръ; конечно, ей не понравится; но вѣдь я недаромъ ей крестникъ, и она вѣрно посмотритъ на это сквозь пальцы; дай, попробую.» Онъ приподнялъ короля и уложилъ такъ, что Смерть очутилась въ головахъ больного; тотчасъ далъ ему травы, и король возсталъ совершенно-исцѣленный. Смерть подошла къ лѣкарю, лицо ея было мрачно и гнѣвно, она погрозила пальцемъ и сказала: «ты обманулъ меня, на этотъ разъ я тебя прощаю, потому что ты мой крестникъ; но берегись! Если попробуешь въ другой разъ сдѣлать тоже — я возьму тебя самого!»

Вскорѣ послѣ того заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь онъ плакалъ, и повсюду приказалъ объявлять кто спасетъ королевну отъ смерти, тотъ будетъ ея мужемъ и наследуетъ все царство. Лѣкаръ явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевны. Ему припомнилось было, какъ предостерегалъ его крестной отецъ; но изумительная красота королевны к счастью быть ея мужемъ разсѣяли всѣ опасенія. Онъ не видѣлъ что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды и грозила пальцемъ, приподнялъ больную и положилъ ногами къ изголовью, далъ ей травы — и въ ту-жъ минуту на щекахъ ея показался румянецъ и жизнь воротилась къ ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь твоя очередь настала»; ухватила его своей ле-

дяною рукою такъ крѣпко, что онъ не могъ противиться, и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ и большихъ, и наполовину сгорѣвшихъ, и малыхъ. Въ каждое мгновенье однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть это горятъ человѣческія жизни. Большія свѣчи принадлежатъ дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малые старикамъ. Но часто бываетъ, что и дѣти и юноши надѣляются небольшою свѣчою.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть. «вотъ, смотри!» — «Ахъ милой крѣстной!» сказалъ устрешенный лѣкарь, зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнью, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть: прежде, нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу — такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, взяла новую большую свѣчу, по приставляя къ ней старый огарокъ, нарочно, изъ мщенія, его уронила: пламя погасло, и въ ту-жъ минуту лѣкарь упалъ на-земь и сдѣлался добычею смерти. (См. также *Deutsche Hausmärchen*, von J. W. Wolf, стр. 365: «Das Schloss des Todes».)

Подобный-же рассказъ извѣстенъ и у венгровъ (см. *Ungarische Volksmärchen. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier* стр. 30 — 33); только конецъ другой. Смерть креститъ у одного бѣдняка новорожденнаго младенца; подпивши на крестинахъ и развеселясь, она надѣляетъ своего кума чудесною силою исцѣ-

лять больныхъ, хотябъ они были при самомъ послѣднемъ издыханіи: стѣитъ только ему коснуться постели умирающаго или стать предъ его кроватью — и больной тотчасъ выздоровѣетъ, самъ-же онъ долженъ умереть тогда, когда скажетъ *аминь*. Превжній бѣднякъ дѣлается лѣкаремъ и скоро богатѣетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вздумалъ онъ навѣститъ Смерть. Только что поѣхалъ въ путь, какъ встрѣтилъ плачущаго ребенка; онъ взялъ его къ себѣ и спросилъ: о чемъ ты плачешь? «Ахъ, сказала дитя, какъ мнѣ не плакать? отецъ прибилъ меня—за то, что я не знаю въ молитвѣ одного слова.» — Какое-жъ это слово? Отче нашъ? «Нѣтъ, не то!» Лѣкаръ проговорилъ всю молитву до самаго конца, но отвѣтъ былъ одинъ. «нѣтъ, не то!» — Такъ вѣрно: аминь? сказалъ онъ наконецъ. «Да, сказала Смерть (это она явилась въ видѣ плачущаго ребенка); да аминь!... и тебѣ, кумъ, аминь!» И онъ тутъ-же умеръ; сыновья его раздѣлили между собой все богатство, и если не померли, то до сихъ поръ здравствуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Г. Максимовичъ записалъ русскій народный разсказъ о мужикѣ и Смерти, въ которомъ тоже самое содержаніе, но обстановка и подробности другія (см. Три сказки и одна побасенка, Кіевъ, въ типогр. О. Гликсберга, 1845, стр. 45 — 48): «Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ. — Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась — и стала изъ нея Смерть. Съ испугу онъ заманился на нее косою. Постой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь, я тебя сдѣлаю лѣкаремъ; только смотри. берись лѣчить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылѣчивать непременно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отказывайся. — Сказавъ это, Смерть пропала.» Пошелъ мужикъ въ Москву, и принялся лѣчить:

за кого ни возьмется, какъ рукой болванъ сниметь! Пронеслась объ немъ слава, отъ больныхъ отбою нѣтъ; разбогатѣлъ онъ и зажилъ въ каменномъ домѣ. «Одинъ разъ зояуть его къ богатому купцу. Приходитъ онъ; видитъ, что Смерть въ головахъ, и не берется лѣчить. — Сдѣлай милость полѣчи! что хочешь возьми. . . — Право не могу! — Вотъ тебѣ сейчасъ пятьсотъ рублей, а вылѣчишь, дамъ пять тысячъ — вотъ и вексель! — Пять тысячъ денеги! думаетъ мужикъ; дай попытаюсь! . . . Далъ своего снадобья и ушелъ до-завтра. Только что принялъ больной лѣкарство, какъ тутъ-же и духъ вовѣ. На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лѣчить; только ужъ его самого тамъ попользовали, да такъ ловко, что къ вечеру онъ слегъ въ постелю. Оглянется — а Смерть у него въ головахъ. Плохо дѣло! думаетъ мужикъ; какъ быть? и говоритъ своимъ: яelowно что-то лежать мнѣ; положите-ка меня къ изголовью ногами. Переложили его; глядитъ онъ: Смерть все въ головахъ. — Охъ, все неловко! говоритъ онъ; придвиньте-ка плотнѣе кровать къ стѣнѣ, да положите меня поперекъ. Повернули его и такъ; глядитъ, а Смерть все въ головахъ, и шепчетъ ему на ухо: полно, братъ! не отвертисься. . . Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на кладбище.» — См. еще въ Народн. славян. разсказахъ И. Боричевского (стр. 82 — 87) повѣсть объ одномъ скрягѣ.

17. ВИДѢНІЕ.

Поэтическому взгляду поселянина все въ природѣ представляется живымъ, одушевленнымъ: это отразилось въ тысячѣ различныхъ примѣтъ, сказалось въ заговорахъ и пѣсняхъ, запечатлѣлось въ самомъ языкѣ и преданіяхъ. Несобранныя съ нивы колосья просятъ его: «возьми и насъ съ собою!» Своѣ

еѣно, скошенное съ собственнаго дуга, стонетъ подъ гнетомъ чужаго, зазваченнаго съ сосѣдскаго участка. Изгородь, поставленная въ землю верхними концами, упрашиваетъ выдернуть ее и вбить въ землю нижними концами; по народному повѣрью, колья въ заборѣ должны стоять точно такъ, какъ стояли они, будучи живыми деревьями, т. е. корнемъ къ низу.

Соединяя съ крестнымъ знаменіемъ великую силу, прогоняющую нечистыхъ духовъ, простолюдинъ убѣжденъ, что им одно дѣло не слѣдуетъ начинать «не благословясь»; въ противномъ случаѣ не жди удачи (см. № 21 «Пустынникъ»). Если гдѣ страпуха готовить обѣдъ или ужинъ не благословясь, если гдѣ питье и ѣствы станятся на столъ безъ крестнаго знаменія, то въ этотъ домъ приходятъ черти, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, пляшутъ и поютъ сражыя пѣсни; къ благословенному же столу ни одинъ бѣсъ не можетъ приблизиться (см. № 20 «Пустынникъ и дьяволь»). Лубочная картина представляетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, ядушихъ со благодареніемъ: ангелъ Господень предстоитъ имъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, Христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощуновъ, скверноглаголющихъ, ядушихъ безъ благословенія. ангелъ Господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде — стоя плачетъ яко видить: бѣсы веселящеся съ яими». ¹⁾ Сосудовъ и кринѣкъ съ разными кушаньями и напитками не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражая сила не осквернила ихъ, если нечѣмъ покрыть, то должно перекрестить, или по крайней мѣрѣ положить сверху двѣ лучины *накрестъ*. Въ легендѣ, напечатанной подъ № 18 чортъ Потапъна влѣзаетъ въ опару, приготовленную безъ благословенія; въ другой легендѣ (№ 19) нечистый садится въ кувшинъ

¹⁾ См также Ѳтиографъ сборн , выпускъ 2, стр. 57.

съ водою, оставленный непокрытымъ. Между поселянами нашими ходитъ разсказъ объ одномъ мужикѣ, который подпалъ на свадьбѣ и былъ уведень чортомъ. Цѣлыхъ три года пропадалъ онъ бѣзъ вѣсти, да разъ какъ-то подъ праздникъ сошлось въ торговой банѣ бѣсовское сборище и мужика съ собой привело; давай пировать, плясать, пѣсни распѣвать! до того загулялись, что пѣтухи запѣли — и въ ту-жъ минуту сгинули всѣ черти. Остался одинъ мужикъ въ банѣ, началъ онъ стучать въ двери и насилу достучался, чтобъ отперли. Сторожѣ выпустили его изъ бани, смотрятъ—мужикъ весь въ лохмотьяхъ, чуть не голой вышелъ: такъ обносился! И длаются всѣ, какъ попалъ онъ въ баню; стали его распрашивать. Мужикъ разсказалъ, что цѣлые три года таскался съ чертями по разнымъ мѣстамъ: «гдѣ свадьба, или какой праздникъ, тамъ и нечистые завсегда; придутъ и засядутъ на печкѣ, а какъ стануть хозяева подавать на столъ неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды наладутъ на блюдо всякой погани. Тоже самое и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ не благословясь — они до-чиста опорожнятъ посудину да и нальютъ туда чего хуже не выдумаешь!»

19. ПОВЪЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ подъ № 20, с («Пустыяникъ и дьяволъ»). Источникомъ этой легенды послужило известное сказаніе «о великомъ святителѣ, о Иванѣ, архіепископѣ Великаго Новаграда, како былъ единой нощи изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градъ и пакы възвратися», зане-

сенное въ четы-шнней и во многіе старинныя сборники жгтій ¹⁾).

Перейдя въ область народной литературы, сказаніе это, безъ сомнѣнія должно было подчиниться различнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; въ устахъ народа появилось оно во множествѣ варіантовъ, далеко отступающихъ отъ своего первоначальнаго источника, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ своими характеристическими подробностями. Вотъ одинъ изъ этихъ варіантовъ (изъ собранія сказокъ В. И. Даля):

Въ старые годы, когда и черти не прочь были учиться по-солдатски: маршировать и ружьемъ выкидывать, былъ-жилъ въ Питерѣ солдатъ, смѣлой да бойкой! Служилъ онъ ни хорошо, ни худо; на дѣло не напрашивался, отъ бездѣлья не отказывался. Вотъ досталось ему однажды стоять на часахъ въ Галерномъ портѣ и какъ нарочно въ самую полночь. Пошелъ онъ съ Богомъ, перекрестясь, и смѣнялъ товарища; стойтъ себѣ, да отъ нечего дѣлать выкидываетъ ружьемъ на крауль. Глядь—идеть къ нему печистой; солдатъ не сробѣлъ, а хотя бѣ и струсилъ, такъ чтожъ дѣлать? отъ чорга не въ воду! «Здорово, служба!» говоритъ чортъ. «Здравія желаю!»—Поучи, пожалуста, меня на-крауль выкидывать; долго приглядываюсь, а никакъ понять не смогу. «Прячой ты чортъ! сказалъ солдатъ; да гдѣ-же тебѣ понять-то? Я вотъ десять лѣтъ служу, и нашивку имѣю — а всё еще учуся ²⁾); ужь и колотушекъ перенесъ не одну тысячу! А ты хочешь одной наглядкою взять. Нѣтъ, братъ, ужь это больно-скоро да и дешево!» — Поучи, служивой! «Пожалуй; только за что самъ ку-

¹⁾ Рукописи славянск. и росск., принадлеж. почетному гражданину И. Н. Царскому, разобраны и описаны П. Строевымъ. стр. 434.

²⁾ Между русскими солдатами ходитъ разсказъ о томъ, какъ Никола-угодникъ прогнѣвался за что-то на нихъ и сказалъ. «вѣкъ вы будете учиться, и не вычитесь, вѣкъ вы будете чиститься, и не вычиститесь!»

шилъ, за то и твоѣ продашь.» Поставилъ солдатъ чорта во фронтъ, и для почину какъ свиснетъ его во всю мочь прикладомъ по затылку, ажно пошатнулся нечистой. «А! такъ ты еще нагибаешься во фронтъ!» и давай его лупить по чѣмъ попало; отсчиталъ ударовъ десять, и видитъ, что чортъ только вожками подергиваетъ, а кричать совсѣмъ пересталъ.. «Ну, говоритъ, ступай теперь! на первой разъ довольно будетъ. Хоть миѣ и жаль тебя, да что дѣлать? безъ того нельзя. Самъ вѣдаешь, служба всего выше, а во фронтъ братъ, нѣту родни!» Тошнѣхонекъ пришелся чорту первой урокъ; но солдатъ говоритъ, что безъ мѣки не бываетъ науки; стало быть — такъ надо ему лучше знать! Поблагодарилъ чортъ за ученье, далъ солдату десять золотыхъ и ушелъ. «Эка! думаетъ солдатъ; жалко, что мало билъ! то ли дѣло, кабы разовъ двадцать ударилъ: глядишь, онъ бы двадцать золотыхъ далъ!»

Ровно черезъ недѣлю досталось солдату опять стоять на часахъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Стоитъ онъ, выкидываетъ ружьемъ разные приемы, а на умѣ держитъ: «ну, коли теперь явится нечистой, ужь я свое наверстаю!» Въ полночь откуда не взялся — приходитъ нечистой. «Здравствуй, служба!» — Здорово, братъ! зачѣмъ пришелъ? «Какъ зачѣмъ? учиться.» — То то и есть! а то хотѣлъ съ-разу все захватить! Нѣтъ, дружище, скоро дѣлаютъ, такъ слѣвые родятся... Становись во фронтъ! командуетъ солдатъ; грудь впередъ, брюхо подбери, глаза въ начальство уставь! Долго возился онъ съ чортомъ, много надалъ ему тузановъ и колотушекъ, и таки выучилъ нечистаго дѣлать ружьемъ: и на-плечо, и къ-ногъ, и на-краулъ «Ну, говоритъ, теперь ты хоть къ самому сатанѣ на ординарцы, такъ и то не ударишь лицомъ въ грязь! только развѣ въ томъ маленькая фальшь будетъ, что хвостъ у тебя назади великъ. Ну-ка, повернись излѣво кругомъ!» Нечистой повернулся, а солдатъ вынулъ изъ

кармана шейной крестикъ да потихоньку и нацѣпиль на чорта. Какъ зашрыгаетъ чортъ, какъ закричитъ благимъ матомъ! «А что, развѣ это вамъ чертямъ не по-нутру?» спрашиваетъ солдатъ. Чортъ видитъ, что въ просакъ попался, давай сулить солдату и серебра, и золота, и всякаго богатства. Солдаты не прочь отъ денегъ, и вельмѣ притащить ни мало, ни много—цѣлой возъ. Въ минуту все было готово: чортъ притащилъ цѣлой ворохъ денегъ, солдатъ спряталъ ихъ въ оврагъ и закрестилъ; «а то, говоритъ, вы, бѣсовская сволочь! нашего брата православнаго только обманываете, вмѣсто золота уголье насыпаете!»¹⁾ — Чтожъ, служивой! молитъ бѣсъ, отпусти меня. сними свой крестикъ. «Нѣтъ, братъ, погоди! Деньги деньгами, а ты сослужи мнѣ и другую службу. Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ не былъ я дома, а тамъ у меня жена и дѣтки остались; смерть хочется побывать на родинѣ да на своихъ посмотрѣть. Свози-ка меня домой; я, братъ, не изъ дальнихъ—изъ иркутской губерніи. Какъ свозишь, тогда и крестъ сниму!» Чортъ поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошелъ солдатъ къ начальству, отпросился на два дня погулять (я были тогда праздники), и сейчасъ-же къ нечистому: усѣлся на него верхомъ и крѣпко-крѣпко ухватился за рога. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесется—словно молнія! Солдаты только посматриваютъ, какъ мелькаютъ передъ нимъ города и села. «ай-да молодецъ! люблю за прыть!» И не успѣлъ еще проговорить всего глядь—ужъ и пріѣхалъ. Слѣзъ солдатъ съ чорта: «спасибо, говоритъ; вотъ удружилъ, такъ удружилъ! Ступай теиерь, куда знаешь, а завтра на ночь при-

¹⁾ См. интересный рассказъ о превращеніи горячихъ угольевъ въ золото на свѣтлыи праздникъ—въ «Картинахъ русскаго быта» В. И. Дали (Отечѣств. Зап. 1857, № 10, стр. 430—434). Объясненіе этого преданія можно найти въ статьѣ моей о мифической связи понятій: свѣта, зрѣнія, металовъ и проч. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2)

ходи: назадъ поѣдемъ». Прогоотилъ, прошировалъ солдатъ цѣлыхъ два дни, а къ ночи попрощался съ родными, и воротился на чортъ въ Питеръ какъ-разъ въ срокъ. И вить какъ измучилъ нечистаго! чуть-чуть рогъ ему не обломалъ! Снялъ онъ съ него крестъ и не успѣлъ еще въ карманъ спрятать, глядь — а ужъ чорта нѣтъ! и слѣдъ простылъ! Съ той самой поры и не видалъ солдатъ чорта, забралъ онъ бѣсовскія деньги и зажилъ себѣ припѣваючи.

Есть еще другая сказка о томъ, какъ чортъ выучился маршировать и выдѣлывать ружьемъ всякія шгуки, и пошелъ на ниматься въ солдаты. Одинъ бѣдной мужикъ заложилъ ему свою душу и поставилъ его замѣсто себя въ рекруты. Плохо пришлось дьяволу, одиѣхъ палокъ сколько обломали объ его спину, а тутъ еще бѣлые ремни носи на-крестъ: просто, хотъ удавиться! Крѣпился-крѣпился, не выдержалъ и бѣжалъ со службы, не польстился и на душу.

Въ приведенномъ нами разсказѣ, равно какъ и въ легендѣ «Солдаты и Смерть», въ яркихъ чертахъ выступаетъ народный юморъ, чтò по нашему мнѣнію придаетъ имъ особенно-живой интересъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистой духъ, преобладаетъ шуточно-сатирической тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочныхъ героевъ. то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ; то понадеваетъ онъ подъ кузвечные молоты то обмѣриваетъ его мужикъ на цѣлые груды золота.

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

См. въ *Kinder und Hausmärchen*, ч. II, стр 85. — Передаемъ еще одинъ разсказъ о труженникѣ и демонѣ соблазнителѣ.

Жилъ въ лѣсу труженникъ, тридцать лѣтъ трудился онъ Богу, и сколько не старалась нечистая сила—никакъ не могла его смутить. Стали черти промежь себя думать, чтобы такое ему сдѣлать: думали-думали, и вотъ какъ ухитрились. Оборотился одинъ нечистой странникомъ и пошелъ мимо кельи труженника, а другой ему на встрѣчу, напалъ на него словно разбойникъ и давай душить. Труженникъ услышалъ шумъ и крики, схватилъ топоръ и бросился на помощь; только глядь: пустился разбойникъ бѣжать отъ него въ сторону, а другой чортъ, что былъ странникомъ, лежитъ да охаетъ, едва духъ переводить. «Помоги, умоляетъ, доброй человекъ! возьми въ свою келью, пока съ силами соберуся. Совсѣмъ было задушилъ окаяннѣй!» Взялъ его труженникъ въ свою келью; пожилъ нечистой день и два, и говоритъ старцу: «спасѣяное твое дѣло! много въ немъ благодати! Хочется и мнѣ потрудиться; оставлю жену и дѣтей и пойду къ тебѣ подъ начало». Вотъ стали они вмѣстѣ трудиться, дни и ночи стоятъ на коленяхъ и клалутъ поклоны. Еще старецъ иной разъ устанетъ и вздремнетъ, а новой труженникъ совсѣмъ не знаетъ устали. Прошло сколько-то времени, и сталъ нечистой говорить старцу: «не добро намъ вмѣстѣ трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или другъ дружку осулишь. Давай, перегордимъ келью на-двое и станемъ жить всякой въ своей половинѣ». Такъ и сдѣлали. Разъ какъ-то захотѣлось старику посмотреть, что дѣлается у сосѣда; крѣпился онъ, крѣпился, и не выдержалъ. Взлѣзъ на перегородку и просунулъ голову, смотритъ: стоятъ на столѣ бутылки съ виномъ и разныя скоромныя ѣствы, а за столомъ сидитъ чудная-чудная красавица «А такъ ты за мной подсматривать! сказалъ нечистой; схватилъ его за бороду и перетасилъ на свою сторону.» Выбирай теперь любое за свою провинность: хочешь—вина выпей, или мяса съѣшь; хочешь—блудъ сотвори. А не то, братъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ

у меня коротка расправа!» Какъ быть? думаетъ старецъ; что мнѣ сдѣлать? Если мяса съѣмъ—теперь постъ, будетъ большой грѣхъ; если блудъ сотворю—грѣшнѣе того будетъ; выпью лучше я вина. Выпилъ одинъ стаканъ, и самъ не знаетъ, отъ чего я вдругъ повеселѣлъ; а чортъ ужь другой ему подставляетъ. Выпилъ и другой, и третій, и забылъ про свое спасеніе: наѣлся скоромнаго и блудъ сотворилъ. «Пойдемъ теперь воровать! говоритъ нечистой. За-одно ужь грѣшить; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!» Пошли почью въ деревню, залѣзли въ кладовую, и ну забирать что подъ руку попало. Чортъ нарочно какъ застучитъ: такого грохоту надѣлалъ, что хозяева проснулись, тотчасъ схватили старика и посадили его въ тюрьму. А чортъ въ ту-жъ минуту невѣдомо куда пропалъ. На утро собрался народъ и присудилъ повѣсить вора: «втихъ старцевъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только воровать въ кѣтъ забраться!» Привели вора на базарную площадь, встали на висѣлицу и накинули петлю на шею; вдругъ откуда не взялся нечистой, сталъ къ нему подъ ноги и пачалъ его поддерживать. «Что, спрашиваетъ, небось испугался?»—Какъ не испугаться! говоритъ старецъ; смерть моя приходитъ «А ну, посмотри, не увидишь ли него?» — Вижу: обозъ идетъ «А великъ?» — Да такъ великъ, что одинъ конецъ ужь давно проѣхалъ, а другаго еще и не видать! «Съ чѣмъ обозъ?» — Со старыми, дырчавыми лаптями. «Это, братъ, тѣ самые лапти, что мы оттоптали въ трудахъ и хлопотахъ, чтобы какъ-нибудь тебя смутить. Не видишь ли еще чего?»—Вижу: болото огнемъ горитъ, а въ огнѣ бутлы кипятъ. «Тамъ и мы съ тобой будемъ жать!» сказалъ дьяволъ и столкнулъ старца съ своихъ плечъ. Такъ и погибъ онъ на висѣлицѣ смертію грѣшника —(Изъ собранія В. И. Даля.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКЪ.

Въ собраніи рукописей Царскаго, въ сборникѣ начала XVIII вѣка, находится между прочимъ: «Слово рѣчемо о бражникѣ, како вниде въ рай Божій» (начало: «Бѣ нѣкій челоуѣкъ бражникъ, пьющъ въ праздники Господня до объда, а за всякимъ ковшемъ Господа Бога прославляя») ¹⁾. Легенда эта живетъ и въ устахъ народа. Одинъ рассказчикъ такъ передавалъ намъ прѣніе бражника съ апостоломъ Петромъ: пришелъ бражникъ къ райскимъ вратамъ, у которыхъ стоялъ съ ключами апостоль Петръ. «Пусти меня въ рай!» — Нельзя, говоритъ апостоль, ты пьяница. «Не стыдно-ль тебѣ говорить это? Ты самъ отрекался отъ Господа, а вотъ теперь по милости его держишь ключи отъ рая.» — См. также «Русскую Бесѣду» 1859 г., № 6.

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій. Она представляетъ весьма близкій вариантъ «Приклада о гордомъ цесарѣ Евниаѣ» (въ русскошъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній») ²⁾. Въ народѣ повѣсть эта рассказывается въ такомъ видѣ:

¹⁾ Рукописи славян и русс. И. Н. Царскаго, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 552.

²⁾ Ibidem, стр. 496, 610. Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 185, 196—7. Равнымъ образомъ и легенда о царевичѣ Евстафій (№ 23) носятъ на себѣ слѣды книжнаго происхожденія.

ГОРДЫЙ БОГАЧЪ.

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ панъ, такой богатой, что карбованцы мѣрялъ коробами, золото четвериками, а въ мѣдныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земли, лѣсовъ, покосовъ—нечего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая-жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ бѣднякъ насъ грѣшныхъ: а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой силой. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ изъ церкви Божіей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зячѣшь туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотреть, что такое тамъ дѣется, и вотъ на праздникъ Господень пошелъ панъ вмѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглядываютъ по сторонамъ да хохочутъ. Сталъ дьяконъ читать: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ...»—какъ бѣжитъ къ нему панъ, вырвалъ изъ рукъ книгу и хватъ дьякона по лыснѣ: «какъ смѣешь ты, дурень, такія слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взалкать? Ахъ ты, кутейникъ! погоди жъ, я тебѣ покажу, какъ мадо мною смѣяться!. Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такія рѣчи, то и такъ поподчюю теби на конюшнѣ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь! Подай чернилицу». Дьяконъ не живъ, не мертвъ со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а попь въ олтарѣ спрятался и тресется бѣдненькой словно въ лихорадкѣ. Принесъ дьяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучь! говорить панъ, что зямараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялась буря, молнія поминутно блещетъ, громъ все сильпѣй и саль-

вѣе, а потомъ какъ ударить—Господи; твоя воля! — всѣ, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились на полъ. Только панъ съ панею стоитъ да хохочутъ. Прибѣжалъ староста: «бѣдя! говоритъ, господской домъ горитъ!» Принялись тушить; да итъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все начисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станетъ дьяконъ читать въ церкви и только дойдетъ до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ, — всякой разъ, откуда что возьметсѣ, загремитъ да и загремитъ на небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собрали народу — человекъ съ двѣсти будетъ, да и собакъ столько-же. Сѣли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисицъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся-бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летитъ на конѣ, а звѣрь еще быстрее ¹⁾). Вотъ близко, вотъ нагонитъ, не тутъ-то было! Уже и полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — а онъ все гонится за краснымъ звѣремъ. Настала черная ночь, въ лѣсу хоть глазъ выколи — ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, не откликнутся-ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумитъ. Затрубилъ въ другой и въ третій разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторяетъ: тру-тру-тру! Ёдетъ панъ дальше; уже слыется ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудравыя шумятъ верхушками. Уже

¹⁾ *Вариантъ:* Пустилъ панъ стрѣлу — мимо, пустилъ другую — не попала, пустилъ третью — и та не угодила. Поскакалъ онъ за звѣремъ быстро несется на конѣ ..

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ едва на конѣ сидитъ. Вдругъ блеснулъ огонёкъ. Памъ снова заигралъ въ трубу, чтобъ вышли къ нему на встрѣчу, коли есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и съдѣлалось. Выскочили изъ-за деревьевъ человекъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снопъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голый, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся. вокругъ огня сидятъ разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Чтожь вы, сволочь, бариша не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай подчинать его батогами. «Полно! снова заревѣлъ атаманъ: отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; памъ онъ больше не пуженъ, а волкамъ пригодится: лакомой будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоятъ панъ сутым, стоятъ и другіе — нѣтъ мочи терпѣть: внутри огнемъ палитъ, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покантаться; на умѣ одно держитъ: какъ ворочусь домой, сейчасъ-же соберу крестьянъ и пойду душить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!

Недалеко отъ Волчей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ пастухи и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобъ усѣсться самими подъ сосною и плестъ въ холодку ланги. Какъ-же они удивились! стоятъ у сосны голый человекъ, по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говоритъ одинъ пастухъ, посмотри-ка: человекъ привязая въ чемъ мать породила, и весь-то избитой, весь-то въ крови! Пойдемъ, отвяжемъ его, можетъ, еще живъ!» — Чтожь? отвяжемъ, говоритъ другой. Съ этимъ словомъ

они подошли къ соснѣ и расцуптали веревки. Панъ то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ. «эй, ты молодецъ! сними-на свою сермягу да подай сюда. Хоть твой нарядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодня, съ кѣмъ вы дѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ!... Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на барина: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человекъ, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; и тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одѣжѣ. «Ахъ ты, хамское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину?... Вотъ я вясъ! дайте до дому добраться.» Раслодился панъ, и пу тащить съ пастуха свитку (верхняя долгополая одежда). «Такъ вотъ оно что! сказалъ пастухъ; тебя съ привязи спустили, а ты и кусаться лѣзешь! Вотъ-же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою (квучомъ). Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ: шлѣпъ да шлѣпъ, шлѣпъ да шлѣпъ. Канъ припустилъ панъ въ сторону, откуда ноги взялись. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ ни выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идутъ старцы (пищѣ, странники). Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостинной. Дорбогою онъ рассказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатитъ своимъ обидчикамъ и какъ наградитъ старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы(мѣшки) стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскіе хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь! сказалъ панъ; развѣ не видите, хамы! что вашъ господинъ идетъ?» — Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ! «Врѣте, ускоты! и — вашъ панъ!»

— Ну, братъ, погоди маленько! Панъ полѣзъ было драться, да куда! схватили его за руки и повели къ пани. Какъ услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ей мужемъ, разгнѣвалась и приказала высѣчь его плетьюми и зарыть живаго въ землю. Что ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а схоронили его заживо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обнищаютъ и взапкаютъ», и при чтеньи дьякова уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Та-же мысль, которая дала содержаніе настоящей легендѣ, выражена я во многихъ духовныхъ стихахъ (см. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 183—5 208 и 211):

Ссылаеть Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
 По его по душеньку по Лазареву.
 Вынимали душеньку честно и хвально,
 Честно и хвально въ сахарны уста;
 Да приняла душу на пелену,
 Да вознесли же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
 Страшныхъ грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его по душу по богачёву;
 Вынули его душеньку не честно, не хвально,
 Не честно, не хвально, скрозь рёберъ его.
 Да вознесли-же душу вельми высоко,
 Да ввергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоё злую муку, въ геенскій огонь

27. КУМОВА КРОВАТЬ. — 28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

Подробности, истрѣчаемыя въ этихъ двухъ легендахъ, нерѣдко соединяются въ одинъ рассказъ: грѣшникъ, устрешенный тѣмъ орненнымъ ложемъ, которое ожидаетъ его по смерти и о которомъ упоминаетъ первая легенда, предается покаянію и подвергаетъ себя той трудной эпитимьѣ, о которой читаемъ во второй легендѣ. Таковы редакція польская и литовская на которыя сейчасъ будетъ указано; но прежде приведемъ бѣлорусской вариантъ:

Быу панъ и пани. Гэтыі панъ вѣкау дарогой и заблудзюу у лѣсѣ. Заблудзюу у лѣсѣ и споткаусе (встрѣтился) съ чортъ, и иросе ягò, кабъ јонъ показау яму дарогу. Той чортъ сказау яму: «дай миѣ на письмѣ, што у дванадцаць годоу оддася миѣ то. чаго дома не покидау.» Јонъ дау картачку (письмо, росписку). Пріѣхау панъ дамоу, ажъ ягò жонка родзила сына. Ну, дыкъ той панъ узяуся за талаву, што у дванадцаць лѣтъ треба аддаць сына у пекла (адъ). Якъ пришло время, сынъ и каже «я пайду у пекла, кабъ чортъ аддау миѣ тую картачку, што бацька дау яму.» Узяу јонъ вады свящонай и ксѣвшку (книжку — здѣсь разумѣется. евангеліе), и приходзе до пекла, и зачау той вадой свящаницы. Ажъ выходзе чортъ, пытаетца, хто тутъ такіі? Јонъ каже «я иду по тую картачку, што ты узяу у бацьки.» Дыкъ яны и аддали яму сказаи: идзи сабѣ! Јонъ идзе дамоу пиразь (черезъ) лѣсѣ, ажъ у тымъ лѣсѣ стонць хатка, а у тэй хатцѣ разбойникъ. Пытаетца разбойникъ «гдзѣ ты быу?» Јонъ кажець яму «у пеклѣ». Гэтой разбойникъ каже яму: «верниси изноу у пекла, пытайсе тамъ, што миѣ будзе, што я цѣлый вѣкъ усѣ людзей рѣжу.» Јонъ стау з' нимъ сиратца (спорить): «не пайду у пекла!» — Якъ ты не пайдзешъ? я усижъ людзей бью, дыкъ

и тебе забью, коли не пайдзешь. Ну, јонъ пашоу у пекла изноу и пытаетца, што гэтому разбойнику будзе, што јонъ людзей рѣже? Черти сказали яму: «якъ јонъ людзей рѣже, такъ и ягѠ рѣзаць будуць». Јонъ вернуусе съ пекла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: «якъ ты людзей рѣзау, такъ и тебе рѣзаць будуць!» Дыкъ јонъ просе выпавдаць ягѠ. Той мальчикъ каже: «я не кеѣндзъ (священникъ) тебе спавдаць». — Коли не будзешь спавдаць, я тебе зарѣжу! Ну, јонъ зачау спавдаць ягѠ. Разбойникъ каже, набъ цокуту (эпитимья, покаяніе) задау. Јонъ пашоу у лѣсъ з' нимъ, знашоу сухую яблыну и кажець: носи съ своей хатци воду у губѣ (во рту) на колѣняхъ и поливай яе, ажъ поки яна ни отживецъ и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забжу, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька олдау ягѠ учитца, јонъ выучиуса и высвнциуса на кеѣндза (посвятился въ попы). Ёдзе јонъ дамоу са шкоды празъ той лѣсъ, идзѣ быу разбойникъ, и чуе — яблыки пахнуць; стау шукаць (искать), и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за цокуту поливаць, — ажъ подъ той яблыной ляжиць умершій разбойникъ. Јонъ узяу ягѠ, павѣзъ съ собой и сховау (схоронилъ) подъ церковой.

Г. Кулишъ внесъ малороссійскій варіантъ этой легенды въ сказаніе о странствованіи по тому свѣту (Записки о южной Руси, т. 1, стр. 309—111): Былъ гайдамака, долго грабилъ онъ народъ, убивалъ старого и малаго, а послѣ одумался, пошелъ исповѣдаться; ни одинъ попъ не рѣшился наложить на него очистительной эпитимьи. «Дали почуѣвъ, що есть десь такой піпъ, що ще малѣнькимъ батько продавъ ёго нечистому, за те, що помігъ у дорозі вѣрятовати вѣзя съ калюжи; такъ вінъ и въ пеклі вже бувъ... Идѣ, ажъ той піпъ и иде ёму назустрічь. Питаетца: чи ти бѣвъ у пеклі? — Бувъ. — А чи бачивъ же ти тамъ мою дѣшу? — Бачивъ. — Щѣжъ

вона тамъ рѣбить? — Гадъ рукамі зъ ѧми до ѧми нѣситъ, а чортї остами її поганяють». Сталь каяться гайдамака, тридцать лѣтъ трудился онъ — и выросла яблоня, на ней все серебряныя яблоки, а два золотыхъ. Приѣхалъ попъ. «Ну, каже, трусей! Струснѣвъ гайдамака яблуню — усі серібні яблуска обсыпались, а двѣ золотыхъ висѣть... — Оцѣ-жъ твої два грѣхи висѣть, що ти отця ѧ матеръ убивъ!» Такъ и умеръ гайдамака, непрощенный въ этихъ двухъ грѣхахъ, и мучится онъ на томъ свѣтѣ горше всехъ другихъ грѣшниковъ «усімъ бѣде колѣсь пѣльга, а ёму не бѣде!»

Въ польскомъ народномъ разсказѣ о разбойникѣ Мадей (Повѣсти и преданія народовъ славян. племени, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—135) и въ литовскомъ о студентѣ, который ходилъ на небо и въ адъ (*Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Weimar, 1857 г., стр. 75—79*), покаяніе грѣшника не остается неслышаннымъ, и Господь прощаетъ ему все тяжкія преступленія. Разбойника ожидала на томъ свѣтѣ страшная постель: раскаленная рѣшетка, вся изъ иглъ, острыхъ ножей и бритвъ; снизу пылалъ неугасимый огонь, сверху капала горящая сѣра. Ужаснулся Мадей и обрекъ себя на трудное покаяніе: воткнулъ въ землю свою убійственную палицу и преклонилъ колѣна, съ обѣтомъ — не сходить съ мѣста, пока не получитъ отъ Бога прощенія. Прошло много, много времени: изъ палицы выросла яблоня, разцвѣла и дала обильные плоды. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей узналъ въ немъ того самаго мальчика, который нѣкогда ходилъ въ адъ, и умолялъ его дать ему разрѣшеніе грѣховъ. Въ то время, какъ исповѣдывалъ онъ свои старые грѣхи, — яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и уносились на небо. «Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго онъ за-

мучилъ страшнымъ образомъ; но боялся признаться въ беззаконіи. Наконецъ Господь услышалъ исповѣдь сокрушеннаго сердца. Яблочко мгновенно превратилось въ сизаго голубя, который исчезъ въ слѣдъ за другими.» См. также *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 176—8. Это преданіе о превращеніи душъ, убитыхъ Мадеемъ, въ голубей тѣсно связано съ древне языческимъ представленіемъ души человѣческой въ образѣ птицы, о чемъ подробнѣе смотри въ статьѣ моей, помѣщенной въ приготавливаемомъ г. Калачовымъ 3-мъ томѣ Архива историко юридич. свѣдѣній о Россіи ¹⁾).

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Въ народныхъ стихахъ и легендахъ пьянству произносится строгое осужденіе, какъ такому пороку, который потемняетъ неловѣку разумъ и вызываетъ его на всевозможные грѣхи и преступленія. По свидѣтельству напечатанныхъ нами легендъ и лубочныхъ картинъ пьяницы пойдутъ въ муку вѣчную, и вмѣстѣ съ сатаною будутъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. «Нѣкоторый человѣкъ пьяница (читаемъ подъ однимъ лубочнымъ изображеніемъ) пропился на кружалѣ до нага и рече: не знаю что пропить! аще бы былъ купецъ, продалъ бы душу свою. И приде къ нему діаволь во образѣ человѣческомъ, и рече ему: что, человѣче, думаеши?—А то я думаю: не знаю что съ себя пропить! аще бы купецъ—продалъ бы душу свою. И даде діаволь ему денегъ. Пьяница сълъ и началъ пити, не помышляше о душѣ своей. И приближися вечеръ. Тогда

¹⁾ Въ Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности (СПБ., 1832 г., изд. 2-е, стр. 299—345) народная легенда о кающемся разбойникѣ передѣлана г. Олинынь въ повѣсть, но весьма неудачно.

рече дiаволь: аще кто купитъ коня, подобаетъ ему взяти и узду. А вы, сторонніе люди!—свидѣтели. купилъ азъ у сего челоувѣка душу, то подобаетъ взяти мнѣ и тѣло. И нападе на людей страхъ велий. Дiаволь же взялъ пiяницу и потащилъ во адъ на мѹку вѣчную». ¹⁾ На опойцахъ черти возятъ на томъ свѣтѣ дрова и воду (см. № 27 «Кумова кровать»). Самая выдумка высиживать хлѣбное вино приписывается дьяволу. Въ сатирической «Повѣста о многоумномъ Хмѣлю» встрѣчаемъ слѣдующее преданіе: «Въ древнее время былъ челоувѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ челоувѣкахъ; люда же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхстѣлъ Господь скверну челоувѣческихъ дѣлъ очистити и сотворити потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Ную Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ную сотворити ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ тринадцать мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ... Дьяволь сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой? Она же сказала ему: крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны. Дьяволь же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вѣется по деревьямъ; имя ей хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напои, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаетъ. И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказалъ женѣ своей: жено! дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить. Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалялъ, и сказалъ: нѣтъ ли еще? Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена мачала его ласковыми словами спрашивать: куда, господнае мой, ходишь и что творишь? Ной и разсказалъ ей все... На утро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ

¹⁾ См. легенду «Пустыникъ» (№ 21) и другую лубячн. картину: «О пiанствѣ сказать безъ прихѣсу—отъ мастеровыхъ вдаласъ бѣсу».

плакать. И явился ему ангель Господень, и сказалъ ему не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ» ¹⁾. Въ сборникѣ Боричевскаго (Народ. слав. рассказы, стр. 167—182) находимъ любопытный бѣлорусской рассказъ такого содержания: жилъ-былъ бѣдной мужикъ, взялъ онъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику пообѣдать; хватъ—а хлѣба нѣту! «Чудное дѣло! сказалъ мужикъ; никого не видалъ, а краюшку кто-то унёсъ. А, на здоровье ему! авось съ голода не умру» Пришелъ чортъ въ пекло и рассказалъ обо всемъ на́большему дьяволу. Не понравилось сатанѣ что́ мужакъ не только не ругнулъ вора, а еще сказалъ ему на здоровье! И послалъ онъ назадъ чорта: «ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото—у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлѣбъ; въ мокрое, дождливое лѣто засѣялъ по отлогимъ горамъ—у другихъ все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за работу: давай затирать да вискиживать горькуху, и таки умудрился! Послѣ отъ него всё переняли дѣлать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по бѣлому свѣту!

Подобный-же рассказъ о происхожденіи хлѣбнаго ишна существуетъ и между татарами нижегородской губерніи, съ такимъ дополненіемъ: приготовляя вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисьей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Отъ того если человѣкъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у

¹⁾ Русск. Вѣстникъ 1856 г., № 13, стр. 21—23 (статья г. Буслаева). Сличи съ легендою о Ноѣ Праведномъ (№ 14). См также Очеркъ литерат. истории старинныхъ повѣстей и сказокъ, Пышина, стр. 204—5.

него гладенькой, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотрить; а много выпьетъ — сдѣлается у него свирѣпой, волчій нравъ; а еще больше выпьетъ—и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ.

Кромѣ того, поселяне наши отъ души вѣрятъ, что нечистой всегда подстерегаетъ пьинаго и готовъ затащить его въ болото или въ трущобу. Одному, напримѣръ, мужику случилось позднимъ вечеромъ ворочаться домой съ веселой пирушки. На встрѣчу ему незнакомой. «Здоровъ будь!»—Здравствуй! Слово за слово — «зайдемъ ко мнѣ, говорятъ встрѣчной, обогрѣемся и выпьемъ по чаркѣ, по другой.»—Отчего не выпить! Пришли. Взялся мужикъ за чарку, и только перекрестился — глядь! стоитъ по горло въ омутѣ, въ рукахъ колъ держитъ, а товарища какъ не бывало!

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Легенда эта распадается на двѣ части. Вторая ея половина, содержащая въ себѣ рассказъ о садовникѣ Иванѣ Шолудивомъ, есть не что иное, какъ вариантъ весьма распространенной въ народѣ сказки, героемъ которой является Незнайка. Первая же половина носитъ чисто-легендарный характеръ, и составляетъ отдѣльное цѣлое.—Въ собраніи В. И. Дала находится апокрифическая

НОВѢСТЬ О СЫНѢ КРЕСТНОМЪ, КАКО ГОСПОДЬ КРЕСТИЛЪ ШЛАДЕНЦА УБОГАГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ, живише нѣкій убогій челоуѣкъ во всякомъ убожествѣ, и по времени

¹⁾ Очевидно выписана изъ какого-нибудь рукописнаго сборника; но къ сожалѣнію свидѣній объ этой рукописи не сообщено.

жена его роди сына... Рече жена мужу своему: «иоди позови восприемника, кто-бъ крестилъ чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто-же къ нему не идетъ; скудости ради гнушаются. Онъ-же поиде въ домъ свой горько плакася, и встрѣте его нѣкоторый мужъ лицомъ свѣтелъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спросиша его: «чадо! что зло плачуши? повѣждь ми; азъ печаль твою нагѣчу и на радость приложу». Той-же рече ему: «како мнѣ не планати! родися у меня сынъ, не изыщу къ себѣ—кто-бъ былъ восприемникомъ и крестилъ его; никто не иде, и скудости моей ради гнушаются мною». Той-же пресвѣтлый мужъ рече ему: «гради, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждать; азъ восприемникомъ гряду и окрещу твоего дѣтища». Убогий же поклонвся ему до земли... Прииде тотъ свѣтлый мужъ-нарѣченный кумъ, рече іереею: «отче святыи! азъ хочу восприемникомъ быти и окрестити сего младенца». Приемъ отъ іерея благословеніе, и окрестнша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златницы.. Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопросиша родителя своего: «есть ли у меня отецъ крестный?» Мать его рече ему: «чадо! отецъ твой тако безуменъ: сотворилъ твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позвалъ и о имени его не повѣдалъ; и мы ого по сіе время не имамъ знати». Младенецъ-же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И прииде праздникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ прииде въ церковь и ста въ такомъ мѣстѣ, идѣ-же Спасителевъ образъ, зреть на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помыслиша: «даждь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго, не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися» Отпѣли утреню, и прииде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украшенъ лицомъ, аки солнце сіающе, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлый мужъ младенцу

«сыне мой крестный, Христосъ воскрес!» И поцѣловалъ младенца и даша ему два яйца. Младенецъ-же отвѣща: «во истинно воскрес!» Тако-жь мужъ вопроша младенца: «знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенецъ рече ему: «отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рекъ ему свѣтлый изрядный мужъ: «азъ есмь отецъ твой крестный»... Младенецъ-же приде въ домъ свой и нача съ родителями своими христосоватися, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуся и между собою глаголаху: «таковыхъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтища своего: «кто ихъ тебѣ даде?» Онъ-же рече: «отецъ мой крестный даде мнѣ». — Како тебѣ отца крестнаго знати?... Младенецъ рече имъ съ клятвою: «воистинно даде мнѣ отецъ мой крестный». Егда младенецъ поиде къ литургіи и виде въ церковь, и ставъ томъ же мѣстѣ, зря на Спасителевъ образъ, со слезами и со всякимъ умиленіемъ моляшеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! даждь ми видѣти домъ отца моего крестнаго». Отпѣли литургію Божию, и виде младенецъ: церковное небо растворялось и много грядущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во златыхъ ризахъ... И предстоящему народу никому невидимо взяша его на высоту и вознесоша даже до... девятаго неба. И младенецъ ужасохся, и шестокрылати юношв рекоша ему: «чадо! не убойся, не опалимъ тя пламеніемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенецъ, яко палата украшена, въ ней-же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу славяще. И введоша его во другую палату, и видѣ младенецъ, яко палата украшена лѣпотою паче первыя, въ ней-же сѣдяще пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерницею и солѣяно въ ней двѣнацать престоловъ, украшены серебромъ и златомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посредѣ ея нѣтъ престолъ превыше

всѣхъ, преодѣянь багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, непрестанно славнща Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. И видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Іисуса Христа; на немъ порфиря царская, въ рукѣ держитъ скипетръ, судитъ дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «поди, сыне мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю». И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволилъ изыти въ иную палату. Младенецъ-же одѣйся во порфирю царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и вземъ въ руцѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творитъ добрыя дѣла и худыя, и рай и мѹку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судитъ дѣла человѣческія

1-й судъ.

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковь, хотяше святую церковь ограбити, и рече повели, Господи, церкви обрушится и подавить грабителей. И того чаоу церковь подавила ихъ безъ покаянія.

2 й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяше нѣкоторую обитель разбити, и рече повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубятъ святую обитель. Тогочаса корабль погрузишася въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3 й судъ.

Той же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣкотораго кушца, богатаго чловѣка, во храмнѣ жена его отъ мужа своего творяше блудъ съ прелюбодѣями, и рече повели Господи сей храмнѣ

обрушится в подавити прелюбодѣвъ. И того часа повалилась храмина, и съ пиия много неповинныхъ безъ покаянія по-давила.

4 й с у д ъ .

Той-же младець видѣ на землѣ. въ нѣкоторомъ градѣ люди творять много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: повели, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалитися сквозь землю. И того часа бысть такъ: погибша множество неповинныхъ безъ покаянія.

Господь же умилосердился надъ народомъ, не хотя созданія своего безъ покаянія погубити, а внидоша во святую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдяща на престолѣ: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судитъ дѣла человѣческія. Господь рече ему: «сыне крестный! немилостиво судиши. Посидѣлъ ты на моемъ престолѣ четверть часа, и погубилъ ты безъ покаянія пароду на землѣ трить мы тысячъ человѣкъ; аще-бъ ты еще тако-же время посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оставилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азъ, Господь, творецъ всѣмъ человѣкомъ, ... не хочу смерти грѣшника и ожидаю покаянія...» И взыде Господь на престолъ свой, и приемъ отъ крестна сына порфиру царскую в вѣнецъ и возложи на себя, и приемъ въ руцѣ скипетръ, и сяде на престолъ своемъ. и пача судити дѣла человѣческія. И повелѣ двумъ ангеломъ сына своего крестнаго снести съ высоты небесныя... Тогда ангели его приняша и понесоша въ домъ родителя его. Родители-же вопроша его: «гдѣ тодичое время былъ еси послѣ обѣдни?» Онъ повѣдаше: «азъ былъ въ домѣ отца моего крестнаго». Они-же не поняша ему вѣры: «чадо! неправду глаголешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаеши домъ его?» И рече имъ съ клятвою: «воистинно я былъ у него!»

Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенiя покидаетъ родительскiй домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещорѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженника были прославлены даромъ исцѣленiя больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

Народная нѣмецкая сказка: «Der Schneider im Himmel» имѣетъ близкую связь съ этою апокрифическою повѣстью. Портной приходитъ къ дверямъ рая и упрасиваетъ апостола Петра впустить его ва небо. Сначала тотъ не соглашается; во послѣ — тронутый чувствомъ состраданiя — отворяетъ для него райскiя врата: портной долженъ тихо и смирно усесться въ уголку за дверями, такъ чтобы Господь не замѣтилъ его присутствiя и не разгнѣвался. «Der Schneider gehorchte, als aber der heilige Petrus einmal zur Thüre hinaus trat, stand er auf, gieng voll Neugierde in allen Winkeln des Himmels herum und besah sich die Gelegenheit. Endlich kam er zu einem Platz, da standen viele schöne und köstliche Stühle und in der Mitte ein ganz goldener Sessel der mit glänzenden Edelsteinen besetzt war; er war auch viel höher als die übrigen Stühle, und ein goldener Fuss-schemel stand davor. Es war aber der Sessel, auf welchem der Herr sass, wenn er daheim war, und von welchem er alles sehen konnte, was auf Erden geschah.» Портной сѣлъ на золотое кресло, взглянулъ на землю «und bemerkte eine alte hässliche Frau, die an einem Bach stand und wusch, und zwei Schleier heimlich bei Seite that. Der Schneider erzürnte sich bei diesem Anblicke so sehr, dass er den goldenen Fuss-schemel ergriff und durch den Himmel auf die Erde hinab nach der alten Diebin warf... O du Schalk, sprach der Herr, wollt ich richten wie du richtest, wie meinst du dass es dir schon längst ergangen wäre? ich hätte schon lange keine Stühle, Bänke, Sessel, ja keine Ofengabel mehr hier gehabt, sondern alles nach den Sündern hinabge-

worfen Fortan kannst du nicht mehr im Himmel bleiben, sondern musst wieder hinaus vor das Thor: da sieh zu wo du hinkommst. Hier soll niemand strafen, denn ich allein, der Herr.» (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 35.)

Есть также легенда о крестницѣ Пресвятой Дѣвы въ прекрасномъ сборникѣ норвежскихъ сказокъ (Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Albjörnsen und Jörgen Moe, ч. 1, № 8) находимъ одну подъ заглавіемъ «Die Jungfrau Maria als Gevatterin». У одного бѣднаго челоуѣка родилась дочь; долго искалъ и просилъ онъ чтобы взялся кто-нибудь окрестить его ребенка; все знали, что онъ бѣденъ, и никто не соглашался. Тогда предстала ему прекрасная жена, въ великолѣпномъ одѣяніи, и сама пожелала быть у него кумою. Она окрестила дѣвочку и взяла ее съ собою. Прошло много годовъ, дѣвочка выросла и поумнѣла. Однажды крестная мать собралась въ путь «Ты можешь, сказала она крестницѣ, ходить по всему дому: не входи только въ эти три комнаты.» Любопытная дѣвушка нарушила приказаніе, и заглянула въ одну запретную комнату, но едва отворила она дверь, какъ вдругъ улетѣла оттуда звѣзда. Возвратясь домой, крестная мать хотѣла прогнать шлювную но дѣвушка такъ горько плакала и такъ упрашивала, что она смягчилась и простила ее. Но и послѣ того не выдержала крестница испытаніи, и заглянувъ во вторую запретную комнату, видѣла, какъ улетѣлъ оттуда мѣсяцъ и на этотъ разъ ей удалось вымолить себѣ прощеніе. Наконецъ рѣшилась она отворить дверь и въ третью комнату, и только отворила, какъ улетѣло оттуда солнце. Тогда крестная сказала ей «выбери какое хочешь наказаніе или будешь ты въ мою, но за то красивѣе всѣхъ женщинъ, или сохранишь даръ слова, но сдѣлаешься самою безобразною». Дѣвушка выбрала первое. Нѣмая — она должна была покинуть свой счастливый пріютъ и искать себѣ другаго пристанища. Долго шла она тем-

нымъ лѣсомъ, и когда настала ночь—влѣзла на дерево. возлѣ котораго протекалъ источникъ; сѣла на его вѣтви и прѣшко заснула. На другое утро рано пришла за водой служанка изъ королевскаго замка. и только хотѣла почерпнуть—глазамъ ея представился прекрасный образъ дѣвушки, отражавшійся въ чистомъ зеркалѣ источника. Это в! подумала она. бросила ведро, воротилась домой и сказала «я слишкомъ хороша, чтобы таскать воду!» Пошла другая служанка, и съ нею случилось тоже. Пошелъ самъ королевичъ. желая узнать—въ чемъ дѣло. Онъ увидѣлъ красавицу, взялъ ее во дворецъ и сдѣлалъ своей женою. Когда родилось у нихъ первое дитя. въ то время невидимо явилась ея крѣстная разрѣзала ребенку палецъ, намазала родильницѣ его кровью ротъ и руки, а самаго ребенка взяла съ собою. Старая королева стала говорить своему сыну: «жена твоя вѣдьма! ты видишь—она пожрала свое собственное дитя», и настаивала, чтобъ ее немедленно предать сожженію. Но принцъ такъ сильно любилъ свою подругу. что не въ силахъ былъ разстаться съ нею, и потому простилъ ее. Тоже самое случилось и со вторымъ его ребенкомъ, и съ третьимъ. Что могла сдѣлать несчастная, обвиняемая въ смерти саомыхъ дѣтей? Она была вѣдьма, и ни одного слова не могла вымолвить въ свое оправданіе. Королевичъ приговорилъ наконецъ свою жену къ страшной казни сожженія, и вотъ повели ее на костеръ... Въ ту самую минуту явилась ей крѣстная мать. «Я—Дѣва Марія, сказала она; и какъ тебѣ было тяжело лишаться своихъ дѣтей, такъ мнѣ было тяжело твое непослушаніе, когда ты выпустила звѣзду, мѣсяцъ и солнце. Но теперь ты ужь довольно наказана!» Тутъ возвратила она своей крестницѣ и даръ слова и троихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ все они жили въ радости и счастіи.

Подобныя-же рассказы встрѣчаются и у другихъ народовъ: см. *Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 179 — 181. Между валахскими сказками (*Walachi-*

sche Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 2) есть одна слѣдующаго содержания:

Жилъ бѣдной дровосѣкъ. Съ горя и нищеты думалъ онъ уже повѣситься на деревѣ, какъ явился чортъ. «Что ты хочешь дѣлать?» спросилъ нечистой. — Хочу повѣситься, отвѣчалъ бѣднякъ; я не въ силахъ болѣе таскать дрова. Чортъ обѣщалъ ему доставить много золота и серебра, если онъ обѣщаетъ уступить ему то, что первое встрѣтитъ его вечеромъ при возвращеніи домой. Дровосѣкъ согласился. Когда подходилъ онъ къ своей избѣ, на встрѣчу къ нему выбѣжала дѣвочка, его единственное дитя, и съ радостью сказала: «скорѣй, отецъ! посмотри, что за чудо сотворилъ Господь съ нами: подстилка, посланная для козъ, и клочки пражы, брошенные на-земь, — все превратилось въ чистое золото». На другой день поутру повелъ дровосѣкъ свою дочь на то самое мѣсто, гдѣ являлся ему чортъ; тамъ приказалъ ей дожидаться своего прихода и оставилъ ее одну. Дѣвочка сѣла на травѣ и прождала до вечера. Боязнь овладѣла ею, и она готова была заплакать; въ то время явилась святая Дѣва Марія и спросила кого она ждетъ? Потомъ прибавила: «о мое дитя! твой отецъ не воротится онъ за богатство уступилъ тебя дьяволу, который возьметъ тебя и унесетъ съ собою». Горько заплакалъ въ ужасѣ бѣдной ребенокъ «Смотри, дочь моя! сказала Богоматерь, утѣшая дѣвочку; я начерчу около тебя кругъ, за который ты не должна выходить. Когда я удаюсь, адъ пошлетъ за тобою своихъ слугъ, но будь мужественна — они тебѣ ничего не сдѣлаютъ.» Затѣмъ Св. Дѣва начертила кругъ и исчезла. Тогда приблизились безобразные демоны, но всѣ ихъ усилія были напрасны: они не могли переступить таинственнаго круга; когда снова явилась Св. Дѣва, они ни минуты не могли вынести ея сіянія и тотчасъ-же разсѣялись въ разныя стороны. Св. Дѣва, взяла дѣвочку за руку, привела въ чудесный садъ, среди котораго

стоялъ великолѣпный домъ, и дала ей четыре ключа. «Этими ключами, сказала она, ты можешь отворить все двери и гулять по всемъ комнатамъ, только не входи, дитя мое! въ ту комнату, что отпирается этимъ деревяннымъ ключемъ.» Но дѣвочка нарушила заповѣдь, отворила дверь въ запретную комнату и видѣла, какъ Богоматерь исцѣляла раны своего божественнаго сына. Въ гнѣвъ изрекла Св. Дѣва: «да разверзается земля и да поглотитъ неблагодарную!» — Нѣтъ, сказалъ Спаситель, пусть она заплатитъ за это другимъ наказаніемъ. Св. Марія привела ее въ мрачную пещеру, строго запретила ей произносить хоть единое слово, и удалилась. Долго жила она въ этой пещерѣ. Случилось однажды — охотился вблизи королевичъ, зашелъ нечаянно въ пещеру и увидѣлъ дѣвчушку. На все вопросы его, она не отвѣчала ни слова: не смотря на то, пораженный ея красотой, королевичъ женился на ней. Черезъ годъ она родила ему двухъ прелестныхъ золотыхъ малютокъ. Ночью, когда и мать и няня спали, пришла Св. Дѣва и унесла одного ребенка. Когда няня проснулась и увидѣла, что дѣтская постелька пуста, она сильно испугалась королевскаго гнѣва; поймала гуся, вызолотила его посадила на постель, и донесла, что жена королевича — злая вѣдьма, что она родное свое дитя превратила въ гуся. Король сильно разгнѣвался на свою невестку и пришелъ къ ней въ комнату, чтобы разузнать все дѣло; но тщетно, онъ ничего не добился отъ несчастной матери, кромѣ слезъ. На слѣдующую ночь Пречистая Дѣва взяла и другаго ребенка; проснувшись, няня сдѣлала тоже что и прежде. Тогда король созвалъ судъ, и приказалъ судить королеву. Рѣшено было замуровать ее живою въ каменную стѣну. Приговоръ былъ выполненъ. Уже положили послѣдній камень надъ ея головою, уже отчаянье проникло въ ея измученную душу, — въ то время явилась Пречистая Дѣва, возвратила ей дѣтей, дала позволеніе говорить и надѣлила

пищею. Цѣлые три года пробыла королева въ каменной стѣнѣ; наконецъ принцъ не могъ долѣе противиться своей любви, разрушилъ стѣну и нашелъ свою жену и дѣтей. Съ тѣхъ поръ они жили мирно и счастливо.

Пользуясь собраніемъ В. И. Даля, приводимъ отсюда русской народной разсказъ, въ которомъ тоже содержаніе передается почти съ тѣми-же подробностями и обстановкою:

Жилъ-былъ мужикъ; до того обѣднялъ, что остался у него одинъ сундукъ, и тотъ порожній. Что теперь дѣлать? держать онъ въ умѣ; вѣсть нечего, купить нѣ на что! Кажись, родную-бъ дочь свою продалъ, да кому ее надобно? Только подумалъ, какъ вдругъ входитъ въ избу Пречистая Дѣва и говоритъ: «здравствуй, мужичекъ! продай мнѣ свою дочь». Что за диво! подумалъ мужикъ, еще ни слова не говорилъ, а ужъ ей вѣдомо! «Отчего не продать! сказалъ онъ; купи — твоя будетъ. — Взялъ мужикъ деньги и отдалъ дочь. Пресвятая Богородица привела ее въ высокіе хоромы, и говоритъ: «оставайся здѣсь и живи съ миромъ. Если соскучишься — вотъ тебѣ ключъ, отпри эту дверь и ступай гулять: тамъ тебѣ будетъ весело». Дѣвочка отворила дверь и вошла въ большой-большой садъ: какихъ только цвѣтовъ и деревьевъ въ немъ ни было! Цѣлой мѣсяцъ пробыла здѣсь дѣвочка, и все не могла насмотрѣться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дѣва другой ключъ: «будетъ скучно — отпри эту дверь и полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка другую дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ птицъ, точно со всего свѣта сюда собраны. Вѣкъ бы глядѣлъ на нихъ — не наглядѣлся, вѣкъ бы слушалъ ихъ сладкое пѣніе — не наслушался. Опять прошло много времени, и даетъ ей Пречистая Дѣва третій ключъ: «будетъ скучно — ступай въ эту дверь, полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка третью дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ звѣ-

рей: все звѣри ласковые да красивые; стала она играть съ ними, и на ихъ скачки, на ихъ прыжки долго не могла налюбоваться. Послѣ отдала ей Пресвятая Богородица все ключи, и говоритъ: «позволяю тебѣ вездѣ ходить и все смотрѣть; только туда не ходи, гдѣ мѣдной замѣкъ на двери виситъ». Вотъ дѣвочка и стала про себя думать: «что это такое — вездѣ и хожу, на все я смотрю, а тамъ не была, гдѣ мѣдной замѣкъ виситъ? Дай хоть немножко загляну!» И только чуть отворила дверь, какъ ударило оттуда пламя, и она едва успѣла убѣжать въ сторону. «Гдѣ ты была, что видѣла?» стала спрашивать Пречистая Дѣва. — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, отвѣчала дѣвочка. «Если ты не признаешься, я сдѣлаю тебя и глухою, и нѣмою.» — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, повторила дѣвочка. Пречистая Дѣва сдѣлала ее глухою и нѣмою, и отвела въ густой и темной лѣсъ.

Долго ходила она по лѣсу, притомилась, приустила, и залѣзла въ дупло отдохнуть. На ту пору охотился тутъ царской сынь; наѣхалъ онъ на дупло и увидѣлъ дѣвочку. Засмотрѣлся на ея красоту и сталъ спрашивать: кто она и какъ сюда попала. Сколько ни спрашивалъ, она ни слова ему не промолвила. Тогда царевичъ велѣлъ своимъ людямъ взять ее съ собою, и привезъ ее во дворецъ. Дѣвочка выросла и крѣпко полюбилась царевичу: захотѣлъ онъ на ней жениться, сказалъ отцу и матери; они и говорятъ ему: «любезной сынь! мы съ тебя воли не снимаемъ; а совѣтъ нашъ такой: что за охота брать за себя нѣмую? женись-ка лучше на царевнѣ, али королевнѣ». Но царевичъ такъ неотступно упрашивалъ, что дѣлать нечего — и отецъ и мать согласились, и дали ему свое родительское на вѣки нерушимое благословеніе. У царя не пиво варить, не вино курить; веселымъ пиркомъ да за свадебку, отпраздновалъ и стали жить въ радости. Ровно черезъ годъ родила молодая сына; но въ ту-же ночь, какъ скоро за-

снули всѣ крѣпкимъ спомъ, пришла Пречистая Дѣва, разбудила жену царевича, и сказала «я разрѣшаю твой языкъ, признайся только, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» — Я ничего не видала. Тогда Пречистая Дѣва сдѣлала ее опять глухою и нѣмою, взяла ея ребенка и унесла съ собой. На утро спрашиваетъ царевичъ о сынѣ; мамки и няньки переполошились, искали-искали, думали-думали, и ничего не нашли, ничего не придумали. Царь съ царицею сгали ему говорить, что жена его—злая вѣдьма, сама изгубила свое милое дѣтвще, и что слѣдуетъ казнить ее. Царевичъ началъ слѣзно упрашивать своихъ родителей, и они сжапились на его слезы и простили невѣстку. Черезъ годъ родила она другаго сына, ночью явилась Пречистая Дѣва, и унесла съ собой и другаго ребенка. Еще черезъ годъ родился у царевича третій сынъ, и съ нимъ случилось тоже самое. Тогда царь сильно разгнѣвался и приказалъ казнить царевичеву жену жестокою казнію. Повели ее казнить, ужь все готово. и топоръ, и плаха! Въ то самое время явилась Пресвятая Богородица съ тремя хорошенькими мальчиками, и сказала: «признайся, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» Тутъ только призналась царевичева жена, и Пресвятая Дѣва простила грѣшницу, разрѣшила ей языкъ и отдала дѣтей. Послѣ того царевичъ сталъ съ своею женою жить, да поживать, да добра наживать, а какъ умеръ его отецъ — онъ сдѣлался царемъ, и правилъ народомъ долго и мпостиво.

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЬ.

Вариантъ этой легенды напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1840 года (см. «Шесть малороссійскихъ простона-

родныхъ балладъ» Л. Боровиковскаго — № 2, сѣсь; стр. 50 — 51).

«Славный у старыхъ пановъ былъ Ярёмка-кузнецъ: бывало, сдѣлаетъ серпъ-ли, къ дверямъ рукоятку-ль, задвижку, крючокъ-ли, завѣски-ли къ скрынѣ — ну такъ вѣдь прехитро украситъ рѣзбой да насѣчкой, что, ей, заглядѣнье! Вотъ такъ бы сидѣлъ да глядѣлъ бы!... Ну, а кузница-то у Ярёмки: право, и хата другая не будетъ просторнѣй и краше... Подлѣ горнила, на самой на печкѣ, висѣлъ на холстѣ намалеванный чортъ, повѣшенный къверху ногамъ, ну да и списанный точно! Кто ни посмотритъ, узнаетъ чортъ да и чортъ тебѣ! чорный, съ рогами, съ предлиннымъ хвостомъ, съ бородою, съ калиткою денегъ въ когтяхъ и съ людскими грѣхами. Чорта Ярёмка повыпачкалъ грязью и дегтемъ, очи проклятыя выжегъ, всего искололъ, изцарапалъ. Если Ярёмка куётъ — ужъ онъ такъ норовитъ, чтобы къ чорту спиной повернуться... А если и глянетъ, бывало, на чорта, то вѣрно, чтобъ плюнуть на чортову харю.» Чортъ разозлился и рѣшился отомстить. Вотъ нанялся въ кузницу новой работникъ, цыганъ, и какой работникъ! Десять противъ него не сработаютъ; Ярёмка только смотритъ да деньги считаетъ. Приѣхалъ однажды къ Ярёмкѣ хромой атаманъ. Цыганъ предложилъ ему сковать ногу. Атаманъ согласился. «Цыганъ пригораздилъ къ жаровнѣ хромую ногу; ударилъ молотомъ, sprыснулъ водою, посыпалъ пескомъ. Атаманъ лишь вышелъ изъ рукъ кузнеца — да въ присядку!... Съ этой поры къ кузнецу приносили не ломъ да желѣзо, а увѣче, недугъ да калѣчество.» Много перековалъ цыганъ: стариковъ и старухъ въ молодыхъ, калѣкъ въ здоровыхъ, безобразныхъ и въ красавцевъ. «Какъ-то работникъ-цыганъ отлучился; а баринъ Ярёмкинъ, дряхлой старикъ, приходитъ къ Ярёмкѣ съ приказомъ — перековать его въ пододцы. Недолго думалъ кузнецъ: завязалъ его въ мѣшокъ, под-

ложилъ угольковъ въ жаровню, и бросивъ въ горы, самъ принялся раздувать. Отчаянный крикъ и стоны господскіе скоро затихли. Вынулъ Ярёмка съ огня обгорѣлыя кости... Цыганъ пропалъ безъ вѣсти! Ужь палачъ и Сибирь ожидаютъ Ярёмку.» Велѣлъ онъ позвать священника съ молитвою; вотъ священникъ прочталъ молитву, сталъ кропить святою водою и прямо попалъ въ намалеваннаго чорта. Вдругъ откуда ни взялся — пришелъ цыганъ, вызвалъ Ярёмку и сказалъ: «что хочешь надо мной дѣлай, глумись и ругайся, только не кропи святой водою! Сейчасъ приведу твоего барина». Скоро явился баринъ молодецъ-молодцомъ! Ярёмку простили, а работникъ его сгниулъ безъ вѣста. Ярёмка снялъ чортовъ портретъ и швырнулъ въ огонь: съ той поры чортъ почернѣлъ еще хуже, и любимыя мѣстомъ его стали кузнечныя трубы.

Смотри также легенду «Пустынникъ и дьяволъ» (№ 20, b).

Въ нѣмецкой сказкѣ «Das junggeglühte Männlein» (Kinder- und Hausmagchen, ч. 2, № 147) совсѣмъ иначе обставлено преданіе о перековкѣ дряхлыхъ стариковъ въ юношей, полныхъ силъ и здоровья; здѣсь оно связывается со Христомъ и апостолами. Однажды шелъ Господь по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Дѣло было къ вечеру, и ояи попросились почевать къ кузнецу. Случилось, что въ то же время пришелъ туда за милостивою бѣдной нищій, совсѣмъ-согнувшійся отъ старости и недостатка силъ. «Господи! сказалъ св. Петръ, даруй ему, чтобы онъ самъ могъ добывать свой хлѣбъ.» Господь приказалъ кузнецу развести огонь: «я желаю, говорилъ онъ, помолодить этого больного старика». Кузнецъ положилъ въ горнило горчичхъ угольевъ, св. Петръ принялся зв мѣха, и когда все было готово, взялъ Господь стараго нищаго, положилъ его въ горнило на самой жаръ и раскалилъ до-красна; послѣ того бросилъ его въ воду, далъ охладиться горячему тѣлу и благословилъ: и тотчасъ возсталъ нищій здоровымъ,

сильнымъ, молодымъ, какъ будто ему было только двадцать лѣтъ. На другой день тоже самое повторяетъ кузнецъ съ полуслѣпою, сгорбленною старухою, но его опытъ оказывается неудачнымъ.

Любопытно то цѣлебное и животворное свойство, найденное въ этой легендѣ и во многихъ другихъ народныхъ сказкахъ, приписывается водѣ и огню: это повѣрье, по своему происхожденію, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ, когда обожались ствхія и когда знахарство (лѣченіе больныхъ) входило въ область религиозныхъ священнодѣяній. Съ принятіемъ христіанства многое изъ этихъ старинныхъ представленій—въ массѣ народа, по преимуществу живущей преданіемъ, было удержано, и сказало въ ея поэтическихъ созданіяхъ, между тѣмъ какъ самая обстановка перѣдко заимствована изъ иного міра. Такъ было у всѣхъ народовъ, такъ было и у славянскихъ племенъ. (Сличи съ легендами, помѣщенными въ этомъ сборникѣ подъ № № 4 и 5.)

Norwegische Volksmährchen (ч. 1, № 21) передаютъ сказаніе о кузнецѣ отчасти сходно съ нѣмецкою легендою, напечатанною братьями Гриммами, отчасти съ своеобразными дополненіями:

Кузнецъ заключилъ съ чортомъ договоръ, что ровно черезъ семь лѣтъ готовъ отдаться ему, если на все это время нечистой сдѣлаетъ его первымъ мастеромъ въ кузнечномъ искусствѣ. Однажды какъ-то Христосъ и св. Петръ, странствуя по землѣ, зашли къ этому кузнецу. У него была мать-старуха: съ сгорбленною спиною, съ сморщеннымъ лицомъ, она едва ноги передвигала отъ дряхлости. Господь взялъ ее, положилъ въ горнило и началъ ковать — и старуха сдѣлалась молодою и красивою. Кузнецъ попробывалъ тоже сдѣлать, но ему вовсе не удалась хитрая работа. Раздраженный тѣмъ, что чортъ плохо ему помогаетъ, онъ вздумалъ его проучить. «Прав-

ду ли говорятъ люди, спросилъ кузнецъ нечистаго, что ты можешь на столько умалять себя, на сколько захочешь?» — Правду. «А ну, полѣзай въ этотъ кошель!» — Изволь! сказалъ чортъ, сдѣлался маленькимъ и влѣзъ въ кошель. Но едва онъ влѣзъ туда, какъ въ ту-же минуту кузнецъ затащилъ кошелекъ, завязалъ, положилъ въ горнило и давай поджаривать нечистаго. Чортъ кричать, молить пощады! Не тутъ-то было. «Я не могу тебя избавить, сказалъ кузнецъ; пословица говоритъ: куй желѣзо, пока горячо!» Бросилъ кошелекъ на наковальню и ну ударять по немъ большимъ молотомъ. Вдоволь натѣшился надъ чортомъ и выпустилъ его: чортъ выскочилъ и давай Богъ ноги! Прошло довольно времени; взялъ кузнецъ свой молотъ и пошелъ искать дороги въ адъ. Шель, шель, и добрался до перекрестка, гдѣ тропинка раздѣлялась на-двое: одинъ путь велъ на небо, другой въ пекло. Здѣсь повстрѣчался онъ съ портнымъ. «Доброй день! сказалъ кузнецъ; ты куда идешь?» — На небо; а ты куда? «Ну, братъ, мнѣ съ тобой не по дорогѣ: я иду въ пекло.» Распрощались и пошли каждой своею дорогою. Вотъ пришелъ кузнецъ къ адскимъ воротамъ. «Кто идетъ?» спрашиваетъ чортъ, поставленный на стражѣ. — Я тотъ самый кузнецъ, у котораго есть кошель и молотъ. Какъ услышалъ это дьяволъ, сейчасъ велѣлъ запереть двери на всѣ на девять замковъ. «Видно, здѣсь нѣтъ для меня квартиры, подумалъ кузнецъ; пойду въ рай.» Пустился въ дорогу, и достигъ райскихъ воротъ въ то самое время, какъ св. Петръ впускалъ на небо портнаго; но попалъ ли туда кузнецъ — неизвѣстно¹⁾.

Въ «Москвитяинѣ» 1843 года (№ 1, стр. 132 — 140) г. П. К. передалъ со словъ одного казака народную сказку:

¹⁾ О странствованіи портнаго на небо см. нѣмецкую сказку въ *Kinder- und Hausmärchen*, № 35.

«Коваль Захарко». Чортъ позавидовалъ доброму и работающему ковалю и сталъ отзывать отъ него всѣхъ, кто только ѣхалъ къ нему съ работою. Захарко съ горя продался чорту; но съ того времени былъ столь милостивъ къ бѣднымъ и столь набоженъ, что свыше дано ему было во власть два слова: *стань* и *сядь*. Когда наступилъ срокъ и явилась за нимъ печистая сила, онъ одному чорту сказалъ: *стань!* а другому: *сядь!* и оба они не могли уже тронуться съ мѣста. Самого сатану посадилъ онъ въ кожаный кошель и разбилъ молотомъ на наковальнѣ. (Сличи съ легендою: «Солдатъ и Смерть» — № 16, с.)

32. ВОЛКЪ.

См. Народн. русскія сказки, выпускъ IV, стр. 44—47, 155 — 158, и легенду о бѣдной вдовѣ (№ 3).

Въ сказкѣ «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ», записанной казакомъ Луганскимъ, волкъ обращается съ своими просьбами къ этому святому. Георгій Храбрый между простолюдинами почитается покровителемъ стадъ и начальникомъ волковъ, которымъ раздаетъ приказанія: гдѣ и чѣмъ кормиться. Народныя поговорки говорятъ: «Св. Юрій коровъ запасаесть», «Егорій да Власъ всему богатству глазъ», «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ». Существуетъ повѣрье, что волкъ ни одной твари не задавитъ безъ Божьяго дозволенія. Подъ Юрьевъ день, и осенью, и весною, въ курской губерніи ничего не работаютъ изъ шерсти, опасаясь, чтобы волки не поѣли за то овецъ¹⁾. Отъ одного поселянина слышали мы такой рассказъ:

¹⁾ Зооморф. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852 г., № 3, ст 17—18; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 93; Ма 1844 г., т. XIV.

Пасли два пастуха овечье стадо; захотѣлось одному водицы испить, и пошелъ онъ черезъ лѣсъ къ колодцу Шель, шель, и увидѣлъ большой, вѣтвистый дубъ, а подъ нимъ вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тутъ дѣлается», сказалъ пастухъ и влѣзъ на самую верхушку дерева. Глядь — ѣдетъ св. Георгій, а въ слѣдъ за нимъ бѣжитъ многое множество волковъ. Остановился Георгій у самага дуба, началъ разсылать волковъ въ разныя стороны, и наказываетъ всякому, чѣмъ и гдѣ пропитаться. Всѣхъ разослалъ; собирается ужъ ѣхать: на ту пору тащется хромой волкъ и спрашиваетъ: «а миѣ-то что-жь?» Егорій говоритъ: «а тебѣ воиѣ на дубу сидить!» Волкъ день ждалъ, и два ждалъ, чтобы пастухъ слѣзъ съ дерева, такъ и не дождался; отошелъ подальше и схоронился за кустъ. Пастухъ оглядѣлся, спустился съ дуба — и бѣжать! а волкъ какъ выскочитъ изъ-за куста: схватилъ его и тутъ-же съѣлъ.

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ.

Сличи съ началомъ сказки: «Лиса-лѣкарка» (Народн. русск. сказки, вып. IV, № 7) и съ рассказомъ, помещеннымъ въ *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz* (ч. 2, стр. 175 — 6) о бѣднякѣ, у котораго было много дѣтей: выросъ дубъ до самага неба; бѣдной мужикъ влѣзъ на верхушку и давай стучаться. «Посмотри, сказалъ Господь апостолу Петру, кто сюда стучится?» — Кто тамъ? спросилъ св. Петръ. — Я, бѣдной человекъ, у котораго много дѣтей. Апостоль Петръ далъ ему два хлѣба. Въ другой разъ мужикъ выпросилъ себѣ булку; а въ третій разъ былъ прогнанъ палкою. — Чудесныя жорновки, которые даютъ своему хозяину сколько угодно блиновъ и пироговъ, напоминаютъ собой сказочную скатерть-

самобранку (Tuch deck dich). Норвежская сказка упоминает о такой-же мельницѣ:

Въ старое время было два брата: богатой и бѣдной. Наступалъ праздникъ Рождества Христова; у бѣднаго не было ни куска мяса, ни хлѣба въ домѣ; онъ пошелъ къ брату и сталъ просить у него ради Христа. Богатой не очей обрадовался такому посѣщенію. «Сдѣлай то, что прикажу тебѣ, сказалъ онъ, и я тебѣ дамъ цѣлой окорокъ.» — Хорошо, отвѣчалъ бѣдной. Тогда богатой бросилъ ему окорокъ и сказалъ. «возьми и убирайся къ чорту!»—Я обѣщаль, долженъ и выполнить, подумаль бѣдникъ, взялъ окорокъ и пошелъ въ адъ. Цѣлый день шелъ онъ, и наконецъ увидалъ старика съ длияною бѣлою бородою. «Здѣсь ли дорога въ адъ?» — «Здѣсь. Только послушай: когда ты прійдешь туда, всѣ черти и большіе и малые станутъ покупать у тебя окорокъ; но ты не отдавай его за деньга, а проси въ обмѣнъ старую ручную мельницу, что у дверей стоитъ.» Бѣдной послушался и получилъ мельницу. Воротясь домой, онъ поставилъ ее на столъ, и приказаль молоть: все, что только онъ ей приказываль, сейчасъ-же давала чудесная мельница. Узналь о томъ богатой, пришелъ торговать мельницю, и купилъ ее за 300 талеровъ. Принесъ домой, и говоритъ женѣ: «ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготавлию». Жена ушла, а мужъ поставилъ мельницу на столъ и приказываетъ, чтобъ молола селдь и молочной супъ. Начала мельница молоть селдь и молочной супъ: наполнила всѣ чашки, чугуны, кадки; ужъ и подставлятъ нечего, а она все мелеть. Какъ не останавливалъ ее богатой, какъ не трудился — ничего не могъ сдѣлать; затопила она всю пзбу, запрудила цѣлой дворъ и потекло молоко съ селдями въ открытое поле. Богатой бросился къ брату: возьми назадъ свою мельницу. Тотъ взялъ мельницу и еще въ придачу 300 талеровъ, и сталъ жить весело и счастливо. Забхаль

къ нему однажды корабельщикъ и пожелалъ видѣть мельницу.
«Можетъ ли она молоть соль?»—Можетъ. «Продай ее мнѣ.»
—Куши. Сторговалъ за тысячу галеровъ, поставилъ ее на ко-
рабль, поѣхалъ въ море и заставилъ молоть соль. Тотчасъ-же
посыпалась соль и наполнила цѣлое судно; сколько ни старал-
ся корабельщикъ — не могъ ее остановить: кучи соли росли
выше и выше, и наконецъ потопили корабль со всѣмъ, что на
немъ было. Тамъ, па днѣ моря, стоить чудная мельница и до
сего дня мелеть соль: отъ того-то и солоня морская вода.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Предисловіе.	V—XXXII
1. Чудесная молитба	3
2. Чудо на мельницѣ	5
3. Бѣдная вдова	—
4. Исцѣленіе.	15
5. Попъ-завидушіе глаза.	19
6. Превращеніе	23
7. Цыво и хлѣбъ	25
8. Христовъ братецъ	30
9. Егорій Храбрый.	32
10. Илья-пророкъ и Никола	39
11. Касьянъ и Никола.	42
12. Золотое стремя	43
13. Пятница	47
14. О Ноѣ Праведномъ.	48
15. Соломонъ Премудрый.	53
16. Солдаты и Смерть	—
17. Видѣніе.	71
18. Потанька.	74
19. Поѣздка въ Іерусалимъ.	75
20. Пустынникъ и дьяволъ.	—
21. Пустынникъ.	79
22. Повѣсть о бражникѣ	81
23. Царевичъ Евстафій.	82
24. Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію.	84
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго	87
26. Ангель	88
27. Кумова кровать.	90

	Стран.
28 Грѣхъ и покаяніе.	91
29. Горькой пѣлянца.	97
30. Крестной отецъ	99
31 Кузнецъ и чертъ.	104
32 Волкъ.	107
33. Пѣтухъ и жорновки.	109
Прихѣчанія.	113
